

Министерство образования
и науки Российской Федерации

Коми государственный
педагогический институт

ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-образовательный
и методический журнал

№ 2 (4) / 2012

Сыктывкар
2012

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал

Издается с 2011 года

*Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора*

Адрес:

167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 25

Телефон: (8212) 24 32 35; (8212) 20 16 01

Факс: (8212) 21 44 81

Редакционный совет журнала:

- Васильев П.В., кандидат педагогических наук, доцент (г. Сыктывкар)
- Глазачев С.Н., доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)
- Гончаров С.А., доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург), *председатель*
- Золотарев О.В., доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар)
- Китайгородский М.Д., кандидат физико-математических наук, ректор Коми государственного педагогического института (г. Сыктывкар)
- Королева Т.П., кандидат педагогических наук, доцент (г. Сыктывкар)
- Леете А., доктор философии, профессор (г. Тарту, Эстония)
- Люсий А.П., кандидат культурологии (г. Москва)
- Машарова Т.В., доктор педагогических наук, профессор (г. Киров)
- Мосолова Л.М., доктор искусствоведения, профессор (г. Санкт-Петербург), *зам. председателя*
- Муравьев В.В., доктор философских наук, профессор (г. Сыктывкар)
- Садовский Н.А., доктор педагогических наук, профессор (г. Сыктывкар)
- Соколова Л.В., доктор филологических наук, профессор (г. Сыктывкар)
- Сулимов В.А., доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар)
- Фадеева И.Е., доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар)
- Шабает Ю.П., доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар)

Редакция журнала:

- Королева Т.П., Майбуков А.Г., Сулимов В.А., Фадеева И.Е.
 - Ответственный редактор – Фадеева И.Е.
- <http://www.kgpi.ru>, rio@kgpi.ru

ISSN 2223-1277 © Коми государственный педагогический институт, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Павильч А.А.</i> Репрезентация компаративного знания в сравнительных исследованиях культуры: исторический и теоретический аспекты.....	5
<i>Митина С.И.</i> Личность и эпоха в зеркале философской эссеистики.....	14

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

<i>Тульчинский Г.Л.</i> Информационные войны как конфликт интерпретаций, активизирующих «Третьего».....	22
<i>Панкратов В.В.</i> Смысловое содержание политических идеологем: опыт систематизации.....	31

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Мартысюк П.Г.</i> Природа как источник культуротворческой деятельности.....	51
<i>Сурво В., Сурво А.</i> «Белый социализм» этнографических реконструкций.....	62
<i>Яанитс Я.</i> Этнодискотека: этническая идентичность молодежи коми.....	75
<i>Шабает Ю.П., Рогачев М.Б., Рябинкин Г.С.</i> Антропология города: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность.....	85
<i>Пискунова Л.П.</i> Городские кладбища в динамике социальных репрезентаций (семиотический анализ).....	95
<i>Миронова Н.П.</i> Конструирование этничности в текстах современной культуры (на примере Республики Коми).....	102
<i>Оксузьян Д.В.</i> Доктрина Евномия и святоотеческое учение о Богопознании.....	118

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Васильев П.В.</i> Политико-идеологическое перевоспитание учителей в первые годы строительства единой трудовой школы...	125
<i>Коренева А.В.</i> Реализация принципа текстоцентризма на занятиях по русскому языку и культуре речи в высшей школе.....	135

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бушев А.Б.</i> Язык как основание и индикатор идентичности.....	147
<i>Бобохидзе Н.Г.</i> Денацификация в поэтическом языке довоенного периода.....	165
<i>Фомина Т.Г.</i> Мифологические основы грамматической категоризации в индоевропейских языках.....	177
<i>Оробий С.П.</i> Дискурсивный материал современности.....	189
<i>Оверина К.С.</i> К вопросу о сюжетности, нарративности и событийности массовой литературы (на примере ранней прозы А.П. Чехова).....	198

Рецензии

<i>Город Сыктывкар. Энциклопедия. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. – 408 с. – О.В. Золотарев.....</i>	208
--	-----

Сведения об авторах.....	214
---------------------------------	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. А. Павильч

Репрезентация компаративного знания в сравнительных исследованиях культуры: исторический и теоретический аспекты

УДК 81-115

Статья отражает опыт развития и репрезентации компаративного знания. Связь предметной сферы культурологической компаративистики с межкультурным дискурсом обосновывается непосредственным отношением культурологического знания к изучению семантики сходств и различий, разнообразных форм межкультурной коммуникации. Межкультурный дискурс является проекцией интерактивных процессов социокультурного пространства в синхроническом и диахроническом аспектах. Процессы трансформации и модернизации социокультурного пространства обусловили новые тенденции в современных компаративных исследованиях культуры.

Ключевые слова: сравнительные исследования культуры, компаративная парадигма, компаративное знание, межкультурный дискурс, межкультурные различия

A. Pavilch. The representation of comparative knowledge in comparative cultural studies: historical and theoretical aspects

The article reflects the experience of the development and the representation of comparative knowledge. The connection of the comparative cultural studies subject sphere with the intercultural discourse practice is proved by the direct relation of comparative knowledge and studying of the semantics of similarities and differences, of various forms of intercultural communications. The intercultural discourse is a projection of interactive processes of socio-cultural dynamics in synchronic and diachronic aspects. The processes of transformation and modernization of the sociocultural space caused new tendencies in modern comparative cultural studies.

Key words: comparative cultural studies, comparative paradigm, comparative knowledge, intercultural discourse, intercultural differences

Парадигма компаративных исследований культуры зарождалась в контексте имплицитного осмысления разнообразия культуры и затем последовательно формировалась в процессе становления и развития научных основ социального и гуманитарного знания. Памятники письменности позволяют проследить развитие компаративных представлений и идей на раннем этапе оформления сравнительного знания о культуре. Рефлексия социокультурной действительности отразилась в фольклорном, историческом, философском, религиозном, поэтическом дискурсах, располагающих собственными средствами осмысления культурного разнообразия мира и способами репрезентации межкультурных различий. Преобладающей формой репрезентации компаративного опыта в мировом наследии книжной культуры являлось сравнительное описание. Описательная краеведческая и аналитическая информация оценочного характера, отражающая взгляд на собственную и чужую культуры, содержится в разнообразных текстах религиозного и светского содержания, включая христианскую каноническую литературу, поэтические и философские сочинения, летописи, хроники, «хождения», дневники и мемуары путешественников и паломников.

С древнейших времен путешествия, мотивированные религиозными миссиями, паломничеством, дипломатическими, торговыми, военно-политическими целями, способствовали накоплению знаний о чужеземных народах, поскольку предоставляли возможность для непосредственных этнографических наблюдений, сбора и критической оценки фактического материала. Мишель Монтень обратил внимание на то, что познавательный смысл поездок в чужие края не исчерпывается желанием непосредственного восприятия образов и фактов, отличающих пространство другой культуры. По его мнению, более значимым результатом путешествия является способность человека «вывезти оттуда знание духа этих народов и их образа жизни, и для того также, чтобы отточить и отшлифовать свой ум в соприкосновении с умами других» [1:188]. В последующие историко-культурные эпохи путешествие сохраняло статус безальтернативного эмпирического способа постижения поликультурного мира и важной формы межкультурной коммуникации, предвосхитив научную методологию полевых исследований в дальнейших антропологических открытиях. Познавательный потенциал путешествия составил основу остающейся

до сих пор популярной художественной и философской публицистики, позволявшей в форме путевых заметок излагать авторские суждения о культуре разных народов мира и осмыслять межкультурные различия. Компаративная интерпретация культурной информации на основе личных впечатлений широко представлена в творчестве Н.М. Карамзина («Письма русского путешественника»); Ю. Фукудзавы («Руководство для путешествующих по Западу», «Как живут на западе»); Дж. Оруэлла («Англичане»); Ж. Бодрийара («Америка»); В. Овчинникова («Корни дуба», «Ветка сакуры», «Дуб и сакура») и многих других.

Текстуальная констатация опыта восприятия поликультурного пространства в источниках древнейшего времени сведена преимущественно к описательной информации о конкретной культурной среде на фоне другого социального окружения (Геродот, «История»; Аристотель, «Политика», «Этика»; Тацит, «Германия»; Иосиф Флавий, «Иудейские древности»; Марко Поло, «Книга о разнообразии мира» и др.). В сопоставительных наблюдениях преобладали личные впечатления авторов письменных свидетельств. В компаративных взглядах, как правило, доминировали этноцентристские оценки образа жизни, обычаев, творческой деятельности и религиозных верований разных народов. Текстологический анализ позволяет установить, что главным основанием для обнаружения контрастов в сопоставляемых культурах в большинстве случаев являлись религиозные различия.

Анализ мирового наследия книжной культуры дает возможность проследить генезис и эволюцию сравнительного знания о повседневной жизни разных этнонациональных общностей. Опыт компаративной оценки реалий повседневной культуры, отраженный в литературно-художественном творчестве, отличается многоаспектностью своего содержания и способов репрезентации. Осмысление межкультурных различий в собственно литературных текстах является примером поэтической рефлексии поликультурного мира. Повседневная культура отразилась в компаративной репрезентации реалий быта и хозяйственной организации, семейной и религиозной жизни, досуга и развлечений, традиций, обычаев, норм жизнедеятельности и взаимодействия в социокультурном пространстве.

Формированию научных основ сравнительного изучения культурных реалий способствовало углубление аналитических подходов и

развитие теоретических обобщений в интерпретации несоответствий между культурами (Мишель Монтень, Дж. Вико, Ш. Л. Монтескьё, Вольтер, И. Г. Гердер, В. Гумбольдт, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Ф. Ницше и др.). Философская рефлексия культуры, исторические, филологические, искусствоведческие, религиоведческие и антропологические поиски XIX – начала XX в. обусловили развитие эмпирической и теоретической базы культурологической компаративистики и определили последующее выделение ее собственной предметной сферы и оригинальных направлений анализа. Оформление парадигмы сравнительно-исторических исследований и ее последующее утверждение во многих отраслях гуманитарного знания способствовало развитию аналитических подходов в осмыслении поликультурного мира. Научные открытия в филологии, религиоведении, этнологии, искусствознании основывались на расшифровке, переводах и текстологическом изучении письменных первоисточников. До начала XX в. главной эмпирической базой для компаративной интерпретации культур были результаты сравнительно-исторических исследований в языкознании, фольклористике, мифологии, этнографии. Доминировавший в науке исторический аспект соотношения цивилизаций постепенно уступил сопоставительному анализу социокультурных систем, сосуществующих в одном временном пространстве. Соответственно компаративные построения в культурологии и антропологии не могли исчерпываться археологическими и палеонтологическими свидетельствами, данными историко-культурной, лингвистической и этнокультурной реконструкции.

В рассмотрении содержания дискурсов и оценке их возможностей репрезентации компаративного знания, как правило, не учитываются факты интерактивности и органичного переплетения текстовых единств. В этой связи представляется неуместной категоричность дифференциации философского, религиозного, этнонационального, историко-культурного и других взаимосвязанных типов дискурса. Степень сращения или обособления дискурсов в культуре не является показателем ее прогрессирования или отсталости. История западной и русской культуры располагает слишком разнообразными и противоречивыми фактами, чтобы выводить бесспорную закономерность относительно временной, пространственной, идеологической обусловленности разделения или синтеза дискурсов. Если учесть, что

письменность на протяжении тысячелетий обладала особым статусом, являясь мощным коммуникативным средством, хотя и не всегда общедоступным, то при отсутствии других альтернатив литературоцентризм был вполне типичным явлением. В средневековой культуре в условиях церковной монополизации социокультурных сфер дискурсы не могли не синтезироваться в пределах идеологически ангажированной книжности. Религиозный дискурс из числа всех других, независимо от фактора времени, был и остается относительно закрытым для взаимодействия. Альтернатива литературоцентризму появилась в процессе социокультурной трансформации и утверждения новой коммуникативной парадигмы медиацентризма. При этом даже в условиях медиацентризма дискурсы не стали абсолютно автономными. Несмотря на актуальные для декаданса и модерна тенденции разрушения целостности художественного языка, факт взаимодействия и сращения дискурсов оставался актуальным, еще более проявляясь в культуре постмодерна. Распространенной формой отражения компаративной рефлексии культуры является философская эссеистика, характерная особенно для современной западной культуры и отличающаяся синкретизмом дискурсов. Она занимает промежуточное положение между художественной, научной и массовой публицистикой (Ж. Бодрийар, С. Хантингтон, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма). В этом смысле неправомерно отождествлять литературоцентризм с концентрацией дискурсов исключительно в художественном тексте. Художественный литературоцентризм заметно вытеснен современным междисциплинарным дискурсом, сформировавшимся на пограничье социогуманитарного знания и философской рефлексии.

Вопрос о связи или автономии дискурсов является слишком многоаспектным и не может рассматриваться на основе одномерных подходов. Следует различать внешний и внутренний уровни их соотношения. С одной стороны, можно утверждать о переплетении фольклорного, художественного, историко-культурного, религиозного, политического, философского дискурсов, а с другой – интерпретировать проблему внутри отдельно взятого: соотносить реалии конфессиональных культур в рамках религиозного дискурса; этнокультурные традиции в пределах этнонационального дискурса. В данном случае целесообразно утверждать о межкультурном дискурсе. Несмотря на взаимодействие разных содержательных дискурсов, внутри каждого

различают дискурсии сходства, различий и диалога текстов разных культур – в совокупности конструирующих межкультурный дискурс.

Структурно-содержательная логика и опыт сравнительных исследований культуры позволяют отождествлять их компетенцию со сферой анализа межкультурного дискурса, предполагающего соотношение социокультурных систем, цивилизационных комплексов, исторических, региональных, этнонациональных, конфессиональных типов культуры. Сущность межкультурного дискурса обычно сводят к взаимодействию (диалогу) культур. В контексте сравнительных исследований межкультурный дискурс целесообразно отождествлять с репрезентацией и рефлексией подобия и несоответствий в текстах разных культур, а также с проекцией интерактивных процессов в синхроническом и диахроническом аспектах. Понятие интерактивности в целом не исчерпывается фактами взаимодействия самих дискурсов и одновременно подразумевает способность текстовой целостности к рецепции поликультурной действительности и ее коммуникативных процессов. Межкультурный дискурс нельзя сводить к дискурсу мультикультурализма. Межкультурный дискурс – более сложная метакатегория, связанная с конструированием дискурсий подобия, сходства и взаимодействия (диалога) разных культур. Он предполагает соотношение культурных текстов (в широком смысле) с целью установления параллелей и контрастов между ними, и при этом сравниваемые дискурсы могут быть абсолютно закрытыми для взаимодействия [2: 124–125].

Понятие *межкультурный дискурс* не следует смешивать с метакатегориями *интердискурс* и *интрадискурс*, введенными представителями французской школы анализа дискурса М. Пешё, П. Серио и использующимися в разных постмодернистских интерпретациях культуры. Интердискурс понимают как совокупность внешних социокультурных и языковых факторов, обуславливающих специфику текстовой целостности. Интердискурс допускает совершенную открытость любых дискурсивных практик и исключает «контрастное соположение дискурсных формаций, рассматриваемых независимо одна от другой». Интердискурсивность рассматривается как совместная артикуляция различных дискурсов и жанров «в одном коммуникативном событии», результатом чего становится «изменение границ и внутри строя дискурса, и между различными дискурс-строями». Ин-

тердискурсивность представляется своеобразной формой интертекстуальности. Интрадискурс, являясь альтернативным интердискурсу, подразумевает внутреннее присутствие в тексте элементов (следов) внешнего дискурса [3:553].

Системная репрезентация компаративных исследований культуры отражает следующие уровни научного анализа, подтверждающие сочетаемость сравнительной интерпретации эмпирического материала и последующих теоретических обобщений:

- частные исследования, включающие соотношение отдельных артефактов, форм, структурных компонентов, типов культуры;
- систематизация и типологизация результатов сравнительного анализа фактов культуры;
- соотношение понятий и категорий, составляющих основу тезаурусов разных культурных систем;
- определение степени эквивалентности языков описания разных культур;
- конструирование генотипов культуры;
- разработка метаязыка сходства и различий, наиболее адекватного содержанию межкультурного дискурса и реалиям коммуникативной практики.

Компаративная модель интерпретации культуры, оформившаяся в западной антропологии до середины XX в., впоследствии развивалась в специализированных сферах социального и гуманитарного знания. Парадигмальные изменения в социокультурном пространстве обусловили появление новых исследовательских приоритетов и способствовали переносу акцентов на решение актуальных проблем современного общества. Трансформация парадигмы сравнительных исследований культуры выражается в усложнении их структуры и содержания, модернизации и корректировании проблемных полей, реализации новых научных принципов и методологических подходов в анализе. Распространенные тенденции современных компаративных поисков свидетельствуют об интегративных путях решения проблемы обеспечения встречи и конструктивного сосуществования культур в гетерогенном обществе, в то время как проекты сравнительных исследований в западной антропологии XIX – начала XX в. были сосредоточены преимущественно на изучении жизнедеятельности традиционных обществ. При этом научный интерес к ним нередко мотиви-

ровался колониальной политикой западного мира, нуждавшегося в комплексных знаниях о завоеванных европейцами территориях и народах для дальнейшего утверждения своего господства. Однако в современной компаративистике по сравнению с антропологическими традициями значительно уменьшилась роль непосредственного опыта наблюдения и текстологического анализа, что вполне объяснимо многочисленными возможностями и ресурсами информационного пространства в условиях медиацизма, хотя подобные альтернативы не всегда убедительны по степени их фактической достоверности и содержательной глубины. В отличие от классической схемы поэтапного сравнительного анализа становится ощутимым стремление к упрощению его структуры. Сравнительная интерпретация реалий современной культуры нередко сводится к философской рефлексии ее фактов, явлений и событий и замыкается в ней, как в первостепенной задаче компаративистики, а, следовательно, компаративные интенции растворяются в формате философской эссеистики.

Компаративный подход является неременным методологическим основанием в интерпретации текстов другой культуры, поскольку декодированию и пониманию знаково-символического содержания языка культуры, составляющего основу формирования историко-культурного, социокультурного, этнонационального, религиозного опыта духовного освоения мира, всегда непосредственно или косвенно сопутствуют логические приемы сравнения и сопоставления как исходные и универсальные компоненты когнитивного процесса, способствующие соотношению объектов познания и выявлению их качественных особенностей. Культурную дистанцию измеряет содержание различий, определяющих специфику региональной, этнонациональной, конфессиональной организации народов. Рецепция *другого* и *чужого* затрагивает разные уровни метатеоретического анализа тех или иных аспектов межкультурного дискурса, поскольку предполагает поиск бинарных оппозиций как вне определенной социокультурной среды (эксплицитно), так и в ее пределах (имплицитно).

Современные исследования межкультурных различий по степени основательности своих поисков и заключений значительно уступают теоретическим обобщениям представителей разных традиций классической и неклассической философии, имеющим фундаментальный характер и устойчиво сохраняющим статус постулатов. Например, ло-

гические построения в немецкой трансцендентальной философии отличаются целостностью конструирования индивидуальных морфологических моделей на основе выявления типологических сходств и устойчивых различий в сопоставляемых локальных культурах. Распространенная в научной практике модель кросскультурных исследований часто допускает констатацию несоответствий или сходства в соотносимых культурах, выводя их из частных, спорадических, изменчивых фактов. При этом в качестве основополагающих критериев дифференциации культур преобладают такие весьма не убедительные и не исчерпывающие персональность и уникальность культуры характеристики, как нравственное поведение, интеллектуальные способности, социально-экономический статус, финансовый достаток и материальное благополучие, особенности регулятивного стиля жизнедеятельности, степень деловой активности и этикет делового общения. В изучении природы и содержания межкультурных различий в разных научных областях не всегда учитывается контекстуальность, степень их стабильности, не берется во внимание относительность личностных качеств и психологических характеристик, изменчивость национального характера и социального поведения.

-
1. Монтень М. Опыты: в 3 кн. СПб.: Кристалл, Респекс, 1998. Кн. 1–2.
 2. Павильч А. А. Становление и трансформация статуса культурологической компаративистики. Минск : МГЛУ, 2011.
 3. Серио П. Анализ дискурса во французской школе: Дискурс и интердискурс // Семиотика: антология; сост. Ю. С. Степанов. М. : Академ. Проект; Екатеринбург : Деловая кн., 2001. С. 549–561.

С. И. Митина

Личность и эпоха в зеркале философской эссеистики

УДК 82-96

В центре рассмотрения данной статьи один из интереснейших жанров философской культуры – эссе. В фокусе внимания тема отражения эпохи и самопознания, самовыражения личности в эссеистическом жанре. Также анализируются особенности, характерные черты, отличающие данный жанр от других, в которых мыслитель обращен к себе, поиску собственного «Я», самоанализу.

Ключевые слова: жанр, мыслитель, размышление, саморепрезентация, самопознание, текст, эго-текст, эссе.

S.I. Mitina. The person and the epoch in the mirror of the philosophical essayistics.

In the center of the given article is one of the most interesting philosophical culture genres – the essay. The special attention is given to a theme of reflection of an epoch and self-knowledge, self-expression of the person in the philosophical essayistics. The particular characteristics distinguishing the given genre from others in which the thinker is addressed to itself, find your own «I», self-awareness are also analyzed in this article.

Key words: genre, thinker, reflection, self-representation, self-knowledge, text, ego-text, esse.

В эпоху Возрождения появляется новый жанр, возникший на стыке философии и художественной литературы, – это *эссе*. В эссеистике не только генерируются и транслируются идеи мыслителей, но и выявляется форма философской рефлексии – это отношение к себе, погружение внутрь самого себя и переход границ как внутри себя (собственно рефлексия), так и вовне (трансцендирование). Посредством данных процессов задается субъективность человека. Рефлексия является определяющим феноменом для природы философии и философствования.

«Эссеистика не поддается четкому определению своей специфики, – замечает М. Н. Эпштейн, – скорее это некая наджанровая система, включающая самые разнообразные философские, исторические,

научно-популярные, моральные, автобиографические, критические сочинения. Эта «неопределимость» входит в самую природу эссеистического произведения и обусловлена той мировоззренческой установкой, которая заставляет этот жанр постоянно переступать свои границы» [8:131].

Литературный энциклопедический словарь дает следующее определение данному жанру: «Эссе (франц. *essai* – попытка, проба, очерк), прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмет. Эссеистический стиль отличается образностью, афористичностью и установкой на разговорную интонацию и лексику. Как самостоятельный жанр эссе укоренился в литературе после М. Монтеня» [4:516].

К. З. Акопян в одной из работ по философской эссеистике подчеркивает, что эссе не может быть определено как жанр, относящийся исключительно к какой-либо *одной* области творчества. Ученый предпринимает, на наш взгляд, успешную попытку его определения с позиции философии. По определению Акопяна, эссе – это: «...реализованное интеллектуальное усилие, имеющее своей целью выражение и фиксацию в тексте некоего размышления, краткого рассуждения, развернутого высказывания» [1:125]. Итак, в отличие от литературного жанра, способного выражать индивидуальные впечатления, в философской культуре эссе фиксирует некое *размышление*. Момент «пограничности» жанра эссе подчеркивается тем, что, не утрачивая присущих ему своеобразия и специфики, он способен иметь философский и публицистический, нравственно-назидательный и политический, исторический и историко-биографический, научно-проблемный и научно-популярный, литературно-критический и «просто» беллетристический характер. Эссе не чужды черты притчи или памфлета. Этот жанр сближается с афоризмом, обретает форму самостоятельной литературной миниатюры, или становится стихотворением в прозе, образцами которого являются тексты А. Бертрана, Ш. Бодлера, И. С. Тургенева. В данной статье мы будем анализировать возможность *размышления мыслителя о себе* и культурной эпохе посредством жанра эссе. О такой возможности дает право утверждать определение эссе, предложенное З. П. Шайхлем как жанра, «который знает, как общепризнанное знание превратить в форму личного переживания...» [6:22]. Эта форму-

лировка, по мнению Шайхля, точно определяет обе сферы, частью которых является эссе: сферу фактов, в которых эссеисту нужно хорошо разбираться, и сферу личного доступа, личной оценки, личной позиции «за» или «против» предмета его эссе. Из «формы личного переживания» следует, что «Я» в эссе можно в значительной степени отождествлять с личностью эссеиста по иному, нежели в других литературных жанрах.

Обычное перечисление в справочниках, энциклопедиях, словарях (небольшой объем, конкретная тематика, субъективное видение проблемы, свободная композиция, ориентация на разговорную речь и т. д.) – это имплицитно заложенная в эссе определенная «Я-концепция». В эссе мыслитель размышляет над метафизическими вопросами, которые могут быть заданы с определенной установкой, причем и сам вопрошающий попадает под вопрос. Именно рассмотрение метафизической проблемы сквозь призму индивидуально-авторского, проведенного на фактологической основе, и есть один из жанрообразующих признаков эссе. Под «фактологической основой» подразумевается не только совокупность чисто «внешних», «объективных» фактов, но и фактов внутреннего, духовного опыта.

В. В. Канторович выделяет три основных жанровых признака эссе: «Первый. Эссе трактует о предмете, строго говоря, только в той мере, в какой он произвел впечатление на автора. Эссе непременно проникнуто субъективным авторским восприятием <...>. Второй признак эссе – непринужденная, свободная легкая форма изложения, указывающая сама по себе на то, что она не претендует на всестороннее, исчерпывающее исследование предмета <...>. И, наконец, третий признак жанра: размышления, глубокий умственный анализ» [3:93]. Первый, выделенный Канторовичем жанровый признак эссе совпадает с монтеневской трактовкой этого жанра как одного из жанров эго-текста. М. Монтень пишет в предисловии к «Опытам»: «... содержание моей книги – я сам...» [5:5]. Непринужденная, свободная форма изложения, отмеченная Канторовичем, вовсе не указывает на то, что она не претендует на всестороннее, исчерпывающее исследование предмета. Подобные рассуждения основаны на априорном отрицании самой возможности свободного взгляда «за грань» понятий и образов; на отрицании свободного поиска субъективного, авторского образа видения мира.

Эссе – это картина одного из «моментов истины», неизбежно вопрошающая об истине в целом, в ее безначальной и бесконечной процессуальности. Эссеистическое постижение сути вещей – это путь самопознания, путь определенных внутренних, душевных усилий, посредством которых усиливаются познавательные стремления человека. Близкие к эссе, соприкасающиеся в точке проблематики *самопознания* жанры философского эго-текста, исповеди, мемуары, дневники отличаются способом постановки авторского «Я». Так, мемуары и философская автобиография раскрывают «Я» в аспекте ставшего, дневник – в процессе становящегося, исповедь – в направлении будущего, перед которым человек держит отчет, стремясь обрести благодать и смысл жизни. Раскрытие «Я» в эссеистике, согласно мысли М. Н. Эпштейна, обладает свойством «прерывности». «Я» в данной жанровой форме эго-текста не является темой, подобной всем остальным, оно не может рассматриваться как целое именно потому, что оно охватывает и все приобщает к себе. Поэтому в эссеистике «Я» движется не от истоков становления к самосознанию, а от темы к теме, совершая скачки и нигде не показывая себя целиком. Когда Монтень утверждает, что пишет только о себе, он отдает себе отчет в разнице между этой «темой» и всеми остальными, он далек от автобиографизма» [8:132].

Исторический экскурс показывает, что эссеистическая манера письма обнаруживается уже в глубокой древности, в частности, в трактатах древнегреческих философов и «малых формах» древнеримских писателей – Лукиана, Элиана, Цицерона. Однако подлинным родоначальником эссе принято считать М. Монтеня, оказавшего большое влияние на европейскую словесность. «Искусство жизненного опыта и жизненного поведения породило в эпоху Возрождения, как свой прекраснейший цветок, произведения Монтеня» [2:59], – такое сравнение использует В. Дильтей, характеризуя эссеистику французского мыслителя.

М. Н. Эпштейн, посвятивший ряд работ исследованию эссе, называет этот жанр – возможным (сохраняет свое *может быть*) [7:109]. Если роман или рассказ еще строятся в сфере художественной иллюзии, научная статья или философский трактат притязают на логическую строгость понятий и неопровержимость выводов, а дневник или хроника предполагают правдивость изложения, точность и досто-

верность фактов, то эссе играет с возможностями всех этих жанров, не укладываясь не в один из них. Монтень писал: «Я люблю слова, смягчающие смелость наших утверждений и вносящие в них некую умеренность «может быть», «я думаю», «по всей вероятности», «отчасти», «говорят» и тому подобные» [5:233–234].

Авторская саморепрезентация мыслителя в эссе представлена *личностью*:

- *творящей*, которая в своей деятельности не ограничена правилами и нормами. Она ничего не утверждает категорично и окончательно, но приглашает, побуждает к рефлексии;

- *ищущей*, которая последовательно и упорно продвигается по направлению к намеченной цели, при этом не всегда отчетливо представляя себе, куда могут привести нарушающие стройный порядок смены причин и следствий. Для мыслителя характерна и строгая логика рассудка и, одновременно, интуитивное постижение мира;

- *пытливой*, проникающей за поверхностный слой всем давно знакомых явлений и предметов. Мыслитель всегда обнаруживает нечто необычное, становящееся причиной удивления, что выступает в роли одной из движущих сил философского размышления;

- *сомневающейся*, поскольку, согласно идее Монтеня, «там, где не остается места сомнению, царят страсти, которые выражают воинствующее раздражение» [5:72] и изгоняют дух творчества;

- *верящей*, так как необходимое сомнение опасно своими претензиями на абсолютную власть, поэтому для того «чтобы сомневаться, нужно сперва, быть уверенным <...>. Имейте веру – и доказательства придут» [5:106], – утверждает Монтень.

В эссеистических сочинениях Монтень предпринимает попытку самопознания, однако, по его утверждению, личность никогда не может быть до конца познанной: как субъект она всякий раз оказывается больше себя как объекта и в следующий миг заново объективирует свое бытие, не исчерпываясь им. Не случайно данное свойство эссе сделало его особо востребованным жанром в романтической, а далее в экзистенциальной традициях, где постоянно пролагаются пути движения личности к самообоснованию. Вследствие того что личность, лишенная общих и вечных оснований стала обретать их в опыте самообоснования, она не превратилась в нечто самоуспокоенное, само-

тождественное, напротив, в ее глубине раскрылся новый источник саморазвития.

Специфика эссе заключается в динамичном чередовании и парадоксальном совмещении разных способов миропостижения. Эссеистический текст, взятый как целое, содержит множество переходов, переключений из образного ряда в понятийный, из абстрактного в бытовой. Соответственно и проблематика, обсуждаемая в эссе, может быть достаточно разнообразной: истина, любовь, красота, мироздание. Тем не менее эти темы утрачивают всеобщность и приобретают конкретность, исходя из традиции данного жанра, которая фокусирует их как частности на фоне того всеобъемлющего «Я», которое образует горизонт эссеистического мышления. Таким образом, само авторское «Я» может выступать в философском эссе в качестве объекта исследования. В основе жанра эссе – столкновение, встреча индивидуального сознания автора с тем или иным явлением культуры, преломление этого явления в сознании отдельного человека, выяснение того, что оно значит для его индивидуальной жизни.

Делая акцент на индивидуальном авторском восприятии, Монтень смог расширить, по сравнению с жанрами-предшественниками, материал изображения, черпая его уже не только из книжных источников, но и из собственного жизненного опыта. Еще более важно то, что французский мыслитель не только расширяет границы своего опыта, но и берет его в совершенно особом ракурсе, который обеспечивается некоторой отстраненностью точки зрения автора, дистанцией, возникающей между ним и предметом его изображения, что связано именно с индивидуализацией авторской позиции. Если автор назидательного сочинения целиком растворяется во внеличной точке зрения, то Монтень в своих сочинениях пытается занять самостоятельную позицию по отношению к существующей культуре, материалу его изображения.

Прочитируем некоторые положения философского эссе Монтеня, дающие представление об образе самого автора и, соответственно, об образе мира той культурной эпохи, представителем которой он является, ибо им затронуты актуальные вопросы и проблемы тех дней. «Мне свойственна чрезвычайная склонность к милосердию и снисходительности. И эта склонность во мне настолько сильна, что меня, как кажется, скорее могло бы обезоружить сострадание, чем уважение»

[5:14]. Размышляя о чувстве скорби, он пишет: «Я принадлежу к числу тех, кто наименее подвержен этому чувству. Я не люблю и не уважаю его, хотя весь мир, словно по уговору, окружает его исключительным почитанием» [5:17]. «...лживость – гнуснейший порок. Только слово делает нас людьми, только слово дает нам возможность общаться между собой. И если бы мы сознавали всю мерзость и тяжесть упомянутого порока, то карали бы его сожжением на костре с большим основанием, чем иное преступление» [5:45]. «Я плохо могу управлять и распоряжаться собой. Случай имеет надо мной большую власть, чем я сам. Обстоятельства, общество, в котором я нахожусь, наконец, звучание моего голоса извлекают из моего ума больше, чем я мог бы обнаружить в себе, занимаясь самоисследованием или употребляя его на потребу себе самому» [5:50]. О физической боли: «Я принадлежу к числу тех, кто ненавидит ее всей душой, кто избегает ее, как только может, и, благодарение господу, до этого времени мне не пришлось еще по-настоящему познакомиться с нею» [5:68]. «Большинство людей, и притом самые здоровые среди них, считают, что иметь много детей – великое счастье; что до меня и еще некоторых, мы считаем столь же великим счастьем не иметь их совсем» [5:76]. «Меня устраивает решительно все, лишь бы мне было покойно [5:103].

Эссеист, рассказывая о современных событиях, известных ему из собственного опыта, говорит не о тех фактах, в которых он – действующее лицо (это была бы автобиография), но о тех, в которых он выступает как очевидец. Свой жизненный опыт, прочитанные книги, увиденное Монтень интерпретирует как наблюдатель. О политике, философии, искусстве эссеист рассуждает не как политик, философ или искусствовед, но как бы «непрофессионально», извне, выясняя, как эта область преломляется в сознании отдельного человека. Автор-эссеист со своей позиции постороннего наблюдателя предпринимает попытку освоить для себя определенную сферу культуры, будь то книжная мудрость или образ жизни чужого народа, проникнуть в определенный культурный мир и сделать его фактом своего личного, внутреннего опыта. Такая позиция помогает эссеисту рассмотреть предмет своего изображения не изолировано (в его абсолютном значении), а как элемент особого целостного мира культуры. Автор имеет дело с миром культуры как уже сложившимся, готовым, нашедшим

свое материальное воплощение в книгах, произведениях искусства, обычаях, стиле жизни. Также в фокусе философского эссе оказываются не только внутренний мир мыслителя, его профессиональная и мировоззренческая позиция, эмоциональная жизнь, но и анализ, размышления о социокультурных процессах.

Таким образом, в философской эссеистике представлена ключевая социокультурная проблематика соотношения и совместимости микро- и макроанализа, заключающаяся в возможности увидеть в личной истории мыслителя отражение масштабных общественно-политических процессов и событий. В исследуемых источниках личность мыслителя выступает и в качестве субъекта деятельности, и как объект контроля со стороны общества, социальных институтов и властных структур. Поэтому в философском эссе мыслитель запечатлевает не только себя, – подспудно он пишет и биографию своей эпохи.

-
1. Акопян К. З. Эссе как размышление о... // Философские науки. 2003. № 5. С. 125–128.
 2. Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. : трактаты, статьи, эссе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 108–135.
 3. Канторович В. В. Заметки писателя о современном очерке / В. В. Канторович. М. : Худож. лит., 1973.
 4. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова. М. : Сов. энцикл., 1987.
 5. Монтень М. Опыты: в 3-х т. М. : Эксмо, СПб. : Terra Fantastica, 2003. Т. 1.
 6. Шайхль З. П. О форме эссе у Канетти (анализ его первого эссе о Краусе) // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 22–29.
 7. Эпштейн М. Знак – пробела. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
 8. Эпштейн М. На перекрестке образа и понятия // Красная книга культуры? М. : Искусство, 1989. С. 131–147.

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

Г. Л. Тульчинский

Информационные войны как конфликт интерпретаций, активизирующих «Третьего»

УДК 323.269

Феномен информационных войн является многовекторно парадоксальным. Это связано с неоднозначностью интерпретации акторов, целей, результатов эффективности таких конфликтов. В конечном счете, смысл информационных войн сводится к трансляции различных интерпретаций их содержания. При этом ключевую роль играет организация и интерпретация некоего Большого События, задающего некий неоспоримый факт, привлекающий внимание общественного сознания. В этом случае формируется некий Третий, в апелляции к которому и разворачивается конкретный конфликт.

Ключевые слова: Большое Событие, интерпретация, информационные войны, Третий.

G. Tulchinsky. Information wars as Information war as a conflict of interpretations, activating the «Third»

The phenomenon of information wars is a multi-vector paradoxical. This is due to the ambiguity in the interpretation of actors, objectives, performance results of such conflicts. Finally the meaning of information wars is reduced to broadcast different interpretations of their contents. A key role is played by the organization and interpretation of a Big Event, which specifies a certain undeniable fact that attracts the attention of the public consciousness. In this case, will be generated Third one, in which the appeal is deployed and the specific conflict.

Key words: Big Event, information wars, interpretation, Third

Феномену «информационных войн» посвящен обширный корпус литературы (см., например: [1; 2; 3; 4; 5; 9; 10; 11; 15; 16]). Это словосочетание не сходит со страниц публицистики. Информационные войны обсуждают эксперты-политологи, сформировались целые научные сообщества, активно обсуждающие информационные войны в

международной и внутренней политике, в бизнесе, корпоративном менеджменте. Разрабатываются математические модели информационных войн [12]. Существуют развитые электронные сетевые ресурсы, посвященные информационным войнам [например: <http://www.infowars.com>; <http://www.infwar.ru>]. На рынке действуют агентства, специализирующиеся на оказании соответствующих услуг по ведению информационных войн, обеспечению информационной безопасности, информационной разведке и т. п.

Может сложиться впечатление, что речь идет о хорошо известном концепте, операционализированном до конкретных технологий и методик. Однако это так и не так... Например, тематику, связанную с информационными войнами, любят выбирать студенты для подготовки курсовых, а то и выпускных работ, магистерских диссертаций. И каждый раз они сталкиваются с проблемой отсутствия концептуальной проработки осмысления информационных войн. Что такое информационная война? Если это конфликт, то всегда ли можно точно сказать – кто в нем противоборствует? Каковы цели участников конфликта? В чем выражаются результаты информационной войны? И всегда ли можно говорить о таких результатах? О победителе и побежденном?

Практически на каждый из таких вопросов можно дать несколько версий ответов и их толкований. Может сами эти толкования, интерпретации и являются собственно информационной войной? Приходится признать многоплановую парадоксальность феномена информационных войн. И, как минимум, можно выделить три аспекта этой парадоксальности.

Что такое информационные войны

Прежде всего, отсутствует ясность с самим понятием информационных войн. Что это? Информационное прикрытие конфликтов? Спецоперации по разрушению информационной инфраструктуры противника? Просто пропагандистские кампании – технологии давно и хорошо известные в истории? Не являются ли «информационные войны» гипостазированной метафорой этих технологий? Или за ними кроется некая новая реальность информационного и постинформационного общества?

Из простого сопоставления известных толкований таких терминов, как «информационная война», «политическая манипуляция», «пропаганда», «слухи», «идеологическая диверсия», «психологическая война», можно сделать, по крайней мере, один важный вывод: информационные войны – в отличие от однонаправленных действий типа пропаганды, манипуляции и слухов – есть форма конфликта, в котором должны быть акторы – противоборствующие стороны, преследующие определенные цели. И эти цели – как желаемые результаты – должны быть сопоставимы с результатами конфликта, включая определение победителя.

Наиболее очевидна ситуация информационной войны в случае активных действий по разрушению информационной инфраструктуры: уничтожение информационных центров, центров принятия решений, хакерские и спамовые атаки. Акторы, их цели, результаты – достаточно очевидны.

Главные проблемы возникают при обращении к «содержательным» информационным войнам на уровне «софта»: попыткам воздействия на сознание неким информационным содержанием. Используемые средства при этом могут быть самыми различными, включая весь набор манипулятивно-пропагандистских технологий. Тогда что нового вносят технологии информационных войн?

Попробуем развить последствия понимания информационных войн в качестве некоей относительно новой политической технологии информационного и постинформационного общества, связанной с развертыванием конфликта.

В качестве конкретных практических примеров информационных войн различного уровня можно взять: (а) ситуацию, повлекшую отставку Ю. М. Лужкова (уровень конфликта в политической элите); (б) конфликтную ситуацию между оппозицией (системной и внесистемной) и правящим политическим режимом, возникшую в России после думских выборов в 2011 г. (общенациональный уровень); (в) ситуацию вокруг цепочки революционных событий в арабских странах и исламском мире в целом (международный уровень).

Информационные войны как конфликт интерпретаций

Специфическая особенность «информационных войн» в неявности их акторов. Кто организатор этих действий? Против кого они ре-

ально направлены? Неоднозначность проблемы акторов порождает мифологизацию «информационных войн», их демонизацию. При желании за любой новостью, за любым событием можно проследить мотивационную цепочку, «коварный замысел», который можно приписать неким «врагам». Это, разумеется, не отрицает очевидность строящихся и реализуемых планов и проектов различных политических и социальных сил – как зарубежных, так и внутри страны.

Нужно только отдавать отчет в том, что политическая реальность является результатом взаимодействия, столкновения, конкуренции таких проектов и кампаний. Именно это имеется в виду, когда историю понимают как «равнодействующую волю». Тем не менее акторы «информационных войн» во многом оказываются продуктами интерпретаций, дискурсивных практик, которые, в свою очередь, тоже могут рассматриваться как «информационные войны». Феномен информационной войны тем самым переводится не то что в дискурсивную практику мифотворчества, а в игру ума аналитиков и политтехнологов – кто кого «переинтерпретирует».

Почему это работает?

Можно говорить о своеобразной загадочности «информационных войн». Примером могут служить недавние события вокруг информационной атаки на Ю. М. Лужкова, а также вокруг публикацией скандальных материалов на электронном ресурсе WikiLeaks. Ничего нового общественность не узнала. Все эти факты, так или иначе, но публиковались в прессе, в блогах, циркулировали в медиа. Более того, всем понятна некая преувеличенность, даже несправедливость агрессивных действий публикаторов. То есть все знали, все всё понимали, но – сработало!!!

Или события в Ливии... Разве до этого ничего не было известно о «чуждачествах» Муамара Каддафи? О его, мягко говоря, авторитарно-семейных методах управления страной, отношения к проявлениям оппозиционности и инакомыслия? Но почему-то у всех вдруг «открылись глаза» и политическими лидерами ряда стран были сказаны не берущиеся назад слова, за которыми с неизбежностью, последовали санкции.

Проблема «Третьего»

Начнем с парадокса (3). Почему при всех очевидностях эта технология «работает». Потому как становится неприлично, несправедливо оставлять статус «полуправды». Обнародование фактов придает им publicity, когда «все говорят», когда «нельзя замолчать», когда уже «надо действовать». Но где предел, где порог перехода от слухов, отдельных публикаций, дискуссий в блогосфере в некое новое качество? И каков тот институт, который оправдывает действия, обусловленные этим «новым качеством» ситуации?

Тем самым намечается (по крайней мере – частичное) разрешение парадокса (2) – относительно реального адресата «информационных войн». Любой конфликт, даже любой диалог возникают и развиваются в присутствии (зачастую неявном, неочевидном) некоего «Третьего», того, кто все понимает и, в конечном счете, рассудит. Как писал Ж.-П. Сартр, человеческое бытие есть бытие-под-взглядом [13]. Это могут быть Бог, Абсолют, Справедливый Суд, Завет предков, Научная Истина, Исторический Закон Развития, Государство, а при его отсутствии или бессилии – кто-то, кто «в законе». Именно к этому Третьему фактически апеллируют обе стороны конфликта, на апелляции к нему они обосновывают свои действия («они первые начали»), собирают аргументы неправоты противников и оппонентов.

Получается, что информационная война это конфликт, представленный в информационном пространстве, имеющий целью активизировать некую группу влияния, инстанцию, лиц принимающих решение...

В этой связи стоит обратить внимание на три особенности информационного (и даже постинформационного) массового общества.

Прежде всего, это «уплощение» ценностной иерархии, свойственной традиционному обществу. В массовом обществе ценности структурированы не вертикально, а горизонтально, в результате чего в нем фактически отсутствует трансцендентное измерение [14]. Даже «самые высокие ценности» катафатически представлены в этом мире, наравне с другими.

В этой связи, чтобы вызвать интерес, привлечь внимание в этом «плоском мире», должно произойти некое Событие, запускающее волну общественного интереса. Чтобы в этом пруду, покрытом ряской, произошло, что-то такое, чтобы волны кругами пошли, брызги

полетели, чтобы все пиявки всплыли, лягушки повылезали, чтобы даже черепаха Тортила всплыла посмотреть – что это там такое произошло? А это, оказывается, Буратино бросили в пруд.

Из теории и практики PR хорошо известны условия, при которых информация становится новостью, – это: что-то важное для широкого круга людей (обычно это экзистенциальные и прочие угрозы благополучию), что-то, к чему имеют отношение известные люди, и – скандал.

В современном мире журналисты собирают не более 12–15 % информации, циркулирующей в медиа. Остальная информация предоставлена или инициирована. Более того, о более 40 % событий, о которых сообщается в медиа, можно утверждать, что не потому о них сообщается, что они произошли, а они потому произошли, чтобы о них сообщалось. Не потому нам показывают по ТВ, как президент почесал у бычка за ухом, что он это сделал, а он сделал это для того, чтобы нам это показали. Замечательные примеры такого рода «событий» давал «новостной» ряд, связанный с деятельностью В. В. Путина на посту главы Правительства: усыпление усыпленной тигрицы, стрельба из гарпунной пушки по китам, тушение пожара, добывание со дна моря античных амфор и т. п.

Особую роль играют экзистенциальные угрозы (природные катаклизмы, техногенные катастрофы, экономические и политические кризисы, военные угрозы). Особенно чутко к ним современное массовое общество, в силу сложности технологий, чрезвычайно уязвимое для таких катаклизмов. Причем – в силу глобализации экономического, информационного и политического пространства – в глобальном масштабе. Можно даже утверждать, что современное массовое общество есть общество алармическое, если не общество хоррора. Что может использоваться и используется в целях политических манипуляций. Общество, приведенное в состояние хоррора, тотальных угроз безопасности, оказывается весьма удобным и пластичным для манипуляции. Примерно именно это мы и имеем в современной России. Примеры слишком очевидны.

Шумное паблисити, однако, только полдела.

Роль «Большого События»

И тут мы подбираемся к сути парадоксов (1–3). Информационная война это не просто слухи, отдельные публикации, информация в

блогах. Это – некий широкий резонанс в общественном мнении, бьющая в глаза очевидность, возникновение новой реальности, к которой можно апеллировать как факту. И эта новая реальность медийна. Не просто в духе М. Маклюэна «message is media» [7], или Н. Лумана – как порождение рефлексивной реальности [6], а именно сама реальность, «большое событие» в медиа, задевшее интересы того самого Третьего, апелляцией к которому, по сути, и является информационная война, и без учета которого разрешение реального конфликта невозможно.

Реальный адресат любой информационной войны – именно этот Третий: государственные структуры, властная группировка, лица, принимающие решение... Иногда информационная война дает новое позиционирование хорошо известного факта, стимулируя принятие решение, или демонстрируя, что решение зреет, а то и принято, что уже «можно». Именно так, похоже, и было в случае с Ю. М. Лужковым, «разоблачающая» информационная атака на которого (и его супругу) стала основанием принятия Президентом решения об отставке многолетнего мэра Москвы как «утратившего доверие».

Отдельного рассмотрения заслуживают случаи, когда Третий, инстанция к которой апеллировала информационная война, решение не принимает. Тогда эта ситуация зависает. Или решение принимает некий возникающий Другой Третий, и конфликт разрешается вмешательством этой новой силы. Например, – революцией, или – внешней оккупацией.

Кровавые этнические чистки в Сербской Краине Боснии, возбудившие мировую общественность. Попытка самосожжения молодого человека в Тунисе. «Тысячи» расстрелянных режимом Каддафи. Эти события вытеснили все прочие новости в медийном пространстве, создали некую новую реальность, в апелляции к которой главами ведущих держав мира были сказаны такие слова, взять обратно которые не только было невозможно, но за ними должны были последовать действия. Они и последовали. Во всей своей неоднозначности.

Цепочка событий в Тунисе, Египте, Ливии, Иордании, Бахрейне, наконец – в Сирии показывают, что главными акторами этих событий являются два главных центра исламского Востока, претендующие на лидерство: суннитско-ваххабитская Саудовская Аравия и шиитский Иран. Но чередой создания Событий была апелляцией к активным дей-

ствиям стран НАТО, прежде всего, США и Франции, сыгравших ключевую роль в обеспечении смены политических режимов. Можно было предполагать, что за этим должна последовать инициация волны антиамериканских настроений. Она и последовала – вокруг сожжения американскими военными в Афганистане нескольких экземпляров Корана, которые использовались заключенными для переписки. Это Событие дало импульс новой информационной войне с апелляцией уже к исламскому миру с целью его дистанцирования от Запада.

Анализ событий в исламских странах Севера Африки и Ближнего Востока показывает, что ключевую роль в самих событиях и в международной реакции на них сыграли не столько новые информационно-коммуникативные технологии внутри конкретных стран, сколько формирование внешнего информационного контекста в глобальном информационном пространстве. Именно этот контекст создал и создает некую необратимость и задает вектор развития. Тогда как, для сравнения, кровавая бойня тутси и хутту, в которой погибли миллионы людей, не стала предметом озабоченности мирового сообщества. Просто потому, что эта бойня не попала в медийное пространство, не стала Событием. А не произошло это по одной причине – не было того Третьего, которому это Событие можно было бы адресовать.

Очевидно, этим и объясняется как интерес к «информационным войнам», так и эффективность этой информационно-коммуникативной технологии в политическом процессе. Так же как, наверное, и важность средств массовой коммуникации как политического института. Кто его контролирует, тот и оказывается «в законе» постинформационной реальности.

Главный конфликт вокруг этого контроля над «постинформационным Третьим» – конфликт государства и гражданского общества, определяющий качественную палитру специфики современных обществ. Но вопрос не только в прямом контроле. Кто прорвался, создав Событие, тот уже добился существенного результата на пути к победе. Яркими подтверждениями этого являются «Манежка», формы гражданского протеста между выборами в Государственную Думу 2011 г. и президентскими выборами 2012 г.

Так, противостояние участников гражданского протеста против фальсификаций на выборах в Госдуму (и примкнувших к нему оппозиции – внесистемной и отчасти системной), с одной стороны, и по-

литического режима – с другой, во многом свелось к созданию новостных поводов – Событий: митингов, шествий, автопробегов... При этом, если оппозиционные митинги, фактически, были офлайн-продолжениями активности онлайн возникших сообществ, то акции их противников организовывались по инициативе «сверху».

В результате выявился определенный предел такой технологии разрешения конфликта. Агрессивная атака властей, обвинения в стремлении к захвату власти, запугивание общества «оранжевой революцией», стравливание рабочих и интеллигенции, жителей провинции и столиц, привели к тому, что движение за честные выборы, возникшее как гражданское движение, целью которого было формирование легитимных институтов государственной власти, стало политизироваться. С точки зрения развиваемого подхода, произошла «эволюция Третьего». Если первоначально протест был адресован самой государственной власти, то постепенно он втягивался в рамки избирательной кампании по выборам Президента.

И в этих условиях борьба за создание новостных поводов стала приводить к спорам вокруг численности участников этих акций («у кого митинг больше»), вырождаться во взаимные обвинения и инвективы, типичные для избирательных кампаний. В этой ситуации ключевым Событием становятся сами президентские выборы, выявленные манипуляции на которых способны дать уже новые импульсы формирования российского гражданского общества, перевести эти импульсы на качественно новый уровень.

-
1. Бухарин С. Н. Методы и технологии информационных войн. М. : Академический проект, 2007.
 2. Бухарин С. Н., Цыганов В. В. Методы и технологии информационных войн. М. : Академический проект, 2007.
 3. Власенко И. С., Кирьянов М. В. Информационная война: искажение реальности. М. : Канцлер, 2011.
 4. Волконский Н. Л. История информационных войн: в 2-х т. / И. Петрова (ред.). СПб. : Полигон, 2003.
 5. Информационные войны в современном мире. М. : Ключ!С, 2008.
 6. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Канон+, 2012.
 7. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : Гиперборея; Кучково поле, 2007.

8. Мухин А. А. Информационная война в России. М. : Центр Политической Информации, ГНОМ и Д., 2000.
9. Панарин И. Н. Информационная война и дипломатия. М. : Городец, 2004.
10. Панарин И. Н. Технология информационной войны. М. : КСП+, 2003.
11. Почепцов Г. Г. Информационные войны и будущее. К. : Ваклер, 2002.
12. Расторгуев С. П. Информационная война. Проблемы и модели. Экзистенциальная математика. М. : Академический проект и др., 2006.
13. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. В. И. Колядко. М. : Республика, 2000.
14. Тульчинский Г. Л. Маркетизация гуманизма. Массовая культура как реализация проекта Просвещения: российские последствия // Человек.ru. Гуманитарный альманах. Новосибирск, 2007. № 3. Антропология в России: школы, концепции, люди. С. 194–216.
15. Norris P. Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide. Cambridge : University Press, 2001.
16. Owen D. Media: the complex interplay of old and new Forms // New Directions in Campaigns and Elections / Medvic S.K. (ed.). NY : Routledge, 2011. P.145–162.

В. В. Панкратов

Смысловое содержание политических идеологем: опыт систематизации

УДК-32

В статье предложен вариант решения проблемы политического спектра. Вводится трехосная система классификации современных идеологем, основывающаяся на комплексе концептов, раскрывающихся через набор дихотомий.

Ключевые слова: Концепт, идеология, систематизация, дихотомия, политический спектр.

V.V. Pankratov. The semantic content of political ideology: systematization
The article contains an alternate approach to problem of the political spectrum. We introduce a triaxial classification system of modern ideologies, based on a set of concepts which are revealed through sets of dichotomies.

Key words: concept, ideology, systematization, dichotomy, political spectrum.

Проблема смысла существования политического спектра назрела давно. По вопросам применимости стандартных терминов «левое» и «правое» для ориентации в политическом пространстве и целесообразных основаниях, порождающих политический спектр, ведутся споры [1:13; 4:13]. Политический спектр как способ и форма классификации систем смыслов продолжит свое существование в силу особенностей человеческого сознания, стремящегося «упаковать» реальное и воображаемое в системы, сводя при этом, как правило, всю сложность процессов и феноменов к простым дихотомиям. Суть вопроса в принятии новых, релевантных действительности оснований политического спектра и в наполнении символов «левое» и «правое» смыслами, соответствующими культуральной и политической реальности сообщества, определяемыми особенностями его исторического пути. Однако простая единичная дихотомия не сможет охватить сложность реальности и отобразить потенциальные ответы различных сил на вызовы современности.

Адекватно отразить эклектичность современных идеологий возможно, лишь выделив несколько параметров, предполагающих дихотомии, и определив положение идеологии относительно каждого параметра.¹ Однако в данном случае сами термины «левое» и «правое» потеряют смысл: множественность оснований деления отрицает возможность единства «левого» и «правого». Безусловно, можно выделить, например, последовательно «левую» идеологию, дающую соответствующие ответы на все вопросы, порождаемые выделенными па-

¹ Похожий подход применялся Касом Мудде при исследовании «правых» радикальных идеологий. Мудде выделил несколько критериев, предполагающих дихотомии, и анализировал идеологии организаций, называющих себя «правыми», на близость к полюсам, отражающим «правые» взгляды. Он также выделял совокупность «идеологических особенностей», которые должны наличествовать в системе смысла, а также «идеологических тем», которые она должна затрагивать определенным образом, чтобы являться «правой» идеологией и выступать в качестве таковой [5:13].

раметрами. Однако, по нашему мнению, в настоящее время подобные «чистые» идеологии постепенно вытесняются более эклектичными, которые нельзя с уверенностью относить к определенному полюсу, наполняемому общепринятыми смыслами. «Левое» и «правое» будет существовать относительно отдельных дихотомий, а не их комплекса.

В настоящее время целесообразно анализировать идеологии, ориентируясь на понимание данного феномена, изложенное в книге Майкла Фридена *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Фриден отмечает необходимость изучения морфологии идеологических систем. Системы смыслов конституируются взаимосвязями между концептами. По Фридону, идеологии должны мыслиться как комплексы концептов, составляющих ядро идеологии, выступающих в качестве вспомогательных и дополняющих, или находящихся на ее периферии. Ключевым для понимания идеологий является определение позиций и содержания тех или иных концептов, конституирующих систему смысла. Важным является также то, что концепты наполняются смыслами в зависимости как от времени и культурной традиции, так и от места, занимаемого в структуре системы смысла, и влияний, оказываемых на него другими концептами в рамках данной системы.

Думается, назрела целесообразность выработки системы классификации идеологий, основывающейся на комплексе концептов, раскрывающихся через набор дихотомий. Данный подход позволит в полной мере отразить эклектичность современных идеологий.

Когнитивная составляющая идеологии

Анализ когнитивной составляющей идеологии предстает весьма актуальной задачей. Майкл Фриден подразумевает под идеологиями «такие системы политического мышления, с помощью которых отдельные лица или группы лиц строят понимание политического мира, который существует в реальности или в их сознании, а затем действуют исходя из этого понимания» [2:13]. Из определения Фридена следует, что идеология предполагает создание систем реального и идеального миров, причем появление трактовки первого и воображения второго взаимосвязаны. Идеальный и реальный миры не могут мыслиться вне их взаимосвязи. Критика любого элемента, аспекта реальности порождает элемент или аспект идеального, того, что не

нужно будет подвергать критике. Сущность критики реального мира и особенности устройства мира идеального предопределяются Ценностями мыслителя, идеолога, составляющими его мировоззрение, которому он стремится придать форму истинного через воплощение системы взглядов в текстах, и последующее распространение их на сообщество. Именно Ценности порождают Идеологии, создавая системы идеального и определяя допустимость и целесообразность использования тех или иных методов и инструментов для трансформации реальности.¹ Отличность ощущений реального мира от идеального видения этого мира побуждает идеолога, мыслителя искать способы сведения этой отличности к минимуму. Идеология предлагает методы превращения реальности в утопию.

Любая идеология, как система смыслов, охватывающих как всю реальность, так и некоторые ее аспекты, предлагающих ответы на вызовы современности и варианты решения проблем определенного сообщества или человечества в целом, человека, как психосоциального существа, взаимодействия социальной среды с физической и определяющих границы и методы взаимодействия со сложившимися и функционирующими в обществе институтами, с неизбежностью создает некоторую утопию, идеальный мир. Безусловно, эта утопия может явно не описываться идеологами, однако, через анализ их критики того или иного существующего или существовавшего порядка можно попытаться воссоздать «идеальный», с их точки зрения, мир. Можно определить идеологию как имеющее внутреннюю логику мировоззрение, претендующее на всеобщность через обретение формы нормы. Мировоззрение предполагает наличие ответов на все социально значимые для индивида вызовы современности и определяет подходящие решения проблем сообщества. Соответственно, идеология также должна охватывать максимальную сферу возможных проблем, в идеале, занимать четкую позицию по всем вопросам социального и индивидуального существования.

¹ Феликс Гросс в книге «Ideologies, goals and values» определяет, что источником любой философии и идеологии являются именно Ценности, определяющие понимание устройства мира, сущности человека, из чего эксплицитно или имплицитно следует создание картины идеального мира, утопии. «Программа максимум» и «программа минимум» по переустройству реальности создаются *на основе* взглядов на политическую, экономическую и социальную подсистемы, сложившиеся в реальности, или существующие в воображении [3:13].

Для структурирования совокупностей всевозможных ответов, предлагаемых системами смыслов, на те или иные вопросы современности, разрабатывается трехосная многоуровневая система. Каузальные связи между параметрами, составными частями осей, предполагаются, однако, не имея эмпирических данных, нельзя делать соответствующие выводы о направлении и наличии данных связей.

Политическая ось

1. Власть. Ключевой концепт в политике. Данная ось предлагает дихотомию: отсутствие Власти – тотальность Власти. Власть, как феномен, предполагающий отношения господства-подчинения, может оцениваться как успешно конституирующий сообщество и индивидов во имя благих и великих целей. Соответственно, следуя другой точке зрения, Власть как проявление неравенства, ею же и порождаемого, есть антиблаго, и необходимо освободить сообщество от его разрушающего влияния. Определяя место и роль Власти в идеальном мире, необходимо ответить от лица идеолога на ряд вопросов: ценность и природа иерархии, цели/методы Власти, границы Власти.

а) Иерархия. Принцип иерархии предлагает систему отношений между индивидами. Предполагаем, что вертикальные структуры, основанные на отношениях господства-подчинения, могут считаться эффективными и свойственными людям, как психосоциальным существам, а могут соответственно не считаться таковыми.

Фюрер принцип. Один из важнейших принципов, конституирующих иерархию, определяющий сущность лидерства. Воззрение, что существует некто – прирожденный лидер, владеющий всеми необходимыми интеллектуальными и моральными качествами для успешного руководства сообществом. Он есть сердце и разум группы, высшая судебная инстанция. Его добродетели представляют собой агрегат высших степеней всех ценимых в рамках определенной системы смыслов качеств. Максимальность и истинность его ценности никто не имеет права оспаривать и подвергать сомнению. Над ним есть только Высшие Принципы, и только им он подчиняется. Однако необходимо различать подчинение Высшим Принципам, произведенным самостоятельно и из себя, и обнаруженным в качестве присущих сообществу, укорененных в традиции. Он обладает легитимной монополией на право выражать Общую Волю. Важнейшую роль играет принцип

деционизма. Безусловно, мы обрисовали некую крайнюю ситуацию, полутона и градации степени возможны.

В целом степень приверженности «принципу фюрера» определяется комплексом параметров, которые необходимо выделить. Наличие множества параметров определяет множественность степеней выраженности, «радикальности» приверженности данному принципу.

Легитимность Власти. Определение основного принципа, лежащего в основе построения иерархии, а также направления отбора, необходимо для понимания «идеального» мира идеологии.

Ось «Технократизм – демократизм», как метод отбора по навыкам. Воззрение, что для занятия той или иной должности и для продвижения вверх по карьерной лестнице навыки, умения, профессиональные качества важнее, нежели признанность коллегами и массами. Можно проинтерпретировать технократизм, как отбор сверху: вышестоящий определяет качества нижестоящего и при необходимости перемещает его по карьерной лестнице. Отбору сверху противопоставляется демократический отбор, то есть, выдвижение и отбор снизу. Данное противопоставление эффективно смягчается институтами и правилами, осуществляющими, в основном автоматически, перемещение индивидов по иерархическим лестницам.

Ось «Элитизм – демократизм» как ценность и необходимость «добродетелей» меньшинства. Мнение, что мир естественным образом разделен на лидеров (элиты) и последователей (массы), на пастухов и овец. Небольшая элита должна вести массы к благу без их вмешательства. Простолюдин не может определять сущность трансцендентного, не обладает и не может обладать навыками и духовными качествами, чтобы определять направление и стиль движения, а также Цель своего существования и бытия сообщества. Удел масс – с благоговением подчиняться. Мнение, что для принадлежности к элите важно соответствие ценностным и психологическим требованиям. Элита – индивиды, наделенные определенными «добродетелями», не «ressentiment».

Ось «Аристократизм – демократизм» как ценность происхождения. Воззрение, что сообщество должно разделяться жесткими и непроницаемыми границами на касты, удел членов которых предопределяется фактом их естественной принадлежности к ним. Принадлежащие низшим кастам, именно в силу своей природы, не могут обла-

дать необходимыми для управления «добродетелями», а также не в состоянии овладеть требуемыми для занятия высокой должности навыками. В данном случае не столь важно, что именно является причиной, обуславливающей принадлежность к высшей касте. Это может быть, например, принадлежность к роду или расе.

Дисциплина и субординация. Ключевой параметр для существования стабильной иерархии. Идеальная иерархия возможна при выполнении трех условий: а) каждый обладает определенной, вычисляемой ценностью; б) все члены сообщества точно знают ценность всех своих соплеменников, а, также, мгновенно отслеживают изменения данных ценностей; в) идеальная вертикальная мобильность. Однако вся эта идеальная система будет разрушена, если среди членов сообщества не будут распространены понятия дисциплины и субординации. Иерархия держится на беспрекословном подчинении низших высшим. Степень жесткости дисциплины и субординации определяет величину асимметрии, наблюдаемой при распределении Власти и ответственности между господствующим и подчиняющимся.

б) Методы. Отметим, что, по нашему мнению, в основе любой идеологии лежит разделение на «добро» и «зло», на «истину» и «ложь», на «созидательное» и «разрушительное». Манихейство свойственно любой идеологической системе, а, значит, будут дихотомии и, соответственно, будут предлагаться методы приближения сообщества или индивида к тому или иному полюсу.

Насилие. Имеет ли легитимное право идеальная Власть прибегать к насилию ради достижения Великих Целей? Какова степень допустимого насилия? В каких случаях и против кого оно может применяться?

Влияние на сознание/чувства. Вопрос о необходимости оказания влияния на членов сообщества определяет в широком смысле цели существования политической власти, которая может ограничиться преобразованиями институтов или стараться оказывать трансформирующее сознание воздействие на индивидов. Что должно являться основой идеального общества? Совершенные люди (радикальный взгляд), или совершенные институты (реформистский взгляд)? Проявляется проблема определения направления каузальной связи: что первично – «идеальное» общество, или «идеальный» человек». Власть может брать на себя обязанности по улучшению качества челове-

ского материала, созданию Нового Общества Новых людей. Для реализации данной цивилизационной миссии Власть должна осуществлять определенное влияние на сознание «непросвещенных» и чувства «безучастных». Как? Когда? И каким образом? – вопросы, на которые нужно ответить исследователю с точки зрения идеолога, чтобы определить его позицию по вопросам качества данного человеческого материала, а, также, нарисовать образ идеального человека, наделенного определенным набором качеств и установок.

Любая идеология создает образ «идеального человека», наделенного всеми нужными качествами и способностями, чтобы существовать в «идеальной системе», полностью соответствуя определенным нормам и не осуществляя практик, дестабилизирующих систему в целом и подрывающих ее «идеальность». Фигура «идеального человека» может формулироваться «между строк». Черты его могут быть определены, исходя из критики идеологов существующего миропорядка, и, в особенности, индивидов, соответствующих в наибольшей степени данному ущербному миропорядку, создающему искаженные нормы и идеалы. Подводя итог, можно сказать, что любая идеология подразумевает выделение противоположных идеальных типов: фигуры идеального человека и анти-идеального человека. Из данного противопоставления делается вывод о необходимости приведения мира в «идеальное» состояние и наполнение его «идеальными» индивидами. Встает вопрос о методах, являющихся легитимными для реализации столь высокой Цели.

Опора на партикулярное или универсальное. Идеолог, мыслитель может создавать идеал, сознательно абстрагированный от культуры и истории какого-либо сообщества, или, наоборот, обладающий развитыми, возведёнными в максимальную степень элементами всего лучшего, выработанного в некоторой культуре и свойственного некоторой строго определенной культуре. Развитие партикулярного мировоззрения в противовес некоторому новому, претендующему на универсальность. Опора на партикулярное предполагает доминирование принципа «path dependency» по отношению к устройству всех институтов общества. Утверждение о наличии у каждого сообщества своего уникального пути, основывающегося на специфике истории и культуры сообщества. Отрицание существования ценностей и идеалов, смыслов, которые могут претендовать на всеобщность. Претензия на уни-

версальное предполагает противоположное, а именно, существование всеобщих законов развития и наличие всеобщих целей существования. Сообщества и индивиды отличаются в зависимости от того, открыли они или нет всеобщие законы устройства бытия и сознания, и подчиняются ли они этим законам, а, также, насколько близко они подошли к достижению всеобщей Цели существования.

Однако вне зависимости от позиционирования открытых смыслов и идей можно занимать противоположные позиции по вопросам необходимости и методов распространения «знания». А именно, пропагандировать вмешательство в сознание и существование соседей с позиций Просвещения и Истины, или настаивать на ценности нейтралитета по отношению к «другим» или «находящимся на более низкой стадии развития». Введение оси «вмешательство-нейтралитет» поможет определить степень радикализма Веры в порожденные Идеалы.

Имеем систему: 1) Ось: «Партикулярное – Универсальное». 2) Ось: «Вмешательство – Нейтралитет».

с) Границы Власти. Можно условно выделить такие уровни распространения Власти:

- Власти нет (тотальная ограниченность Власти).
- Власть – «сторож». Закрепление «правил игры», обеспечение безопасности.
- Власть выступает гарантом исполнения договоров.
- Власть имеет право находить идеалы и нормы.
- Власть имеет право регулировать общественные отношения, на уровне социума.
- Власть обладает монополией на установление идеалов и норм.
- Власть регулирует аспекты частной жизни индивидов.

2. Свобода

Выделим три коллективных феномена, способных определять нормы, ценности и идеалы:

- Класс.
- Нация (расистский и культуральный взгляд).
- Государство.

По отношению к каждому феномену идеолог определяет свою позицию по доминированию в его суждениях нигилисткой, фундаменталистской или радикальной компоненты.

Доминирование нигилистской компоненты (либеральный стиль) исходит из негативного понимания свободы по отношению к определенному феномену. А именно, индивид не должен подвергаться конституирующему его сознание и чувства воздействию со стороны определенной коллективной сущности. Данная сущность отрицается как коллективная, представая в качестве единичной воли, экспроприирующей мощь и волю коллективного. Соответственно, данная коллективная воля есть ложь, она выражает волю единиц, а, значит, она коррелирует только с их интересами. Ценности, идеалы, пропагандируемые данной волей, ложны, следовательно, необходимо с ними бороться. Последовательно проявляемая нигилистская компонента приводит к тому, что сам *факт существования* определенной формы коллективности может ставиться под сомнение. **Вывод:** свобода есть отсутствие разрушительного влияния на индивида коллективного феномена.

Доминирование фундаменталистской компоненты (консервативный стиль) исходит из позитивного понимания свободы по отношению к определенному феномену. Индивид может быть по-настоящему свободен, только если принадлежит определенному коллективу. Лишь в рамках своего коллектива он будет понят, сможет найти корректные формы самовыражения и самопостижения. Свобода понимается как право стать полноценной личностью, которая не мыслится в отрыве от некоторого коллектива. Сокровищница человечества заполняется достижениями лучших членов различных и разнообразных коллективов. Коллективный феномен есть хранитель самобытности и уникальности, существование которых зависит от способности коллективной сущности воспроизводить себя, не теряя при этом особенностей своей сути. Размывание смыслов и уничтожение веры в идеалы коллектива подрывает его способность к воспроизводству, а значит, и к хранению и умножению накопленной специфики и уникальности, что в результате приводит к обеднению всего человечества, в котором остаются существовать атомарные индивиды, сознание которых представляет собой ничем не конституированный хаос, созданный доминированием низменных и ничем не сдерживаемых потребностей. **Вывод:** свобода как право принадлежать к коллективу и конституироваться его идеалами, ценностями и нормами.

Радикальная степень нигилистской и фундаменталистской компонента (радикальный стиль) исходит из понимания свободы, как священного права бороться за установление в качестве всеобщего закона своих идеалов, или идеалов своего коллектива. Можно сказать, что радикальная компонента представляет собой крайнюю форму фундаменталистской, или нигилистской (насильственное «освобождение» индивидов от влияния коллективных феноменов), трактовки. **Вывод:** свобода как священное право на борьбу за способность превращать свое Я в основание Всеобщего закона.

Экономическая ось

1. Собственность. Ключевой вопрос экономической деятельности: какая форма собственности, частная или коллективная, должна доминировать в идеальном обществе?

Эффективность. Эффективность – комплексное понятие. Понимание эффективности хозяйствования, основанного на той или иной форме собственности, складывается из ответов на такие ключевые для экономической деятельности вопросы:

- Рациональное использование ресурсов.
- Ценность конкуренции.
- Склонность к инновациям.
- Стимулирование деятельности индивидов.
- Качество готового продукта.

Справедливость. Эффективность может вступать в противоречие со справедливостью, в этом случае встает вопрос о предпочтениях. Чтобы ответить на вопрос о том, какая из форм собственности, по мнению идеолога, обеспечивает «справедливое» распределение благ, нужно определить его потенциальные ответы на такие вопросы:

Возможность соответствия между затратами «труда», в широком смысле слова, и оценкой данных затрат. Относительно данного вопроса получим дихотомию: соответствие возможно и наличествует – соответствие невозможно (возможна только эксплуатация). Целесообразным кажется выделение степеней между полюсами в виде необходимости социальной поддержки, ответственности бизнеса и т. д.

Некоторую важность может представлять вопрос о возможности обеспечения справедливого соответствия в оценке труда между ра-

ботниками, занятыми в разных сферах системы разделения труда, который является частной формой вопроса по поводу справедливого оценивания «труда» как практики. Однако заметим, что сама идеология определяет того, кто получит больше благ, как своего носителя, как свою движущую силу. То есть данный вопрос позволит через постановку проблемы «справедливости» оценивания выйти на более важную для анализа идеологий проблему о ценности различных трудовых практик для существования и процветания идеального мира идеологии.

Проблема «справедливости» институтов, легитимирующих определенную степень допустимой преемственности положения в системе, «развитость» которых приводит к установлению почти кастовой сегментации общества при продлении существования режима долгое время.

Свобода. Важно определить, какая форма собственности, по мнению идеолога, обеспечивают реальную свободу индивида. Безусловно, доминирование частной собственности обеспечивает максимум свободы в сфере управления накопленными в результате овеществления предыдущих практик средствами. Но, с другой стороны, лишенные средств индивиды не имеют доступа ко многим благам, созданным за время существования сообщества (например, культурные блага), значит, их свобода ограничивается. Далее, частная собственность усугубляет неравенство, делая богатых богаче (свободнее), а бедных беднее (ограничение свободы). Расслоение приводит к кастовости, закреплению границ, отделяющих страты, и затрудняет вертикальную мобильность. Однако приведет ли обобществление собственности к решению данных проблем и, тем самым, к увеличению свободы всех индивидов? Является ли сам процесс обобществления ограничивающим свободу тех, кто скорее теряет, нежели приобретает? Вопрос о связи свободы и формы собственности является острым и полемичным, и, вероятно, идеологи развернутых систем смысла давали на них свои ответы.

Три критерия по поводу собственности: «эффективность», «справедливость», «свобода». Ценность каждого из них по отношению к другим необходимо определить для каждого идеолога. Радикальность по данным критериям определяться не будет, однако отношение к собственности является одним из ключевых аспектов любой идеологии.

2. Вмешательство государства. В целом, ответы на нижеуказанные в данном пункте вопросы должны с неизбежностью предопределяться ответами на вопросы о формах собственности. Но мы считаем, что ярко выраженной зависимости не будет. Полутона, особенности и грани отношений к экономической деятельности можно охватить, лишь вводя критерий необходимости и целесообразности вмешательства государства в экономику. Можно выделить три функции, которые может выполнять государство:

Перераспределение. Перераспределение общественного богатства между гражданами через институт налогообложения. Каков смысл данной меры? Какова оптимальная степень перераспределения? В какой форме бедные должны получать изъятое государством богатство?

Управление. Ответ идеолога на вопрос о необходимости вмешательства государства в экономику для регулирования некоторых процессов, протекающих в данной сфере человеческих отношений, необходимо учесть, чтобы составить целостную картину его экономических взглядов. Под «управлением» будем понимать наличие способности и воли у государства создавать нерыночные механизмы и антирыночные институты, прямо или косвенно влияющие на активность акторов в экономическом поле. Например, создание чиновничьего механизма антимонопольной службы или ограничение предпринимательской деятельности на территориях, признанных заповедными, на законодательном уровне. Этот параметр также должен отображать деятельность государства в «кейнсианском» стиле: недопущение провалов рынка и стимулирование роста экономики. Однако может ли государство осуществлять управление, предварительно не инициировав перераспределение? Сомнительно. В данном случае наличие управления подразумевает некоторое перераспределение, но не от богатых к бедным на их нужды, а государству на осуществление его деятельности. В данном случае управление есть цель, а перераспределение – лишь средство.

Участие государства, как производителя или представителя услуг в некоторых сферах деятельности. Важно ответить на ряд вопросов:

Должны ли существовать сферы экономической деятельности, в которых государство будет монополистом?

Целесообразно ли государству осуществлять деятельность в ряде сфер экономики, наряду с бизнес структурами и подчиняясь законам рынка?

Роль государства в сфере предоставления контроля образовательных услуг?

3. Цель деятельности (рыночность – нерыночность). Важно определить, на что должна быть ориентирована данная деятельность и насколько она должна подчиняться законам рынка. Очевидно, что пересечения с предыдущими параметрами присутствуют, однако, по нашему мнению, лишь наиболее радикальные ответы на вопросы пунктов одного из критериев детерминируют ответы на вопросы, включенные в оставшиеся два критерия.

Общество – индивид. Важно определить, что находится в центре экономической деятельности, на что она направлена: на благо общества (нации), или на благо отдельного индивида. От этого зависит не только риторика политических лидеров и идеологов, но и методы функционирования механизмов управления, действующих как в экономической сфере, так и в связанных с ней стратегически важных областях производства. Пропагандируемая и установленная цель экономической деятельности предопределяет то, кто будет выступать главным заказчиком производства: в случае ориентации на «общество» – это государство («гинденбургский» тип капитализма), в случае ориентации на «индивида» – это невидимая рука рынка.

Применительно к данному критерию важно указать, что направленность на индивида, его благо, защиту и т. д., безусловно, подразумевает в отдаленной перспективе и благо *всего* общества, ведь оно складывается из таких соматических единичностей. И, соответственно, направленность на целое общество происходит во многом *ради* индивида, ведь последний существует лишь в обществе. Исходя из данных предположений, делаем вывод: важна направленность каузальной связи (благо общества ведет к благу отдельного индивида, или наоборот). А именно, что выбор в пользу общества или индивида предопределяет потребности, реализуемые первично (коллективные или индивидуальные соответственно).

Материальное (материалистическое) – духовное (пост-материалистическое). В целом противопоставление ставит под вопрос са-

му экономическую деятельность в классическом ее понимании как ценность и системообразующий комплекс отношений. Увеличение материального благосостояния и потребления, основанного на системе взаимоотношений и ролей, сформировавшихся в наиболее успешно развивавшихся обществах европейской цивилизации, как нечто единственно правильное и априорно истинное, может ставиться под сомнение. Поднимаются такие вопросы:

- Общество потребления: благо и цель или проклятье и тупик?
- Проблемы окружающей среды: выгода или ответственность?
- Политическое и социальное участие: функция от экономического успеха, духовных добродетелей или равное право каждого, независимо от его качеств и средств?

Культуральная ось. Необходимость отображения важнейшего противопоставления традиционных и либеральных ценностей заставила нас ввести данную ось.

1. Семья.

а) Распределение ролей в семье. Критерий охватывает взгляды на распределение ролей между полами в семье, а косвенно, и в системе общественных взаимоотношений. Можно переформулировать данный критерий и говорить о роли женщины в семье. В зависимости от взглядов на то, какие функции должна выполнять женщина в семье предопределяется отношение к ней, даже когда она не играет предписываемую ей роль матери, жены в семье.

Итак, по поводу роли женщины можно предположительно выделить три позиции:

- Традиционная. Женщина – хранительница очага. Главная ее задача – воспитывать детей и ублажать мужчину.
- Либеральная. Полы равны во всем.
- Феминистская. Превосходство женского пола над мужским.

б) Ценность и необходимость института семьи.

По данному параметру предлагается ввести систему:

Ось «Ценность института семьи». Является ли семья главным конституирующим сообществом элементом? Должен ли быть этот институт крепким, вне зависимости от ролей, для процветания сообщества? Какова роль семьи в процессе социализации? Является ли семья «ограничителем свободы» индивидов?

Ось «Степень открытости для внешнего воздействия», а именно, насколько взаимоотношения внутри семьи должны определяться внешними по отношению к индивидам факторами, такими как традиция (закон предков) и воля государства. Должно ли государство или другие общественные институты, так, или иначе, влиять на оформление того, или иного, типа семьи, тех, или иных, связей внутри данного социального института?

с) Аморальные компоненты. В данный блок включены такие вопросы:

- Отношение к проституции.
- Отношение к сексуальным извращениям и нетрадиционным «семьям».
- Отношение к абортам.
- Отношение к эвтаназии.

2. Религия

Религия, как форма верования, есть один из столпов культуры. Для определения отношения идеолога к данному феномену введем систему из двух шкал:

А) Толерантность. Терпимость или нетерпимость к любым формам проявления религиозных чувств, а также институтам, переводящим чувства и элементы сознания в стандартизованные практики.

Б) Необходимость Веры. Является или нет религиозная Вера в некоторую трансцендентную форму Блага, Истины и Справедливости необходимой для индивида, достойного жить в идеальном мире. Насколько важную роль должны играть религиозные институты в деле социализации индивида.

В) Формы самовыражения.

Выделим три формы самовыражения: литература, искусство, наука. Принцип такого разделения: практическая целесообразность. В идеальном обществе идеолога каждая форма самовыражения может подвергаться контролю трех типов (по источнику контроля): контроль элит («признанные» в этой области группы), контроль традиции, контроль государства (курс). Предполагается возможность отображения различных степеней желаемого контроля.

Конативная составляющая идеологии

Речь идет о методах, используемых для захвата власти, получения контроля над Системой.

Системность борьбы. Данный критерий определяет, насколько та или иная сила считает ради достижения «идеала» целесообразным участие в политической борьбе, институционально ограниченной барьерами и нормами, функционирующими в рамках данной общественной системы. Очевидно, что участие в политической жизни не имеет смысла, если наличествует тотальное согласие со всеми особенностями политики, проводимой существующей Властью, а также по вопросам ценностей и норм, являющихся доминантными в данном социуме. Социальная сила может использовать лишь те методы отстаивания своих интересов и борьбы за право установления идеалов и норм, которые определены существующей системой как легальные. Система устанавливает способы допустимого формулирования и представительства интересов, а также условия, выполнение социальной силой которых позволяет ей устанавливать нормы, идеалы, смыслы. В системах, считающихся наиболее развитыми, заложено множество способов выражения интересов, а также получения права их установления. Поля социального пространства являются достаточно открытыми и гибкими, что позволяет различным социальным силам, открыто и не прибегая к насилию, бороться за доминирование в иерархически устроенной структуре данных полей. Однако любая, даже самая «развитая» система, вынуждена ради поддержания стабильности и принятых идеалов устанавливать ограничения на способы выражения и борьбы в социальном пространстве. Барьеры на вход в «поле» и на право борьбы в нем устанавливаются любой системой. Всегда ограничивается насилие, как дестабилизирующий всю систему способ достижения желаемого. Насилие, если идет снизу, спонтанно и неконтролируемо, разрушительно, а, значит, опасно для системы. Далее, «развитость» системы определяется во многом высотой барьеров. Низкие барьеры говорят, что система готова к диалогу с любой социальной силой, принимающей базовые постулаты, определяющие манеру функционирования системы. Высокие барьеры, в свою очередь, ограничивают число социальных сил, наделенных правом артикулировать критические замечания в адрес системы, выступать с предложениями, количество акторов, имеющих влияние на принятие реше-

ний и установление норм, строго ограничено. Но любая система, независимо от величины барьеров, функционирует с опорой на некие базовые принципы, принятые, как правило, в качестве аксиомы, зависящие от веры в них общества. Базовые постулаты, сваи общественной системы носят метафизический характер. Стабильность системы зависит от успешности внедрения в душу социума веры в эти постулаты через системы социализации и поддержания этой веры с помощью гибкости идеологических систем, способных трансформировать свой «защитный пояс» в зависимости от изменения окружающей среды. Любая вера может быть поколеблена, идеология может не успеть создать убедительную защиту своему ядру от острых вызовов современности. Соответственно, даже самая открытая и «развитая» система может подвергнуться атакам со стороны членов социума, обретших веру в совершенно другие постулаты и смыслы. А значит, любая система может столкнуться с внесистемным протестом. Безусловно, чем ниже барьеры, чем меньше ограничений, тем вероятнее, что недовольство будет канализировано институциональными ограничениями и найдет свое выражение в допустимых, легальных практиках. Можно выделить *внутрисистемный протест* (легальные практики; согласие с базовыми постулатами; возможность проведения требуемых изменений в рамках данной системы) и *внесистемный протест* (нелегальные с точки зрения системы практики; несогласие с базовыми постулатами; изменения возможны лишь в рамках другой системы).

Внесистемный протест также должен делиться по степеням. Можно считать, что изменения возможны в рамках другой системы, но соглашаться с базовыми принципами данной системы (пропагандируемыми) и не выступать за нелегальные практики. Выступления против косной системы, которая в силу своей испорченности и неэффективности не способна быть на высоте своих принципов. Система может, например, поддерживать тезис о свободе собраний, но не быть в состоянии адекватно определить рамки этой свободы на законодательном уровне и поддерживать порядок на улицах и безопасность манифестантов, не ограничивая их официальное право на выражение коллективного мнения. **Вывод:** нужно перестраивать систему, оставляя фундамент из принципов и постулатов. Это *реформистский* подход. Далее, можно не соглашаться и с базовыми принципами, на которых зиждется система, и в тоже время не выступать за нелегальные

действия, ведущие к ее сознательному обрушению. Обращение к светлому и великому будущему, когда общество созреет для принятия и осознания великих истин, система со временем преобразится и станет отражать идеалы нового человека. Должны сложиться определенные условия для перехода к более совершенному обществу, и до тех пор, пока они не сложатся, любые нелегальные практики лишь отбросят сообщество назад на пути к Благу. **Вывод:** ожидание. Этот подход можно назвать *самоисключением*. Наконец, последнее, готовность к нелегальным практикам. Причем нелегальность определяется только системой, в которой актер осуществляет свою деятельность и которую желает преобразовать. То есть, можно в литературных произведениях критиковать систему и поступать нелегально с точки зрения системы, а можно уничтожать выдающихся функционеров системы. **Вывод:** первый критерий – системность борьбы.

Насилие

Насилие является вторым важным критерием, определяющим методы отстаивания своих взглядов и распространения своих идеалов на сообщество. Вопрос о допустимости и целесообразности применения насилия ради достижения целей поднимается любым несогласным с чем-либо актором. Насилие как метод может как согласовываться с идеалами и ключевыми постулатами, так и вступать с ними в противоречие. Насилие может рассматриваться как форма борьбы, конституирующая идеальное общество, или как форма действия, направленного на слом старой системы и строительство утопии. Здесь рассматривается насилие, как способ достижения некоторой цели. Необходимо выделить три степени допустимости насилия в борьбе за идеалы. *Недопустимость насилия.* Применение насилия, с точки зрения представителей определенных идеологий, приводит к самоуничтожению данной системы смысла. Отказ от насилия во многом определяет самость некоторых систем смысла. *Допустимость насилия.* Насилие как форма борьбы может допускаться, не становясь при этом основополагающей. Жесткие формы борьбы могут разрешаться идеологическим «центром» в определенных сферах и на определенных уровнях. Цель оправдывает средства: ради великого идеала можно проливать кровь лишь в том случае, если это поможет ускорить установление нового порядка. *Предписание насилия.* Насилие есть главная, единст-

венная эффективная форма борьбы за свои идеалы. Часто предписывается насилие организациям, сообществам, которые в силу своих идеалов полностью исключаются системными барьерами из легальной борьбы. Насилие становится единственным способом борьбы за свои идеалы. Однако случаи добровольного исключения из легальной борьбы также возможны, особенно, если сам факт участия в борьбе по правилам, установленным ненавистной системой, разрушает суть идеологии.

Вывод: *второй критерий – насилие, как метод борьбы.*

Таким образом, предложенная систематизация определяет набор вопросов (критериев), на которые система смыслов должна дать четкий ответ, чтобы стать идеологией.

-
1. Chickering L. Beyond Left and Right Breaking the Political Stalemate. San Francisco : Ics Press, 1993.
 2. Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford : Clarendon Press, 1996.
 3. Gross F. Ideologies, goals and values. Westport, CT : Greenwood Press, 1985.
 4. Ignazi P. Extreme Right Parties in Western Europe. Oxford : Oxford University Press, 2003.
 5. Mudde C. The ideology of the extreme right. Manchester, England : Manchester University Press, 2000.

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

П. Г. Мартысюк

Природа как источник культуротворческой деятельности

УДК 930.85

В статье исследуется онтология культуротворческой деятельности в ее взаимодействии с разнообразными природными процессами. Установлено, что рефлексия по поводу природы порождает древние мифологические системы, в свою очередь содержащие истоки творчества. Природа является источником вдохновения, стимулирующим различные виды культуротворческой деятельности.

Ключевые слова: творчество, природа, культуротворческая деятельность, космогонические мифы, христианская культура.

P. Martysiuk Nature as a Source of Culture Creative Activity

The ontology of culture creation and its interaction with various nature processes are discovered in this article. It is determined that reflection about nature creates ancient mythological systems, which contain sources of creation. Nature is a source of inspiration, which stimulates different types of culture creative activity.

Key words: creation, nature, culture creative activity, cosmogonical myths, Christian culture.

Тема культуротворчества во все времена находилась в эпицентре гуманитарного знания. Интерес к ней не ослаб и в современной гуманитаристике, что подтверждается активной разработкой данной проблемы в изданиях по психологии, философии и непосредственно культурологи. Однако в большинстве своем авторы, представляющие данные области науки, задаются целью сформулировать и систематизировать многообразие дефиниций творчества, исследовать онтологию природы творчества, выявить механизм осуществления творческого действия как субъективного акта индивида, а также рассмотреть культуротворчество в контексте объективации творческой личности в конкретных достижениях культуры. В то же время ощущается дефи-

цит в изданиях, обращающихся к исследованию истоков творчества, в том числе, рассматривающих природу в качестве одного из них.

Истоки творчества, на наш взгляд, лежат в космогонических мифах, в которых повествуется о сотворении вселенной, сопровождающемся непрекращающейся борьбой космоса с хаосом. Возникновение космоса в космогонических мифах сопровождается описанием борьбы с различными хаотическими и хтоническими (природными) силами. В египетской мифологии солнечный бог Ра-Атум борется с подземным змеем Апопом; индийский Индра одерживает победу над Вритрой; вавилонский Мардук побеждает Тиамат – супругу Апсу; в скандинавской мифологии бог Тор сражается с великанами и чудовищами, в частности с космическим змеем Ёрмунгандом и т. д. Иногда борьба космоса с хаосом осуществляется в рамках теогонии. Например, в античной мифологии Зевс ведет борьбу с титанами и Тифоном, а в вавилонской мифологии Мардук – со старшими богами и Тиамат.

Идея творчества в них связана с порождающим началом, а также образом смерти, распада, расчленения некоторой первоначальной целостности бытия и последующим восстановлением космического бытия через ритуальную практику. Все перечисленные мифологические модификации идеи творчества объединяет главное: они носят натуралистический характер, творчество в них является естественно-природным процессом. В своей совокупности они выстраивают модель вечного становления и обновления, выступающую отправным пунктом божественного творческого действия, ибо в мифологическом измерении воспроизводство, повторение любой сущностной формы эквивалентно ее первоначальному сотворению.

Творчество как способ деятельности в мифологической культуре, будучи опосредовано божественной субстанцией, воспроизводит самого человека. Тем не менее в мифе творчество предполагает утрату индивидуации человека, так как в качестве идеала предполагает ассимиляцию человека в природном универсуме (космосе).

Когда отсутствует развитый опыт личности, творчество реализуется через различные формы божественного участия. Там где хоть частично отсутствует человек, там его место занимает Бог. Сопряжение человеческой жизни с жизнью природы, эстетическое переживание нерасторжимого единства между человеком и Универсумом восходят в большинстве своем к мифо-религиозным типам культуры.

В священных культурах Востока и Запада в основе знания о природе лежит система натурмифологических представлений, которая устраняет механистическое отношение к формам ее проявления. Более того, природа воспринимается как одушевленный организм, наделенный сверхъестественными свойствами. Неслучайно ее растительные и животные формы у различных древних народов рассматривались в качестве тотемов (охранителей племени), различного рода фетишей и т. п.

Согласно буддийскому учению, всякая жизнь священна, и, более того, буддисты верят, что из-за некоторых грехов души мужчин и женщин могут перевоплощаться в маленьких насекомых.

В славянских мифологических текстах божья коровка указывает на скот, принадлежащий богу или некоему божественному персонажу. Другой способ наименования божьей коровки указывает на ее связь с солнцем («солнечный жук») – внешний вид насекомого. Оно летает, выпуклое, округлой формы, чаще всего красного или желтого цвета. Она соответствует образу солнца и связана с богом, летает на небо и передает просьбы; приносит детей, помогает разыскивать стадо, предупреждает об опасности, предсказывает урожай, срок человеческой жизни.

Далеко не последнюю роль в славянской культуре занимает паук. В мифологических системах древних славян он выполнял функцию демиурга – создателя мира. С пауком связан древний мифологический мотив «снования» (тканья) мира: паук «снует паутину, как Бог сновал небо». В Полесье по этой причине нельзя сновать основу для полотна в субботу, потому что в этот день «свет сновался». Здесь никогда не бьют паука, говорят, что паук свет сновал. Созидательная роль паука как творца вселенной основана на архаических индоевропейских представлениях о том, что мир выткан высшим божеством, наподобие полотна. В легендах паук выступает как посредник между небом и землей.

В египетской и в индоевропейской мифологии пчелы – солнечные насекомые (в противоположность мухам с их лунной и отчасти хтоническо-дионисийской природой); их мед метафорически (своим золотисто-желтым цветом) и метонимически (через солнечные лучи и их действенную силу) связан с солнцем. В символе пчелы особенно ясно становится кругообразный, амбивалентный характер отдачи и

взятия, активности и пассивности, жизни и смерти и т. д. В мифологии русского народа пчелы считаются божьими насекомыми, так как из воска добытого ими изготавливаются церковные свечи.

Немаловажное место в различных мифах занимает Ворон. Ворон и сюжеты о нем составляют специфический и древнейший пласт мифологии палеоазиатов Чукотки и Камчатки. Ворон соотносится с творцом. В чукотских мифах он всегда демиург и культурный герой.

Ворон – провозвестник смерти, своего рода медиатор между жизнью и смертью. Статус Ворона как птицы смерти был запечатлен в известном стихотворении Эдгара По «Ворон».

Той птицы тень – вокруг меня,
И в этой тьме душа моя
Скорбит, подавлена тоской,
И в сумрак тени роковой
Любви и счастья звезда
Не глянет – больше никогда [5:243].

Сродненность человека и природы в мифе становится возможной благодаря способности природных форм принимать человеческое обличие и выстраивать свое поведение, сообразуя его с человеческим поведением. В «Илиаде» Гомера содержится описание конфликта между героем Ахиллом и рекой Ксанфом. Ахилл, неиствующий на поле брани, заваливает реку трупами троянцев, в результате чего течение реки затрудняется. Ксанф предстает перед Ахиллом, приняв человеческий облик. Он умоляет его прекратить сечу. Попытка снятия разногласий осуществляется на уровне антропоморфного (человека с человеком) диалога.

Природные вегетативные циклы в контексте мифа подменялись уходом и возвращением аграрных богов. Колосья символизировали жизнь, а изображение головы, возможно, связано с тем, что он, подобно египетскому Осирису, ежегодно умирал и возрождался. Проводам, «похоронам» плешивого, состарившегося Ярилы тоже был посвящен праздник. Люди знали: минует зима – и Ярила вернется, воспрянет. Так же, как зерно, похороненное в земле, воскресает стеблем, колосом и в итоге новым зерном. Неслучайно зерновые культуры, которые сеют весной (в отличие от озимых), называют «яровыми».

В славянском народном календаре доминирует мифопоэтическая идея, которая проявляется через принципиальное единство макрокосма (природы) и микрокосма (человека, человеческой общности). Во многом это становится очевидным, если обратиться к социальной и хозяйственной деятельности человека, опосредуемой бесконечно повторяющимися природными вегетативными циклами.

Представления о жизни и смерти в системе аграрных праздников оказываются непосредственно связанными с периодическими изменениями погоды и их влиянием на возрождение и увядание природы, плодородие земли, трудовую деятельность и биологические ритмы человека. Перемена погоды, смена времен года и времени суток выступали источником разнообразных мифологических фантазий. Народное сознание воспринимало подобные физические явления через систему мифологических дуальных образов, находящихся между собой в состоянии непрекращающейся конфронтации. К примеру, смерть и новый вегетативный цикл (жизнь) растения могут быть представлены через комплекс метафорических образов насильственности, зла, чьей-то мести, а также противостоящих им добра, блага, правоты и т. д.

В славянской мифологии имеется множество описаний чудодейственных свойств растений. В частности, папоротник, согласно народным преданиям, обладает чудодейственными свойствами. Относясь к разновидностям растений, не способных цвести, он, тем не менее, в полночь расцветает. На Гомельщине рассказывали: «как папоротник начинает зацветать, то летит звезда и так ярко светит, что страшное дело» [8:138]. Перед человеком, добывшим необыкновенный цветок, открываются безграничные возможности. Он становится ведающим, понимает язык природы, обладает знаниями о прошлом и будущем.

Тема природы нашла отражение в эсхатологических мифах. Эсхатологические мифы повествуют о конце света. Они реализуют возможности хаоса, разворачивающегося на фоне ослабления космоса, подобно тому, как это имело место в далеком прошлом. Примером выступает всемирный потоп. «Конец света» в более широком плане связан с истощением биологических и исторических ресурсов во всех космологических ракурсах. Он может заявлять о себе не только по случаю всемирного потопа, но также из-за огня, жары и т. д. Апока-

липтическое видение, в котором знойное лето представляется как возвращение к хаосу, представлено в книге пророка Исайи: Ибо день мщения у Господа, год возмездия за Сион.

И превратятся реки его в смолу, и прах его – в серу, и будет земля его горящею смолою:

Не будет гаснуть ни днем, ни ночью; вечно будет восходить дым ее; будет от рода – оставаться опустелою; во веки веков никто не пройдет по ней (Исайя 34:8–10).

Факт катастрофы, содержащийся в эсхатологических мифах, является следствием отторжения области божественной от области обыденной, что в последующем вызывает потребность вернуть утраченное бытие. В этой связи определенный интерес представляет широко распространенная легенда о хлебном колосе. Она известна всем славянам и в рамках эсхатологического мифа представляет один из вариантов утраты золотого века. Как повествуется в легенде о хлебном колосе, «он был очень большим – по локоть, стебля почти не было, потому, что зерна начинались от самой земли, а каждое зерно было размером с боб. Хлеба было так много, что его никто не ценил. Один раз Бог, странствуя по земле, увидел, как мать подтерла краюшкой только что испеченного хлеба обмаравшегося ребенка и при этом отказала в пище страннику. Бог рассердился, взошел на небо, проклял и людей и землю и лишил их хлеба. Стала земля как камень, сохой ее не вспашешь. Погода изменилась – то засуха, то стужа. Сладкие реки высохли, трава пожухла, листья завяли. На земле наступил голод. Тогда кошка и собака пошли к Богу просить хлеба. Тот сжалился и выделил хлеба на собачью и кошачью долю – маленький колос на длинном стебле, такой, как у нас сейчас. Бог сделал так, что лето стало занимать только половину года. Зима для людей, лето – для зверей» [3:138–139].

В рамках мифологического мировоззрения граница между человеком и природой нередко устраняется. Подобное становится возможным благодаря мифологической метаморфозе. Мифы народов мира содержат множество описаний о превращении человека в растение, животное, насекомое и т. п. Превращение человека в птицу, зверя или какую-либо другую сущность является следствием неосторожно оброненного слова или проклятия. Привлекает внимание то, что в легендах об оборотничестве, действенным оказывается два вида про-

клятий: родовое и Божье. Славянские этиологические легенды и поверья, связанные с происхождением кукушки, вбирают в себя обширный и разнообразный материал. Здесь также присутствуют христианские представления. В легендах белорусов мотив грешности женщины возникает при столкновении родовых и любовно-брачных отношений: с одной стороны обязанности любящей жены по отношению к мужу, с другой – родовая зависимость, особенно когда смертный грех совершает родственница по женской линии. Например, мать убивает мужа дочери, и это влечет за собой наказание матери – «век куковать, счастья не знать» (= гнезда своего не иметь) [6:248–249]. В кукушку превращается женщина или девушка за обман или попытку обмана святых. Отклонение от нравственных норм воспринимается как расширенный вариант греховности. А. Никитина в своей монографии «Образ кукушки в славянском фольклоре» перечисляет основные нарушения нравственных правил, общественных и природных норм, которые влекут за собой наказание в форме оборотничества. Прежде всего, среди них выделяется «жестокосердие: дурное обращение с нищими, неуважение к старикам, нежелание подать милостыню и приютить, а также стремление обмануть, посмеяться, напугать; жестокость к детям и животным; поведение, не соответствующее месту, времени и роду занятий...» [4:40].

Естественная среда выступает источником формирования не только естественнонаучных знаний, но и представлений, отражающих духовную природу человека. Иудейский царь Соломон в качестве наставления незадачливому лентяю указывает на трудолюбивого муравья. «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. Доколе ты, ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь от сна твоего?» (6 Прит. 6–9).

Мы невольно задумываемся о невероятной трате силы, ловкости, энергии, которую приходится осуществлять в течение всей своей жизни каждому животному; если, пристальнее вникая в это, подумаем, например, о неутомимом усердии бедных маленьких муравьев, об удивительной и искусной деятельности пчел, или присмотримся к тому, как могильщик закапывает в сорок раз превышающего его разме-

ры крота, чтобы вложить в него свои яйца и обеспечить этим пищу своему будущему потомству.

Наряду с этим, уподобление человека животному не должно выходить за рамки сугубо внешнего подражания. Потенциальная идентификация человека и муравья устраняет человеческое эго, что способно вызвать необратимые последствия. Это проявляется в отказе человека от самого себя, фиксируется в его омассовлении, тотальной утрате человеческой исключительности. Человеческое общество должно радикально отличаться от сообщества насекомых, так как, исходя из гуманистических побуждений, обязано заботиться о каждом своем гражданине. Что касается сообщества насекомых, то в нем жизнь целого, и забота о целом преобладает над заботой отдельного насекомого о собственном существовании. Особь приносится в жертву целому. Так, например, если шествию муравьев преграждает путь вода, передние смело бросаются в воду, чтобы из их трупов образовалась плотина для тех, кто следует за ними. Когда трутни становятся не нужны, их убивают.

Преклонение человека перед природой и ощущение своей вторичности по отношению к ней является важнейшим элементом языческой культуры. Что касается христианского отношения к природе, то оно в оценке ее красоты и великолепия не расходится радикально с язычеством. Неслучайно выразитель христианской идеи русский философ В. С. Соловьев в своей работе «Красота в природе» писал: «Природа равнодушна к красоте. Она допускает безобразные формы в качестве переходных стадий, но для увековечивания своих произведений старается сообщить им возможную в каждом роде красоту» [7:373–374].

Живая природа является основным «поставщиком» идей для техники, кибернетики и электроники.

Появление науки бионики не случайно: жизнь давно требовала пристального внимания наук друг другу. Бионика официально родилась в 1960 г., а за четверть века до ее рождения советский инженер Игнатьев, наблюдая за бобрами, вернее, за тем, как они грызут стволы деревьев, предложил самозатачивающиеся резцы, которыми теперь снабжены многие металлорежущие станки. А ведь сделаны эти резцы по принципу бобровых зубов.

Человек учился у животных не только доступным и практическим вещам. Он мечтал соорудить крылья и летать, как птицы. Поначалу мечты воплощались в легенды, такие, как легенда об Икаре, но со временем люди стали думать об этом всерьез. Еще пятьсот лет назад Леонардо да Винчи, изучая строение крыльев птиц, летучих мышей, насекомых, думал о создании летательного аппарата.

Человек наблюдал за животными, подражал им, учился у них. Живыми моделями пользуются ученые и конструкторы для проектирования не только наземных, но и подземных машин.

Особое влияние природа оказывала и оказывает по сей день на формирование художественной сферы культуры. Это является вполне закономерным, так как художественная сфера унаследовала от мифологической сферы, в особенности приближенной к природе, способность мыслить стихийно формирующимися образами. Неслучайно А. Бергсон сравнивает творчество художника с творчеством природы. «Художник находится перед полотном, краски положены на палитру, модель позирует; мы все это видим, мы знаем и приемы художника: можем ли мы предвидеть, что получится на полотне? Мы владеем элементами проблемы; мы знаем отвлеченно, как проблема будет решена, ибо портрет... будет походить на модель, а также и на художника; но конкретное решение приносит с собой то непредвидимое ничто, которое составляет все в произведении художника. Это ничто и занимает время. При полном отсутствии материи оно творит самого себя, как форму. Прорастание и цветение этой формы совершается в течение несократимой деятельности, от них неотделимой. То же самое относится и к произведениям природы. То, что кажется в них новым, исходит от внутреннего напора, представляющего собой развитие или последовательность, напора, дарующего последовательности или заимствующего от нее собственную силу, – во всяком случае, делающего последовательность или непрерывность взаимопроникновения во времени несводимой к простой мгновенной рядоположенности в пространстве» [1:323].

В силу своего наполнения самыми причудливыми формами, цветами и красками природа во все времена являлась источником вдохновения поэтов, художников, архитекторов и других представителей творческих профессий. Ярким примером этого является переложение поэмы Овидия «Метаморфозы», принадлежащее перу Ангвиллара:

«Гаргафией прозывалось то благородное место,
Которое было под покровительством лесной богини:
Здесь не искусство соорудило грот,
А сама природа подражает здесь искусству.
Природа соорудила в пещере свод.
Природа построила стены.
Вся пещера выстроена из хрупкого туфа:
И вход, и боковые стены, и внутренний свод.
Капли струятся по стенам пещеры,
А справа в ней струится прозрачный источник:
Там снизу в форме чаши
Природа устроила углубление в туфе.
Там отрывается капля от капли и падает вниз.
Но так продолжается не до конца.
Ибо из многих упавших капель рождается ручей.
Он наполняет чашу, а потом
Переполняет и изливается из нее.

А свод пещеры, созданный природой.
Покрытый трещинами от капель льда.
Украшен множеством причудливых форм.
Как будто созданных весьма ученым мастером.
Стволы, яйцевидные фигуры и ноздреватые пирамиды
Свешиваются вниз и служат акведуком для капель:
Так искусно все устроено, что и резец скульптора
Не мог бы сделать причудливее и прекраснее» [2:174].

В анонимном отчете о романской архитектуре, адресованной Льву X в 1515 г., утверждается: «стрельчатые арки готических построек родились из «несрубленных деревьев», которые были «специально наклонены и связаны между собой»: вспомним также Вазари, определившего готическую архитектуру как «окающую кучу нагроможденных друг на дружку часовенок, с таким количеством пирамид, и пиков, и листьев, что они не то что стоять – кажется невозможным, чтоб они могли поддерживать друг дружку» [2:175].

Определяя творчество как художество, В. С. Соловьев указывает, что «как и все человеческое, художество есть текущее явление, и, быть может, в наших руках только отрывочные начатки истинного

искусства. Пускай сама красота неизменна; но объем и сила ее осуществления в виде прекрасной действительности имеет множество степеней, и нет никакого основания для мыслящего духа окончательно останавливаться на той ступени, которой мы не успели достигнуть в настоящую историческую минуту, хотя бы эта минута и продолжалась уже тысячелетия» [7:352–353].

Вернемся еще раз к творчеству природы, характеризуя его как способ ее существования, в основе которого лежат законы самосохранения и саморегуляции, которые выражаются в

- саморазвитии;
- самоорганизации;
- саморегуляции;
- самосохранении;
- неравномерности и т. д.

Это характерно как для живой, так и неживой природы. В творческой деятельности человека все эти черты носят специфический характер и существуют в снятом виде в ее многомерных результатах. Кроме всего этого, человек творец самого себя, и его сущность проявляется в творчестве с большой буквы.

-
1. Бергсон А. Творческая эволюция. М. : КАНОН – пресс, Кучково поле, 1998.
 2. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Мифология и история : сб. статей. М. : Новое издательство, 2004.
 3. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М. : Астрель; АСТ, 2004.
 4. Никитина А. В. Кукушка в славянском фольклоре. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2002.
 5. По Э. А. Ворон. СПб. : Терция, Кристалл, 1999.
 6. Смирнов Ю. И. Эпика Полесья (по записям 1977 г.) // Славянский и балканский фольклор. М., 1986. С. 248–265.
 7. Соловьев В. С. Красота в природе. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
 8. Толстая С. М. Материалы к описанию Полесского купальского обряда // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 131–142.

В. Сурво, А. Сурво

«Белый социализм» этнографических реконструкций

УДК 572

Традиционное наследие нередко наделяется квазисимволическим смыслом. В статье рассматриваются культурные, исторические и экономические аспекты интерпретаций.

Ключевые слова: традиционный праздник, народный костюм, календарная традиция, квазимифы этнографических реконструкций.

V. Survo, A. Survo. "White socialism" of ethnographic reconstructions

Traditional heritage often give a quasi symbolic meaning. The article considers the cultural, historical and economic aspects of interpretation.

Key words: traditional celebration, folk costume, calendar tradition, quasi myths of ethnographic reconstructions.

Село Спасская Губа расположено на берегу Мунозера в Кондопожском районе Карелии. До 1930-х гг. в огромном селе было несколько церквей с храмом Спаса в центре, на месте которого недавно установлен памятный крест. Хрущёвские реформы 1960-х гг. сводились к политике укрупнения деревень и ограничивали возможности ведения личного хозяйства. Спасская превратилась в рядовой районный населённый пункт. Однако ещё в конце 1980-х гг. здесь стоились новые животноводческие комплексы, работали клубы, кипела полноценная сельская жизнь.

Сегодня Спасская Губа более известна среди лыжников и сноубордистов. Еще недавно обсуждалось строительство здесь международного горнолыжного курорта, но из-за финансового кризиса планам не суждено было осуществиться. Живописному ландшафту пришлось искать другое применение. Сенокос уступил место «сенофесту». В июле 2011 г. работниками Кондопожского музея в Спасской был проведён первый «Фестиваль сена». В празднике, помимо зрителей, приняло участие несколько команд с полной «экипировкой» косарей, состязавшихся во владении традиционными навыками: «Национальный колорит фестиваля обеспечили и народные умельцы, и фольклорные

коллективы, и мастера национальной кухни. В ходе фестиваля можно было полакомиться карельской выпечкой и напитками, в ярмарочных торговых рядах приобрести сувениры и изделия традиционных ремесел, посмотреть выступление Петровского народного хора, группы «Вечорка». Масса зрителей и наблюдателей была вовлечена в концертно-игровую программу фольклорного коллектива «Зорюшка»: танцевали на берегу озера. <...> В Европе сегодня грабли и косы, наверное, можно увидеть где-нибудь в этномузее. А в Кондопожском районе удалось собрать целых пять команд (по пять человек) с полной собственной экипировкой. Четыре этапа соревнований включали в себя: косьбу участка на скорость и чистоту, “ювелирную косьбу”, “экстремальную косьбу” и стогометание» [6]. Для карельских косогоров естественны валуны, кочки, кустарники, что требовало от участников искусного владения инвентарём, уже почти не используемым в карельской повседневности, не говоря уже о реалиях зарубежных туристов. В Финляндии процесс сенокоса давно механизирован, и ручные косы в диковинку: «У нас такого нет. Мы используем электрокосы».

В середине июля в Карелии традиционно занимались сенокосными работами, всегда бывшими главной заботой крестьянского лета. Участвовали в сенокосе всем миром. Высоко ценились хорошие косари, их умение править косу, легко и «чисто» пройти участок, оставляя за собой ровный слой скошенной травы, высушить скошенное, защищая от непогоды, сметать красивый, плотный стог. Традиционно начало сенокоса, жатвы, сева считался праздничным днем. Празднично-обрядовая система имела этнолокальные отличия, но в целом базировалась на датах православного церковного календаря и соответствовала хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев [4:9–36]. Впрочем, в более северных районах Карелии земледельческие ритуалы сохранялись менее всего, что было связано с природно-климатическими условиями жизни и частичной сменой занятий населения [8:89; 25:196–197].

В прошлом основной функцией календарных традиционных обрядов являлась религиозно-магическая, они обеспечивали благополучие социума во всех областях жизни. С изменением социально-экономической структуры общества и изменениями в народном мировоззрении магическая функция ослабевала и постепенно утрачивалась. До коллективизации 1920–30-х гг. в Карелии существовала есте-

ственным образом сложившаяся система общинных праздников, которые традиционно подразделяются согласно происхождению на церковные и не установленные церковью [1:214]. На постепенное прекращение проведения храмовых праздников повлияла антицерковная государственная политика. К 1930-му г. в Карелии из 596 соборов и церквей было закрыто 333, из 1724 часовен – 1708, из 17 монастырей не осталось ни одного. Изменения в церковной политике государства произошли в годы Великой Отечественной войны, когда были открыты некоторые церкви и разрешены службы [13:37–42]. В 1960-е гг. с изменением социально-экономической и демографической ситуации на селе (отток молодежи из деревень) и ослаблением межпоколенных связей традиционная обрядность стала терять актуальность (ср. [18:66]). В 1962 г. все деревенские церкви были закрыты, проведение местных праздников стало невозможным. Остались только действовавшие храмы в Петрозаводске и Олонце [13:47]. Весенние крестные ходы вокруг хлебных полей и другие подобные обряды ушли в прошлое. Колхозно-совхозная деревня сохраняла лишь некоторые важные скотоводческие и земледельческие ритуалы, что всё же способствовало сохранению жизнеспособности села вплоть до разрушительных 1990-х гг. [18:65; 11:251].

В 1970–80-х гг. в Карелии развивалось массовое краеведческое движение, основывались музеи районного и деревенского масштаба, краеведы-любители, наряду с учеными, собирали сведения о традиционных праздниках и их содержании. На местах краеведы выявили, обосновали событийно и постепенно сформировали новые по содержанию праздники в дополнение к праздничной системе официального уровня. Так появились локальные, преимущественно летние праздники (День города, День родного села). Конец 1980-х – начало 1990-х гг. ознаменовались востребованностью национальной и локальной специфики и возрождением традиционных национальных праздников на новой основе: ингерманландский праздник Юханнус (Иванов день, г. Петрозаводск), межрегиональный вепсский праздник «Древо жизни» (с. Шелтозеро), детский фольклорный праздник, проводимый в Троицу (г. Олонец) и т. д.

В современности сельские праздники представляют собой сплав традиционного календаря (с возраждающимися престольными, храмовыми праздниками) и оставшихся советских юбилеев – Днем рыба-

ка, Днем сельскохозяйственного работника, 1 Мая и др. С 2004 г. в Пряжинском районе проводится Фестиваль танца и музыки финно-угорских народов «Suguvastavundu» (Фестиваль «Родовое гостевание»). В его основе дата церковного календаря и обычай съезжаться из окрестных деревень на Троицу, являющуюся престольным праздником села Виданы (Олонецкий район). Постепенно районный праздник обрёл республиканский статус, а в последние годы принимает также гостей из других регионов и стран (финно-угорские республики РФ, Финляндия, Литва).

С развитием туристической индустрии праздник на селе нередко организуется для привлечения горожан и зарубежных гостей (в Карелии это, по преимуществу, финляндские туристы). В рамках «деревенского» туризма выделяется «событийный» туризм – посещения деревень, приуроченные к определенному празднику. Одним из стратегических направлений туриндустрии стало использование местных этнолокальных особенностей прибалтийско-финских и северорусской традиций. Создаются новые бренды территорий и районов, в основу которых ложится прежний крестьянский быт, связанный с земледелием, скотоводством и ремеслами. Устроителями зачастую являются не сами сельчане, а местные работники культуры, администрация, сотрудники музеев.

Сравнительные данные по прибалтийско-финской лексике указывают, что в прошлом в карельском и вепсском языках для обозначения праздника существовали близкие названия *pyhä* (карельск.) и *pühä* (вепсск.) ‘святой, сакральный’ (совр. ‘святой; пост’), подчеркивающие сакральное содержание праздника, существование в этот период определенных ограничений. Календарный праздник был обрядовым нарушением табу, ритуальным охранительным действием, нейтрализующим силу запрета и открывающим возможность определенной хозяйственной деятельности. К концу XIX в. карелы и вепсы для обозначения общинных праздников стали использовать кальки с русского слова *праздник* (*praznik*, *pruaznikka* и т. п. вариации), восходящему к славянскому *праздь* ‘отдых, безделье’ [5:19; 7:29; 4:10–11]. Развлекательно-игровые элементы обязательно присутствовали в структуре народного праздника, способствовали реализации эмоционально-психологической и регулятивной функций праздника. В середине XX в. в сельский колхозный быт активно входили сцениче-

ские формы проведения обрядов: свадьба в качестве театрально-сценической постановки в клубе перед односельчанами, различные действия во время календарных праздников, что, с одной стороны, привело к некоторой имитации народных традиций, с другой, – дало возможность фольклорным формам обрести новую жизнь в концертном исполнении любителей и профессионалов. Процессы трансформаций в обрядовой сфере ускорились с возросшим влиянием города на крестьянский быт. Под воздействием массовой культуры сельский житель постепенно превращался из активного участника событий в их стороннего наблюдателя, апофеозом чего стал туристический бизнес, «трудоустраивающий» лишь ограниченное количество «актёров».

Согласно архаичной семантике *священного* (финск. *pyhä*) финно-угорских традиций, внутреннее в человеческом теле тождественно внешнему, «чужому» пространству, и оба остаются как бы невидимыми. В свою очередь, поверхность человеческого тела символически соотносится с видимой территорией «своего». С этой идеей связано представление об амбивалентности священного и двойственное отношение к нему как отторгаемому, нечистому и в то же время являющемуся объектом поклонения и вызывающему чувство страха [21:94]. Наиболее очевидным способом сакрализации ландшафта, согласно архаичной модели, служит использование вышитых вещей и, прежде всего, обрядовой одежды. Значение вышивки не исчерпывалось бытовыми и декоративными контекстами. Ритуально-символические функции вышитых вещей преобладали над утилитарными. Орнаментированный текстиль является своеобразным узлом, связывающим мировоззрение, мифологические и эстетические представления с «предметной» сферой культуры. Обрядовое функционирование вышитого текстиля могло быть связано и с календарными праздниками, и с определенными семейными ритуалами, и с заветной традицией, что говорит о ритуальной полифункциональности традиционной одежды и прочих орнаментированных предметов быта (апотропейная, продуцирующая, очистительная функция, одежда как маркер праздника и т. д.). Во взаимоотношениях «своего» и «чужого» ключевое значение имеют пространственные, (мета)географические аспекты традиции: *обряженная* поверхность тела коррелирует с видимым пространством «своего», таким образом наделяя его соответствующей знаковостью. Понятийное пространство невидимого, разделённое на

«свое» и «чужое», в ритуале подвергается освоению и экстраполируется на видимый ландшафт, обновляя его смысловое содержание.

Обращение к этимологии названий и к семантике ритуальных действий вскрывает довольно архаичные обрядовые реалии, где дары маркируют и оформляют локусы непосредственного контакта с иным (и/или тождественным ему «чужим») миром. Пространственная доминанта обрядовой практики ярко выражена в символическом отождествлении дара с объектом дарения (корреляция невидимых пространств «своего» и «чужого»), что прослеживается и на уровне наименований текстильных изделий: «свекровник», «образник» (ср. с часто встречающимся на полотенцах вышитым текстом: «Кого люблю, того дарю»). У вепсов было принято развешивать полотенца в избе, что представляется отголоском жертвоприношений домашним и родовым духам. В карельской свадебной обрядности подобное применение полотенца также связано с культом духов-покровителей рода мужа и с культом предков. Полотенца вешались к коньку печного столба с поклонами столбу, а не вручались непосредственно свекрови; оставлялись в бане, чтобы снискать благосклонность «хозяина» бани (то есть изначально дар предназначался баеннику), потом полотенца доставались свекрови (см. [16; 17]).

К концу XIX в. богато украшенные вышивкой рубахи (вышитый орнамент шел по подолу, сшитому из домотканого полотна, в отличие от верхней части – рукавов, изготовленных из ситца или кумача и не орнаментированных) не использовались в повседневной жизни в Беломорской Карелии. Им на смену пришла одежда из покупных тканей. Богато украшенные вышивкой рубахи хранились в сундуках, на свадьбе входили в состав приданого невесты. В помощь (помочь) к приданому такие рубахи-рятина дарились невесте от женщин её семьи. Интересны параллели с традиционным орнаментальным искусством хантов и манси, в котором коммуникативная и магическая функции орнамента являлись основными вплоть до середины XX в. Дальнейшие изменения ощутимым образом сказались на культурном облике этих народов, так как первостепенной функцией орнамента стала эстетическая. В результате снизилось значение орнамента в качестве этнодифференцирующего признака. В наши дни уже не придается значение важным признакам традиционного хантыйского рукоделия, забывается принцип локализации мотивов на определенном

изделии (меховые аппликации и вышивка на одежде и меховой обуви отличались) и ограничения в использовании орнаментальных композиций по половозрастному принципу (изображение медвежьих ушей, позвоночника, следа нельзя было использовать в изделиях, предназначенных, например, детям), не соблюдается система запретов, связанных с предметами рукоделия и временными рамками (круговой орнамент не выполнялся во время охоты, иголку нельзя было втыкать в середину – в «сердце» – игольницы). Таким образом, знаковые системы оказываются адаптивными к внешним воздействиям, меняется смысловая интерпретация, забывается и утрачивается первоначальное смысловое значение [9:337–338]; (сведения также из устного сообщения на конгрессе).

Наиболее последовательно данная тенденция выражена в этнофутуристическом размывании традиционного символического языка. В Карелии, где монополия на определённое зарубежное влияние остаётся за Финляндией, этнофутуризм не имеет существенных предпосылок, поскольку культ «калевальской» традиции являлся ключевым культурным и пропагандистским императивом ещё советского периода, что находило отражение даже в претензиях на первенство в «авторстве» эпоса (издание «Калевалы» в Финляндии как «финско-карельского» эпоса, в СССР – как «карело-финского»).

Из интервью с петрозаводским модельером и дизайнером И. Порошиной:

«Что для Вас значит термин ”этнофутуризм”?»

«Когда мы его первый раз услышали, года три назад, то отнеслись скептически. Тогда прошли по России этнофестивали, потом поняли, что очень правильное слово. В нем даже больше современности, чем чисто этнического. Это отход от простых иллюстраций, чисто этнографических моментов. Это больше переработка. Вот в картинах художников чистый этнофутуризм... У меня тоже это присутствует. Есть работы, где я делаю больше чисто этнографические вещи, когда это требуется. Это не чисто копии, тоже переработки. Копии, я считаю, можно делать только под руководством музея, на основе музейных образцов. Когда выдается какой-то экспонат, делаются обмеры и создается вещь один в один. Я, как художник, естественно изучаю костюмы XI в., XVII, XVIII... Но я изготавливаю костюмы уже для современного человека. На заказ нужно подобрать ткань, чтоб она

не топорщилась, цвет, фактуру. Надо, чтоб это подходило по фигуре, к тому, к чему человек привык. И при этом сохранить особенности традиционного костюма – будь то севернорусский, карельский и так далее. То есть что-то сохраняется, но при этом идет подбор. И крой немного другой и швы, хотя и сохраняются особенности. Но раньше ткани были узкие, теперь – более широкие. Так что стоит задача: правильно, грамотно разложить и сделать красиво, чтобы это шло человеку. У меня много заказов и в Финляндии. Недавно делала для финки из Котки ингерманландский костюм, и для групп фольклорных тоже. Сейчас не каждый мастер может восстановить все детали, нужно уловить самую суть... это классика – белая рубаша, синий жилет и клетчатая юбка – она в нем может и просто ходить. Чуть-чуть отделки, щнуровка... То есть отголосок костюма. Это тоже современный костюм» (на выставке древнекарельских костюмов, созданных по мотивам эпоса «Калевала»; Хельсинки, в «День Калевалы» 28 февраля 2010 г.).

Во время наших полевых исследований последнего десятилетия в беседах с мастерами-ремесленниками Карелии лишь единожды зашёл разговор об этнофутуризме, о котором собеседник высказался как о уже не совсем актуальной моде 1990-х гг. (выставка «Виват, Олонец!»; г. Олонец, июль 2009 г.). Материал приведённой выше беседы с петрозаводским дизайнером требует скидки на то, что речь идёт о презентации, проводившейся в Финляндии и организованной финляндской стороной. Если из интервью изъять «этнофутуризм», о существовании которого дизайнер, к тому же, узнала лишь недавно, то никаких смысловых потерь не последует (причем в программе выставки этнофутуризм вообще не упоминался, а само обсуждение темы было спровоцировано нашими вопросами). Специфика взаимодействия традиций Карелии не располагает к особым проявлениям этнической интравертности, что обуславливается взаимной искусственностью административных границ республики и границ традиционного проживания вепсов, карел и русских, диалектными и пр. различиями в «карельской» среде, а также близостью «столиц» и «заграниц» (продукция мастеров и дизайнеров, в основном, рассчитана на городского жителя, отечественных туристов, среди которых немало петербуржцев и москвичей, а также и иностранных гостей).

Деятельность музейно-туристических центров и национальных парков нацелена на возрождение традиционных ремесел (организация курсов по тканью, валянию шерсти, вышивке и т. п.), что предполагает вовлечение мастеров-ремесленников и дизайнеров в сувенирное производство для туристической индустрии. «Этнокопии» и «реплики» (термины из лексикона мастеров и дизайнеров) всё же не всегда понятны не только туристам, но и самим сельским жителям. Неприятие нововведений местным населением, обычно спонтанное, выражает проявление редкой и поэтому крайне важной критичной точки зрения на фольклорно-этнографическую экзотику и ангажированность зарубежными инновациями в этой сфере.

(Медиа)образы прежнего сельского быта служат своеобразным каналом передачи *представлений* о традиции, формирующихся на основе музейного и книжного знания. Конструируя этнографические резервации, зарубежные культуртрегеры пытаются за счёт «просвещаемых» создать квазитрадиционную реальность для туристического потребления, чем попутно обеспечивается рынок сбыта собственных культурных ожиданий, предрассудков и излишков производства: «...этнофутуризм, с одной стороны, как метод, ориентированный на поиск национальной самобытности через обращение художника к этническим формам искусства, а с другой – как щедрый дар эстонского большого брата меньшим финно-угорским братьям, эстонский вариант троянского коня, призванный через осознание этнической самобытности внести отчуждённость между русской и финно-угорскими культурами. Так что сквозь замысловатые фигуры народного орнамента можно увидеть и вполне определенные политические мотивы» [10:152–153]. Глянцевой картинкой «прошлого» формально воспроизводится структурный уровень архаичной модели. Производители «этнокопий» одновременно апеллируют и к невидимому «своему», говоря о «возрождении традиций», и к невидимому «чужому» туристов, также ангажированных псевдотрадиционалистской риторикой. Однако в обоих случаях за символами нет труженика, тотальным образом трансформирующего понятийное и физическое пространства в единый означиваемый ландшафт. Изготовление той же вышитой вещи представляло собой трудоёмкий процесс (сеяние льна, сбор и обработка урожая, прядение нити, ткачество, декорирование полотна), обставленный многочисленными ритуалами.

В процессе переосмысления традиционного наследия соприсутствует воспроизводство псевдоархаики. Этнокультурный опыт становится частью симулятивных развлечений, традиция облекается в формы, адаптированные к культурному уровню среднестатистического потребителя, смысл чего выражен в лозунге ассоциации «Society for Creative Anachronism»: «сыграть средневековую жизнь не такой, какой она была на самом деле, а такой, какой должна была быть» [15:246]. Символы этнографических реконструкций не имеют в своей предыстории реального труда, а созданный продукт – реального, жизненно необходимого (утилитарного и символического) применения. В советские десятилетия название романа В. Гюго «Труженики моря» стало основой для неологизмов «труженики полей», «труженики прилавка», «труженики космоса» и т. д. [20], нередко оцениваемых сегодня иронически в качестве пропагандистских штампов. Такая ирония естественна для культур, не отягощённых решением задач экзистенциального порядка: «В современных общественных формациях нет больше символического обмена как организующей формы. Они, конечно, одержимы символическим — как своей смертью. Именно потому, что оно больше не задает форму общества, оно и знакомо им лишь как наваждение, требование, постоянно блокируемое законом ценности» [3:43; 2:41].

Традиционное наследие Русского Севера невозможно расценивать лишь как достояние той или иной этнической группы. Ожидания зарубежных туристов обычно соответствуют самобытно-этноцентричным представлениям о «карельскости» и территориальных контурах Карелии, что противоречит исторической, культурной и религиозной «самости» местных жителей, старшее поколение которых помнит «этнографические реконструкции» и созданные для русских концентрационные лагеря оккупационного периода [19; 22]. В. Лукьянов, бывший узником заонежского концлагеря, пишет, что особой жесткостью отличалась финляндская «сельская интеллигенция»: врачи, учителя и работники культуры [12:54]. Э. Туомикоски, в годы войны работавший старшим преподавателем на вепсской территории, в заглавии своих мемуаров предельно ясно охарактеризовал финляндские квазимифы: «Мы строили Вавилонскую башню» [24]. Не менее важны сугубо утилитарные причины экспансии. К концу 1930-х гг. в среде сторонников Великой Финляндии сформировалась идея «белого

социализма», обнажившая экономический фон внутрикультурных противоречий. Оппонентом великофинляндских консерваторов была либеральная элита шведоязычного меньшинства, которая, по сути, владела страной: «Мы придумали новый лозунг: белый социализм. <...> Поскольку шведский капитал владел 65 процентами всего капитала страны, шведские фирмы подлежали социализации и передаче в руки финнов. Простой шведский народ должно было отделить от владельцев капитала. Социал-демократов следовало атаковать, потому что эта партия была в союзе со шведским капиталом» [23:46].

Изначально в научных исследованиях и музейных экспозициях преобладало позиционирование традиционных вещей как предметов материальной культуры, подчеркивалась их утилитарность (раскрытие экстраутилитарного контекста пришло позже). Сегодня же наблюдается другая крайность, когда «этнореплики» и «этноцитаты» наделяются искусственным экстраутилитарным смыслом, зачастую не имея утилитарной функции, какой-либо связи с повседневностью. Зарубежный опыт отношения к традиционному наследию достоин освоения, если речь идёт о действительно комплексном переосмыслении национальных символов, когда культуры, претендующие на роль эталонов, являются также образцом экономической, демографической и прочих утилитарных сторон развития. В ином случае имеет место некритичное заимствование бесперспективных экономических моделей. Аудитория иллюстрированной риторики наваждения напоминает насреддиновского осла, приводимого в движение футуристическим обманом.

-
1. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–XX вв. Л., 1988.
 2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
 3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
 4. Винокурова И. Ю. Праздничная система крестьянского населения Олонецкой губернии (конец XIX – начало XX в.) // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий / научн. ред. и сост. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск, 2010.
 5. Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1996.

6. Кондопожский фестиваль сена // Сайт «Коренные народы Карелии». URL: <http://knk.karelia.ru/2011/10/festival-sena.html> (дата обращения 08.10.2011).
7. Конкка А. П. Viändöi – время летнего поворота в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии / научн. ред. Ю. Ю. Сурхаско, А. П. Конкка. Петрозаводск, 1992.
8. Конкка А. П. Традиционные сельские праздники // Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / изд. подг. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л., 1980.
9. Лапина М. А. Этические установки, связанные с рукоделием хантыйской женщины // VII Конгресс этнографов и антропологов России : доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редколл. В. А. Тишков и др. Саранск, 2007.
10. Лимеров П. [Из выступления на круглом столе «Реальность этнонациональной культуры и её мифы»] // Арт. 2006. № 1.
11. Лимеров П. Ф. Корова как символ // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия. Материалы международной научной конференции. Сыктывкар, 2000.
12. Лукьянов В. Трагическое Заонежье : документальная повесть. Петрозаводск, 2004.
13. Олонецкая епархия: страницы истории / сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2001.
14. Полевые финно-угорские исследования: сайт. URL: <http://www.komi.com/eam/sci/conf.asp>.
15. Соловьева А. Н. От этноладшафта к медиаландшафту: репрезентации этнокультуры в туристическом дискурсе // Поморские чтения по семиотике культуры : сб. научных статей / отв. ред. Н. М. Теребихин; сост. Н. М. Теребихин, А. О. Подоплекин, П. С. Журавлев. Архангельск, 2008. Вып. 3. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера.
16. Сурво В. В. «Девка прядёт, а Бог ей нитку даёт» // Гендерная теория и историческое знание. Материалы второй международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Павлов, В. А. Семенов. Сыктывкар, 2005.
17. Сурво В. Текстильная тема в обрядовой практике (по материалам Карелии) // Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы Вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2003.
18. Тульцева Л. А. Русский праздник и демография в XX – начале XXI в. // Этнографическое обозрение. 2011. № 4.

19. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов / сост. С. Сулимин, И. Трускинов, Н. Шитов. Петрозаводск, 1945.
20. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М., 2004.
21. Anttonen V. Ihmisen ja maan rajat. 'Pyhä' kulttuurisena kategoriana. [Границы человека и земли. 'Священное' как культурная категория.] Helsinki, 1996. (SKS:n toimituksia, 646).
22. Pimiä T. Sotasaalista Itä-Karjalasta: suomalaistutkijat miehitetyillä alueilla 1941-1944. [Военные трофеи из Восточной Карелии: финляндские исследователи на оккупированных территориях в 1941–1944 годах.] Helsingissä, 2007.
23. Sulamaa K. Akateemisen Karjala-Seuran ideologia: heimoaatetta, aitosuomalaisuutta ja kansakokonaisuuden tavoittelua [Идеология Академического Общества «Карелия»: племенная идея, подлинная финскость и стремление к национальному единству] // AKS:n tie: Akateeminen Karjala-Seura isänmaan ja heimoaatteen asialla [Путь «АОК»: на службе отечеству и племенной идее] / Toim. M. Uola. Helsinki, 2011.
24. Tuomikoski E. Rakensimme Baabelin tornia. Vepsäläisalueen yliopettajan päiväkirjamuistiinpanoja lukuvuodelta 1941–1942. [Мы строили Вавилонскую башню. Дневниковые записи главного преподавателя по вепсской территории за учебный период 1941–1942 гг.] Rovaniemi, 1982. (Documenta Septentrionalia 1).
25. Venäläinen perinnekulttuuri: Neuvostoliiton Pohjois-Euroopan venäläisväestön etnologiaa 1800-luvulta 1900-luvun alkuun [Русская традиционная культура: Этнология русского населения северно-европейской части Советского Союза XIX – начала XX в.] / Toim. K. V. Čistov ja SNTL:n tiedeakatemian N.N. Mikluho-Maklain nimelle omistetun Etnografian instituutin itäslaavilaisen jaoston työryhmä; [кäsikirjoituksesta] suom. Marjatta Ryynänen. Helsinki, 1976.

Я. Яанитс

Этнодискотека: этническая идентичность молодёжи коми

УДК 392

Сохранение, представление и популяризация языка и культуры коми через различные мероприятия, семинары и конкурсы – часть каждодневной деятельности нескольких организаций, работающих в Республике Коми. Используя исследования о культурных производителях и культурных посредниках, я анализирую деятельность Союза коми молодёжи "Ми" и показываю методы и стратегии, которые они используют, чтобы поднимать этническое самосознание молодых людей.

Ключевые слова: молодёжь, культурное производство, культурные посредники, этническая идентичность, молодёжные организации

J. Janits. Ethnic disco: Ethnic Identity of Youth Komi

Preservation, promotion and popularization of Komi language and culture through various events, seminars and competitions is the part of several organizations' everyday activity operating in Komi Republic. Using the research about cultural producers and cultural mediators I analyze the activity of the Union of Komi Youth "Mi" and show by the example of their various projects and events the methods and strategies they use to raise young people's ethnic awareness.

Key words: youth, cultural production, cultural mediators, ethnic identity, youth organizations.

Вопрос об этнической идентичности, языке коми и других финно-угорских народов, важная тема обсуждения в течение долгого времени. Думается, что в сохранении культуры роль молодых людей и уровня их этнической идентичности существенна. Хотя для большого количества молодых людей культура и язык коми – феномен, характерный для деревенской жизни, и их социальный и когнитивный статусы достаточно низки [1]. Чтобы получить лучшее образование и найти работу, молодые люди переселяются в город, где обнаруживается потребность использовать русский язык каждый день и приспосабливаться к сформировавшемуся российскому культурному пространству. Коми и их культура практически не могут найти место в

городской повседневности столицы или разместиться в городских центрах [17:123].

Однако в республике имеется часть молодёжи и культурных организаций, цель которых – сохранение и популяризация коми и финно-угорских культур. Речь идет о деятельности и стратегиях «Союза коми молодёжи «МИ», направленных на популяризацию культуры и языка коми среди молодёжи.

Главными источниками для исследования являются материалы собранные в течение полевых исследований в 2009, 2010 и 2011 гг. В ходе этих исследований были проведены интервью со студентами из различных учебных заведений в г. Сыктывкаре и специалистами, работающими в организациях (23 человека, из которых 8 связаны с молодёжными и культурными организациями).

Основными молодёжными и культурными организациями в Сыктывкаре, относящимися к молодежной национальной проблематике, являются: Центр Коми Культуры, Финно-угорский культурный центр Российской Федерации, Молодёжная ассоциация финно-угорских народов (МАФУН) и Союз коми молодёжи «МИ». Главная цель всех этих организаций – сохранение, развитие и популяризация коми и финно-угорской культуры и языка с использованием различных методов. Они проводят много интересных социально-образовательных мероприятий, конференций, семинаров, выставок и конкурсов. МАФУН и Финно-угорский культурный центр занимаются более широко связями между финно-угорскими народами, и их культурой, а «МИ» и Центр Коми Культуры сосредотачивается на проблемах культуры коми. Хотя все они сотрудничают в организации глобальных мероприятий и общих проектов.

Для раскрытия культурологического смысла деятельности указанных организаций, я сначала сделаю краткий обзор главных целей и задач организации «МИ». Затем я проанализирую применяемые стратегии повышения этнического самосознания молодёжи. Чтобы проанализировать деятельность «МИ», я использую исследования, проведенные на основе научных идей *культурного производства и культурного посредничества*.

Союз коми молодёжи «МИ» был основан в 1991 г. как Коми центр творческой молодёжи. Начальная цель состояла в том, чтобы дать молодым художникам, поэтам, авторам, фотографам возмож-

ность развиваться творчески. Организация была переименована в 2005 г., когда ее члены решили продолжить работать как общественная молодёжная организация. Причина состояла в том, чтобы предоставить как можно большему числу молодых людей возможность участвовать в его деятельности.

Цели организации «МИ»:

1. Сохранение и пропаганда лучших традиций духовной традиционной культуры коми и современных форм её проявления.
2. Содействие в сохранении и развитии коми языка и культуры.
3. Создание условий для повышения самосознания молодого человека и гармоничного вхождения его в современный мир жизнедеятельности.
4. Повышение конкурентоспособности и социальной защищённости молодых людей коми национальности.
5. Выявление и воспитание личностей, ориентированных на общие мировые тенденции развития на основе знания собственного языка и культуры [8].

Важное место в деятельности этой организации занимает поддержка и развитие местных организаций молодёжи в городах и районах Республики Коми. Многие районы имеют местных координаторов, которые по мере возможности вовлекают молодых людей из деревни в деятельность «МИ». У этой организации есть интересные проекты по привлечению в движение молодёжи, которая проживает в сельской местности. Самая новая тенденция состоит в обучении молодых людей, как готовить социокультурные проекты и управлять ими таким образом, чтобы организации были бы в состоянии развиваться на этой основе. «МИ» также участвует активно в проектах МАФУН¹.

Культурное производство и культурные посредники

Культурное производство это процесс, при помощи которого культурная продукция (включая товары, экспонаты, визуальные и основанные на опыте объекты, услуги, и художественные формы) создана, преобразована, и распространяется в рамках культуры потребителя [18:12]. Исследователи, изучающие культурных производителей,

¹ Записи полевых исследований помечаются нами в тексте ПЗ 2011.

занимаются главным образом социальной практикой, то есть путями использования текстового содержания и технологических форм, чтобы построить, сформулировать, и распространить идеологию идентичности, сообщества, различия, нации и культурной политики. Исследовательские тексты, созданные нарративы и изображения, производители используют для создания новых предметов и новой субъективности, сформулировав разделенные культурные события и строя социальные идентичности [11:469–470].

Понятие «культурные посредники» было введено П. Бурдьё (Pierre Bourdieu) в его книге «Различие» (*Distinction*) (1984) и было связано с его комментариями к социологическому определению «мелкой буржуазии», новой кличке работающего среднего класса, который рос в размере и влиянии с середины двадцатого столетия. Это понятие имеет определенные подобию с тем, что другие авторы называли «классом обслуживания» или «классом знания» [13:502]. Этот класс занят в креативной деятельности, обеспечивающей рынок символических изделий и услуг [7:359]. Центральная идея понятия «культурные посредники» в том, что это наименование объединяет тех рабочих, которые обслуживают промежуточные функции художественного творчества и потребления его результатов (или, более широко, производство и потребление символической продукции) [13:503; 14:498].

Анализируя культурных производителей и их деятельность, Bourdieu использует понятия «поле» и «поле культурного производства», в котором он описывает социальное место как поле, где социальные агенты конкурируют, в зависимости от своего положения относительно различных ресурсов и целей производства, таким образом внося свой вклад в структурное обслуживание или преобразование [6:59]. Поле культурного производства включает эстетические принципы и подходы, исторические и культурные особенности, методы и формы организации производства, а также художественное содержание, приписываемое данному производству критиками, журналистами и т. п.» [5:37].

Определенная привлекательность полевой модели состоит в том, что она пробует описать динамические процессы культурного производства, вовлекая в него не только культурных производителей в узком смысле (художников, авторов, режиссеров, композиторов и т. д.),

но также и других социальных агентов: хранителей, ценителей, критиков, спонсоров, культурные учреждения [2:26].

Born думает, что теория культурного производства по Bourdieu иллюстрирует общие проблемы, поднятые в соответствии с его теорией социального значения, в которой он неизменно следует наблюдению значащих побуждений человека освоить методы напряжённого накопления культурного и символического капитала. Объясняя динамику поля, он уделяет только спорадическое внимание характеру учреждений, останавливаясь на их расположении в поле. Он не рассматривает вопросы исторической эффективности в распространении, объединении или узаконивании определенных литературных или артистических жанров или дискурсов. Культурные учреждения составляют социальный микрокосмос, через который достигается не только эффективность культурного производства, но и который воплощает метонимические эстетические дискуссии и разногласия, окружающие любую творческую практику [3:179–180, 191]. В этом процессе в условиях деятельности учреждений культуры культурные посредники играют ключевую роль [13].

Главная цель Союза коми молодёжи «МИ» и других молодёжных и культурных организаций популяризация и сохранение духовной культуры, и повышение этнического самосознания. С этой целью сначала необходимо формировать коми и/или финно-угорскую идентичность и национальный культурный образ. Члены организаций – это те активисты, которые создают условия для восприятия и понимания Коми и Финно-угорской культуры, а затем осуществляют посредничество при помощи организации различных *специальных событий* или *проектов* для широких слоев населения. Они являются также культурными производителями, которые имеют определенную, причем законную символическую власть показывать символические «вещи» и заставить людей верить в них [4:146].

Люди, которые работают в молодёжных и культурных организациях, имеют необходимое образование, и знание о коми культуры (многие из них выходцы из семей, которые говорят на их родном языке, а в Сыктывкарском государственном университете они изучали коми язык и литературу в качестве профессии). Как культурные специалисты, они также имеют необходимое социальное положение, чтобы добиваться развития культуры [14:497]. Это социальное поло-

жение дает им власть, как и право представлять национальную культуру другим или делать осознанный выбор, что является наиболее ценным в качестве презентации культурного наследия. Таким образом, люди, работающие в культурных центрах, имеют соответствующие знания, опыт и власть для создания и дальнейшего строительства коми идентичности.

Деятельность «МИ»

Важным направлением работы «МИ» является организация образовательной деятельности, которая стремится поднимать уровень национального самосознания молодых людей в Республике Коми, которое выражается в отношении к коми языку, коми культуре и проявлениях социально-культурной активности сельской молодежи. Одним из примеров такой деятельности является проект «Лицей приМИ». Цель проекта – создание творческой, образовательной, этнокультурной площадки для коми молодёжи. Проект начался в марте 2011 г. в селе Визинга в Сысольском районе, и в течение проекта, они реализовывали образовательные возможности Сыктывкарского государственного университета для обучения, как проводить подготовку проектов и управлять проектами [10]. Проекты будут выполнены для всех районов республики и, в конечном счете, это должно существенно расширить кругозор молодых людей, участвующих в проектах, дать им необходимые навыки и знания для реализации их идей. Это в свою очередь подняло бы их этническое самосознание. В настоящее время социокультурные проекты выполнены в городе Инта, в Ижемском, в Корткеросском, в Усть-Куломском и в Сыктывдинском районе [16].

Другое важное направление – популяризация языка и культуры, через различную деятельность: события, конкурсы, выставки. Интересным выглядит использование популярных форматов телевизионных шоу и мероприятия, которые обычно проводятся на русском языке, в виде их переработанных коми аналогов. Например, «МИ» организует на коми языке современные праздники, игры КВН, телевизионную викторину «Что? Где? Когда?» и шоу «Любовь с первого взгляда».

Также мы проводим КВН. Тоже у нас российская игра, но мы ее перевели на коми. /.../ Все шутки, всё абсолютно на коми языке. Но то есть, не просто перевод дословно с русского, но это внутренние,

такие национальные шутки, которые вызывают такие добрые чувства и молодёжи это нравится. (ПЗ 2011)

Создавая новое «коми» содержание событий, которые являются уже популярными среди молодёжи, организаторы надеются достичь большего эффекта. Так как участники событий уже знакомы с их форматом, они не должны предпринимать дополнительных усилий по осмыслению главной идеи шоу. Они могут сосредоточиться на том, чтобы воспринимать различия, которые наблюдаются в коми варианте события. В дополнение к использованию известных форматов, «МИ» также организует события в местах, где молодые люди привыкли проводить свободное время.

1-ого декабря [2010] мы решили провести этнодискотеку. Буквально перед новым годом. Мы сначала боялись, думали, что в национальном языке молодёжь не потянет /.../ Мы решили сделать эту дискотеку в современном популярном клубе города Сыктывкара – 9000 метров. /.../ И мы сделали там дискотеку не только, когда мы крутили диски, а была живая музыка и в процессе у нас были национальные игры на коми языке. Девушки в национальных костюмах проводили между песнями игры. Не только принимала участие коми молодёжь, но подтянулось и современная молодёжь русскоязычная. То есть – это заразило всех. Мы почувствовали, что это возможно, значит и реально. Сейчас у нас уже думки продолжать, делать это более традиционным. /.../ По первому опыту мы поняли, что это действительно интересно, это получается, это перспективно. (ПЗ 2011)

Здесь можно заметить, как организаторы смешивают типично молодёжные элементы с некоторыми традиционными элементами. Действительно, в деятельности «МИ» традиционные элементы всегда чувствуются. Традиции – основа, через которую этническая идентичность коми преобразует традиции в современные, живучие и даже инновационные культурные события.

Мы пытаемся выбирать такие конкурсы, такие проекты, которые связаны именно с популяризацией молодёжной политики и молодёжных интересов. Но все это в национальной коми оболочке, чтобы это было обязательно связано с языком, традициями, с культурой. /.../ Всё это не только традиционно, но с элементами инновации какими-то. Чтобы это как-то соприкасалось с молодёжью, им было интересно. (ПЗ 2011)

Помещая традиционное содержание в современную форму, организаторы движения коми молодежи желают обеспечить деятельность для молодых людей, которые поддерживают их культурные методы и прошлые события. Это, в свою очередь, должно также содействовать популяризации языка и культуры. Николай Кузнецов делал вывод, что через поп-музыку можно популяризировать язык и культуру среди молодёжи, поскольку это помогает поднимать статус языка и показывать, что это современно и жизнеспособно [9].

Теперь два года подряд у нас проводился фестиваль современный коми песни “Койташ”. /.../ Мы решились, что именно нам не хватает современных коми песен. Те национальные песни, традиционные. Вроде бы это интересно, но молодёжь хочет опять же современности, популярности. /.../ Второй год – молодёжь пишет, молодёжь стала выступать. По 15 новых песен в год. Я считаю, что это уже большой шаг. Пусть не большой, но это уже шаг к такому современному творчеству. (ПЗ 2011)

Хотя цель этого фестиваля состоит в том, чтобы поднять количество популярных песен на коми языке, есть все еще только немного групп, которые пишут музыку на коми языке, и популярная культура коми очень слабо развита. Число современных коми песен является очень маленьким и не может быть расценено как сверх популярное явление – как песни, которые достигают потенциальных целевых групп – эти песни доступны, но немногие знают о них [9:125]. В течение периода моих полевых исследований я услышала об очень немногих группах, которые делают современную коми музыку. Также можно найти очень мало коми музыки в Интернете.

«МИ» имеет свою собственную страницу в популярной социальной сети *vkontakte*, где люди могут получить последнюю информацию об их деятельности. В дополнение к фотографиям и информации на сайте также имеется возможность добавить аудио и видео файлы. На этой странице в *vkontakte* собрана также песенная музыка на коми языке. В то время как некоторые из этих песен популярны, как и песни, переведенные на коми язык, большинство песен являются вариантами традиционных произведений с небольшими изменениями и современными элементами. Слаборазвитость поп-культура может быть связана с фактом, что коми городская культура вообще плохо развита.

В русскоязычном пространстве городов ежедневное использование коми языка остается на заднем плане.

Говоря о маленьких народах и национальных меньшинствах, надо отметить, что работа в них культурных посредников имеет по умолчанию также политическое измерение, так как через культуру можно усилить этническую идентичность группы, что также может привести посредников к политической деятельности. Попытки культурных посредников содействовать развитию и популяризации коми культуры, очень важны потому, что в более широком контексте самопредставление и культурное производство могут оказаться серьезными первыми шагами к политическому действию.

Хотя «МИ» не стремится к политизации своих действий, они все же хотят достичь кое-чего в этом направлении. Один пример – действие, которое они предприняли перед переписью Российской Федерации в 2010 г., когда попробовали влиять на людей таким образом, чтобы они определяли себя в переписи этнически как коми.

Когда была перепись населения. /.../ Мы тоже подумали, что нам необходимо знать точно сколько нас коми, в населении. И мы тоже с молодёжью проводили небольшой акцию. Мы делали листовочки на коми языке, а на обратной стороне на русском языке, чтобы русскоязычная и комиязычная молодёжь могла бы прочитать. И буквально накануне переписи у нас были премьерные спектакли в театрах и мы раздавали эти листовки просто, кто приходил в театр, зрителям. А там на листовке был написано: «Мы хотим знать, сколько нас. Запиши себя коми». Это просто тоже ни к чему не обязывающая листовка, но заставляющая задуматься. А может, да, я коми, может мне надо записаться коми. (ПЗ 2011)

Более широкая и долгосрочная цель событий, организованных «МИ» состоит в том, чтобы поднять статус родного языка и увеличить этническое самосознание через популяризацию языка и культуры. Акция, проведенная перед переписью, показывает, как они желают через более прямое и активное вмешательство достигнуть целей и привлечь внимание людей к вопросу статуса языка. Хотя «МИ» определил главные направления деятельности в течение прошлых 20 лет, они все еще находятся в состоянии поиска эффективных методов работы.

Только такими, очень тонкими налёками молодёжь начинает осознавать, что это действительно современно.

Чтобы это сделать очень тонко, нужно очень много механизмов. Вот именно – здесь листовки, здесь конкурс, здесь мероприятия, здесь flash mob, здесь дискотека. И когда это всё в комплексе, они уже задумываются, я коми. А почему нет, у нас есть все тоже самая также как у русского человека. Как то таким образом пытаемся пока на сегодняшний день это реализовать. (ПЗ 2011)

На сегодняшний день, стратегия «МИ» в области популяризации коми культуры и языка среди молодёжи, включает в себя очень разные действия. Сначала активисты организации хотят понять сами, какие подходы являются лучшими и какие вещи интересуют молодежь. Они хотят, чтобы молодые люди участвовали в их деятельности, и для этого они осуществляют долгосрочное планирование и развивают сотрудничество с другими организациями и отдельными группами молодых людей. Таким образом, их социокультурные проекты и события должны постепенно поднимать этническое самосознание молодых людей и в то же самое время давать возможность молодым людям действовать более активно в обществе.

1. Баженова Надежда 2004. Проект «Электронная библиотека на финно-угорских языках». URL: http://www.finugor.ru/news/sob/kon_bazhenova.doc.

2. Bolin Göran. Fields of cultural production and consumption. Value and the Media : Cultural Production and Consumption in Digital Markets. P. 25–44.

3. Born Georgina. The Social and the Aesthetic: For a Post-Bourdieuian Theory of Cultural Production. Cultural Sociology 4. P. 171–208.

4. Bourdieu Pierre. The intellectual field: a world apart. Pierre Bourdieu. In other words: essays towards a reflexive sociology. USA : Stanford University Press. P. 140–149.

5. Bourdieu Pierre. The Field of Cultural Production. Cambridge : Polity.

6. Bourdieu Pierre. Praktilised põhjused: teeteooriast. Tallinn : Tänapäev.

7. Bourdieu Pierre. Distinction. A Social Critique of the Judgment of Taste. London : Routledge.

8. Коми региональная общественная организация «Союз коми молодёжи „МИ“»: сайт. URL: <http://finnougoria.ru/community/nko/532/3000>

9. Kuznetsov N. The Role of Pop Music and Other Phenomena of Modern Culture in the Preservation of Komi Language. Folklore: Electronic Journal of Folklore. Issue 41. www.ceeol.com. P. 119–130.

10. «Лицей приМИ» стартовал в Коми: сайт. URL: <http://www.finnougoria.ru/news/23081/> (дата обращения 2.04.2012)
11. Mahon Maureen. The Visible Evidence of Cultural Producers. Annual Review of Anthropology. Vol. 29. lk 467–492.
12. МИ – КОМИ ВОЙТЫР: сайт. URL: http://vk.com/mi_komi
13. Negus K. The Work of Cultural Intermediaries and the enduring distance between production and consumption. Cultural Studies 16(4). 501–515.
14. Nixon Sean, du Gay Paul. Who Needs Cultural Intermediaries. Cultural Studies 16(4). 495–500.
15. Ставыс МИ сайын: сайт. URL: <http://mi-1991.livejournal.com/>
16. Tsypanov E. Language and ethnic mobilization among the komi in the post-soviet period. Nationalities Papers. Vol 29 (1). P. 109–128.
17. Venkatseh A., Meamber L. A. Arts and aesthetics: Marketing and cultural production. Marketing Theory Vol. 6(1). SAGE publications. P. 11–39.

Ю. П. Шабает, М. Б. Рогает, Г. С. Рябинкин

**Антропология города: культурное пространство
столицы Коми и городская идентичность¹**

УДК 572.2

Городская идентичность

История развития города, особенности формирования его населения, этнический и социальный состав жителей, особенности городской среды – все это накладывает свой отпечаток на городскую идентичность. Мы трактуем идентичность с позиций антропологии: как принадлежность к группе. И в этом смысле анализируем ее индивидуальную культурную форму и ту социальную структуру, к которой принадлежит индивид. Если соотносить идентичность с индивидуальной и коллективной памятью, то возникает вопрос: может ли появиться устойчивая городская идентичность там, где имеет место сложный этнический состав населения, который при этом динамично меняется; может ли эта идентичность возникнуть в сообществе,

© Шабает Ю. П., Рогает М. Б., Рябинкин Г. С., 2012

¹ Начало статьи см. – Человек. Культура. Образование. 2012. № 1 (3).

сформированном из мигрантов, причем из мигрантов, не являющихся носителями городских традиций. Проблема поиска, а особенно понимания городской идентичности применительно к российскому городу вообще и северным городам в частности трудноразрешима. «На первый взгляд, – отмечает А. Согомонов, – они кажутся чрезвычайно похожими друг на друга (тяжелое советское наследие ускоренной урбанизации), но при этом их урбанистическое качество существенно разнится от одного случая к другому. Речь идет в первую очередь о «гении места» и социальных традициях. Безусловно, именно этот парадокс современного российского урбанизма делает поиск городской идентичности у нас куда более актуальным, чем в большинстве других стран, где исторический облик городов был сформирован давно и с годами лишь укреплялся» [7:246].

Как показал республиканский опрос 1987–1988 гг., в Сыктывкаре 60 % горожан в возрасте 18 лет и старше, являлись выходцами из села [10]. В последующие годы ситуация принципиально не изменилась, поскольку рост численности населения города обеспечивался в основном за счет миграции из села в город.

Кроме того, важно иметь в виду, что формирование населения Коми в целом в наибольшей степени обеспечивается за счет миграции (внешней и внутренней), а миграционная подвижность населения РК многие десятилетия была чрезвычайно высокой [9; 8].

Важную роль при формировании городской идентичности играют не только особенности формирования его населения, но также историческая память и тот образ города, который формируется в сознании горожан. У каждой возрастной группы он свой, и у людей, родившихся и выросших в городе, он отличен от образа, который сформировался у мигрантов из коми села или приезжих из других регионов России. Советская унификация, безусловно, сказалась на том образе города, который сформировался у сыктывкарцев. Данные опроса населения Мурманска, Архангельска и Сыктывкара, проведенного нами в марте 2010 г., показали, что только четверть сыктывкарцев полагают, что их город отличается от других городов России, 39,2 % считают, что у жителей Сыктывкара «больше общего с жителями других городов, чем отличий», а 21,1 % полагают, что вообще никаких отличий между жителями Сыктывкара и населением других городов РФ нет (остальные затруднились дать ответ). Любопытно отме-

титель, что доля тех, кто не видит отличий между своим городом и другими городами России в Мурманске и Архангельске близка к той, что зафиксирована во время опроса жителей столицы Коми. Культурное своеобразие города и специфика идентичности могут быть оценены лишь через сравнение с другими городами. И именно здесь у жителей столицы Коми возникают проблемы, поскольку определить эту специфику весьма сложно, о чем можно судить как по данным массовых опросов, так и по интервью с горожанами: *«В Ижевске я бы даже в музей не повела. Там очень характерны сами улицы, дух индустрии во всем, мне кажется – это специфика города, Ижмаш. В Урюпинске – сады, поля. В каждом городе только то, что его характеризует. У нас это коми избы, и национальные атрибуты просто негде больше смотреть, только в музеях. А именно причастность к корням – наша специфика. Я бы, наверное, в деревню бы какую-нибудь свозила, в тот же самый Межадор¹. Там и народ попроще, коми речь, коми дома... дух там какой-то ... даже не знаю, как передать»* (Ж. Валентина).

Индивидуальная и коллективная идентичность формируется через закрепляемый в сознании культурный образ города. Безусловно, образ города не может быть единым для всех его жителей, и он, как отмечает Кевин Линч, формируется в контексте их деятельности [14]. Но если суммировать детские воспоминания наших информаторов о городе, то все они так или иначе связаны с публичным пространством и характером взаимодействия с ним: городским парком и прогулками по нему, школой, магазином, где покупалось «вкусное мороженое», посещением кинотеатров, танцплощадки, «любимой кафешки» и т. д. Личные воспоминания о прошлом фрагментарны и локальны, в них нет цельного образа города, но есть некие культурные локусы, характеризующие городской быт. Что касается суждений о городе, которые не связаны с прошлым опытом, а формируются в процессе текущей жизнедеятельности, то они сугубо индивидуальны и не укладываются в общую культурную формулу.

Конечно, какого-то цельного образа города или единой культурной формулы (типа «Москва – большая деревня», «Петербург – куль-

¹ Межадор – коми село в Сысольском районе республики. Известно тем, что оттуда родом И.П. Морозов, с 1965 по по 1987 гг. занимавший пост первого секретаря Коми обкома КПСС. В Сыктывкаре есть официальный музей первого секретаря Обкома КПСС. Для этой цели в историческом центре города соорудили специальную избу, стилизованную под традиционное жилище коми.

турная столица России»)), наверное, для большинства городов сформулировать нельзя. Появление подобной формулы там, где динамично обновляется само население, где в течение относительно короткого времени радикально видоизменяется городское пространство, маловероятно, поскольку формула должна отражать какие-то устойчивые культурные характеристики городской среды.

Образ города всегда будет преимущественно описательным и не отражающим всего многообразия его особенностей как поселения и как культурного сообщества. Во время опроса в марте 2010 г. мы попытались предложить респондентам несколько обобщенных описательных образов города Сыктывкара и получили ответы, которые позволяют говорить о некоем дуализме его восприятия (см. табл.).

Дуализм выражается в том, что с одной стороны жители города воспринимают его как некий региональный центр, играющий важное значение в жизни республики, а с другой – очень ощутимо восприятие города как довольно тихого, провинциального городского поселения, где жизнь не очень динамична. «Здесь даже люди как будто все знакомые, некоторых видишь каждый день в одном и том же месте, в одно и то же время» (из студенческого эссе «Мой город Сыктывкар»). Этим объясняется и тот факт, что в сознании населения города отсутствует явно выраженный «комплекс столичности». Видимо, с таким восприятием Сыктывкара связано то, что, согласно данным упомянутого опроса, чуть более половины молодых людей в возрасте 18–25 лет хотели бы уехать из города навсегда или на длительное время. Для молодежи городами больших возможностей являются лишь крупные промышленные города России, ее столицы, но не периферийные центры. Весьма показательным, что указанная выше двойственность восприятия города свойственна не только самим горожанам, но и приезжим, о чем можно судить по материалам, размещенным на различных интернет-сайтах: «Столица Республики Коми оставляет двойственное впечатление. Маленький, какой-то даже домашний город с населением всего 230 тыс. жителей – но при этом местами не покидает чувство, что находишься в миллионнике: есть и столичный лоск, и мегаполисный драйв» [1].

Таблица

Образ города в суждениях респондентов в %

Бурно развивающийся, динамичный, деловой и культурный центр региона	Региональный центр и все атрибуты центра здесь есть, но жизнь в нем спокойная, размеренная, без особой динамики	Город только формально является административным и культурным центром, на самом деле он очень провинциальный и застойный	Я бы даже не назвал наш город городским центром – это только своеобразный перекресток, где жители региона вынуждены встречаться	Другое	Затр. ответить
16,6	47,5	26,8	5,3	1,1	26,6

Провинциальность Сыктывкара носит типический характер, что позволяет использовать ее для создания обобщенного образа крупного российского провинциального города. В этой связи весьма показательным кажется факт использования сыктывкарских культурных и социальных реалий для создания литературного образа современного периферийного российского города. Таким фактом стала публикация книги Максима Котина «И ботаники делают бизнес», где вместе с образом провинциального бизнесмена, постоянно присутствует и образ города, названного «Городом с двумя «Ы». В комментарии местных журналистов по поводу выхода книги (которую они называли «бестселлером») признавалось, что социальные реалии города автором отмечены весьма точно: «Котин дал точные (порой убийственные) характеристики столицы Коми. Некоторые персонажи, например, «депутат Вася» или его отец («Папа»), руководитель госкорпорации, хоть и не названы напрямую, но легко узнаваемы, как, впрочем, и остальные реалии жизни: коррупция, откаты, покровительство (читай «крышевание») со стороны чиновников. Вывод буквально напрашивается: без «блатных» связей и встроенности в «вертикаль власти» успешный бизнес невозможен. И не только в Сыктывкаре – в любом городе России» [3]. В роли «гения места» [2] в данном случае закономерно выступают не знаковые фигуры, к числу которых можно отне-

сти одного из отцов-основателей американской социологии Питирима Сорокина, являющегося уроженцем Коми земли, или создателя первой коми азбуки и крестителя коми Стефана Пермского (имя которого носит главная площадь города), а неудачливый провинциальный бизнесмен.

Что касается городской идентичности, то в Сыктывкаре устойчивой и ярко выраженной идентичности, как, к примеру, в Воркуте, нет. Воркутинская идентичность (мы – воркутинцы) базируется на социально-профессиональном фундаменте, шахтерской солидарности, равно как и на ярко выраженной культурной специфике города – «Заполярная кочегарка», «Город-концлагерь». Еще в советские годы воркутинцы, когда их самолет неоправданно сажали в Сыктывкаре и надолго задерживали вылет, дружно выражали протесты и оказывали давление на руководство аэропорта, которое торопилось отправить рейс далее по назначению. Затем эта гражданская солидарность воркутинцев со всей очевидностью проявилась в 1989 г., когда Воркута стала одним из центров рабочего движения в СССР, а затем и в постсоветской России [4]. В Сыктывкаре такой гражданской солидарности нет, и не случайно, что здесь никогда не было крупных и хорошо организованных акций протеста или значимых общественных инициатив, активно поддерживаемых большинством населения города. Даже такая гражданская акция, как весенние субботники по уборке территории от скопившегося за зиму мусора стабильно не поддерживается горожанами, и выходят на уборку придомовых территорий ничтожное количество энтузиастов.

В столице Коми, где население не спаяно узами социально-профессиональной солидарности и схожестью личных судеб, формирование общей идентичности затруднено. Но не только социально-профессиональная неоднородность жителей и несхожесть их биографий и исторической памяти оказывают влияние на формирование городской идентичности. Не меньшее значение играют организация городского пространства и культурные границы, возникающие внутри городского социума.

С социологической или антропологической точки зрения границы рассматриваются как различия между «нами и ими», «тут и там», «внутри и снаружи», а также между группами, что находит вы-

ражение как в маркировании социального пространства в целом, так и в наделении культурными смыслами личного пространства [15:147].

В Сыктывкаре сегодня фактически существует не одна, а несколько идентичностей, ибо само городское пространство распадается на ряд самостоятельных анклавов, которые разделены как естественными границами (рекой), так и ментально.

Жители Лесозавода, Краснозатонского, Максаковки, Эжвы «едут в город», когда посещают историческую часть Сыктывкара. В одном из эссе студентов-культурологов КГПИ на тему «Мой город Сыктывкар», ее автор написала: «Когда я жила в Лесозаводе, мне очень хотелось поехать в город, так как там, особенно накануне нового года, висели яркие огни, центральные улицы светились лампочками всевозможных оттенков, витрины магазинов манили и восхищали» (Елена Т.).

Наиболее очевидно противостояние сыктывкарской и эжвинской идентичности. У жителей микрорайона Эжва (где проживает более 60 тыс. жителей), сформировалась собственная позитивная идентичность, которая во многом базируется на противопоставлении Эжвы и Сыктывкара (у нас чисто в Эжве – у вас в городе грязно; у нас порядок – у вас нет порядка, у нас власти думают о жителях – у вас не думают, мы работаем и зарабатываем для города, а вы проедаете). Долгое время в Эжве существовала собственная администрация, но в 2000-е гг. ее решили ликвидировать, что вызвало рост эжвинского сепаратизма и появление идеи о проведении референдума об отделении Эжвы от Сыктывкара, преобразование этого городского района в самостоятельный город районного значения. Со специальным обращением по этому поводу выступили депутаты совета Эжвы, которые предложили республиканскому парламенту внести изменения в административно-территориальное деление РК [5]. На основании итогов референдума, проведенного в Эжвинском районе, было принято решение о создании города Эжва и даже подписан соответствующий указ Главы РК. Но Конституционный РК суд отменил это решение, и Эжва просуществовала в статусе города всего три месяца. Эжвинский «сепаратизм» удалось подавить, но это не укрепило общегородскую идентичность – она по-прежнему не является достаточно выраженной, «рассыпается» на местные идентичности, и реальных культурных механизмов, которые бы содействовали ее укреплению, пока нет. Впрочем, в этом смысле столица республики является своеобраз-

ным культурным зеркалом всего республиканского социума. И этнический состав ее населения близок к этнической структуре населения РК в целом, и городская идентичность столь же слабо выражена, как и региональная [11], и местный социум представляется достаточно фрагментированным. Однако следует заметить, что местные, региональные и даже этнические идентичности на европейском севере в целом уступают по уровню актуализации общероссийской [12], что, видимо, вполне объяснимо, учитывая очень высокий уровень миграционной подвижности жителей северных регионов и культурную неоднородность населения Севера.

В дореволюционном Усть-Сысольске общественный быт был тесно связан с православной обрядностью и празднованием православных праздников. Общие празднования сближали горожан. В советскую эпоху эта обрядность была изгнана из публичного пространства, но важное интегрирующее значение приобрели общегражданские советские традиции: ежегодные демонстрации на 7 ноября и на 1 мая, когда представители всех трудовых коллективов, учебных заведений дружно шли в общих колоннах, и эти шествия имели соответствующее звуковое и визуальное сопровождение; День советской армии, Международный женский день 8 марта, Новый Год. В постсоветскую эпоху интегрирующих горожан праздников почти не осталось. Новая символика и новая обрядность лишь формируются, а религиозная обрядность еще не превратилась в значимую составляющую общественного быта. В последние годы одновременно с Днем России стал праздноваться и День города, но его символическое значение не очень велико, а сам характер празднования достаточно аморфен и не способствует выражению *самости* сыктывкарцев. Очевидно, что общая городская идентичность в столице Коми выражена слабо, и процесс гражданской консолидации здесь еще не завершен.

Заключение

Сыктывкар как город во многом сходен с другими крупными городами европейского севера РФ, но это сходство есть лишь один из значимых элементов, формирующих городскую специфику. Очевидно также, что культурная специфика Сыктывкара лишь отчасти определяется статусом республиканской столицы, которая является образо-

вательным, научным и культурным центром региона и в которой сосредоточены основные региональные культурные институты.

К числу специфических культурных характеристик Сыктывкара, безусловно, необходимо отнести этнический состав жителей, где численно доминируют русские и коми. Русские составляют большинство населения города, и этот факт определяет доминирование русского языка во всех языковых сферах, включая семейное общение. Однако символическое пространство города представляет собой сочетание собственно этнических и надэтнических культурных образов и наименований, среди которых существенное место занимают образы и наименования, связанные с коми культурой или трактуемые как таковые.

Локальный городской текст уступает по значимости тексту коми культуры, а потому городской текст производится и воспроизводится несистематично, что сказывается на городской идентичности. Функциональность и символика статуса столицы национальной республики делают такую ситуацию неизбежной.

Городская идентичность в случае Сыктывкара не только распадается на местечковые, но и имеет более сложную структуру «города в городе», поскольку два значительных городских анклава противостоят друг другу не только сугубо пространственно, но и символически, идентификационно.

Город, как отмечено выше, представляет собой и ментально, и пространственно, и символически сегментированную среду, где нет общего культурного образа. Применительно к Сыктывкару не вполне справедливым служит утверждение И. Разумовой, основанное на анализе характера взаимодействия жителей двух городов Кольского Севера (Кировска и Апатитов): «чем старше город, чем богаче событиями его история, тем легче обосновывать культурный статус горожан» [6:145].

Особенности исторического развития Сыктывкара, характер формирования населения города, его административная роль, сложная внутренняя структура городского сообщества делают культурный статус сыктывкарца менее определенным, на наш взгляд, чем статус жителей других городов республики.

Впрочем, роль исторической памяти в формировании культурного пространства городов, отмеченная как вышеназванным исследователем, так и зарубежными специалистами по урбанистике [13], не

может не оказывать влияния на самоощущение горожан и вовлеченных в сферу влияния жителей других поселений. И если оценивать Сыктывкар в широком культурном контексте (контексте регионального социума), то образ города наделен весьма показательными культурными смыслами, характеризующими территориальное сообщество в целом.

-
1. Буяновский И. Сыктывкар. Часть 1: От вокзала до Стефановской площади. URL: www.varandej.livejournal.com/361811.html
 2. Вайль П. Гений места М., 2008.
 3. В бананово-лимонном Сыктывкаре... // Трибуна. 2011. 27 мая.
 4. Ильин В. И. Власть и уголь: Шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998.
 5. Лихачева Н. Отделение Эжвы от Сыктывкара не вызовет скандала если будет законным. URL: www.komiinform.ru/news/25379/18/05/2004/
 6. Разумова И. Социалистический город в памяти жителей // Texts and Communities: Soviet and Post-Soviet Life in Discourse and Practice / Edited by Natalia Baschmakoff, Paul Fryer and Mari Ristolainen. Aleksanteri Series 4/2007. Helsinki : University of Helsinki, 2007.
 7. Согомонов А. Современный город: стратегии идентичности // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
 8. Сыктывкару – 230 лет. Статистический сборник. Сыктывкар, 2010.
 9. Фаузер В. В. Подоплелов В. П., Загайнова Г. В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. Сыктывкар, 1994.
 10. Шабаев Ю. П. Семейный быт и социальное здоровье городской семьи в Коми АССР (социологический аспект) // Здоровый образ жизни: прикладные психологические аспекты. Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1989.
 11. Шабаев Ю. П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества // Этнографическое обозрение. 2007. № 3.
 12. Шабаев Ю. П. Народы европейского севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2.
 13. Hollister R. M., Rodwin L. (Eds.). Cities of the Mind: Images and Themes of the Cities in the Social Sciences. New York, 1984.
 14. Lynch K. A Theory of Good City Form. MIT Press, Cambridge MA and London, 1981.
 15. Newman P. The lines that continue to separate us: borders in our 'borderless' world // Progress in Human Geography 30(2). 2006.

Л. П. Пискунова

**Городские кладбища в динамике социальных репрезентаций
(семиотический анализ)**

УДК 316.7

Кладбище как символический капитал, поле конструирования иерархий и развлечений, модель демонстрации социальных достижений. Атракцион и пункт притяжения туристов, способ фиксации социальной значимости города. Практика борьбы или бегства от смерти. Включенность в повседневность. Палимпсест истории. Динамика изображений на памятниках городских некрополей: от изображения (фиксация бессмертия души), к пышным гранитным надгробиям, напоминающим о достижениях, успехах и богатстве покойного. Мортальная культура как особая потребительская практика.

Ключевые слова: семиотика кладбища, социальные, экономические, конфессиональные, этнические, эстетические измерения мортального.

L.P. Piskunova. Town cemetery and dynamic social representation (semiotic analyses)

Cemeteries are symbolic capital and area of constructing social hierarchies.

Cemetery as a show and tourist attraction point is the way of fitting the significance of town. Fighting or escape from Death. Inclusion in every day life. Palimpsest of history. Dynamic of Images on town cemetery monuments: from subjects of immortality of soul to subjects of success and richness of the dead. Mortal culture as specific consumer practice.

Key words: cemetery semiotic; social, economic, confessional, ethnic, esthetic dimension of mortal practice.

Культура и семиотика захоронений, похоронная ритуальность, обрядность и фольклор изучаются различными специалистами-гуманитариями – философами, некросоциологами, этнографами, культурологами. В современных исследованиях, помимо традиционных ракурсов, эта тема обозначает и несколько необычных поворотов мысли: мортальная культура как особая потребительская практика, кладбище как особое «публичное пространство» города, где вырабаты-

ются и воспроизводятся некие нормы социальной жизни, кладбище как место семейной интеграции или даже (вос-)производства семьи. По мнению Леонида Ионина, «отношения мертвых и живых — это отношения современников, членов одного и того же общества». В таких отношениях «существует экономика и политика. <...> Экономика базируется на необходимости уделять мертвым часть общественного богатства. Политика — умение живых посредством магии добиваться желаемого от мертвых». В этой связи гуманитарий не может ограничивать свои исследования обществом живых [6:366–369].

Задача исследования реконструировать культурные образы смерти, понять знаковые механизмы репрезентации взаимодействия мертвых и живых, проанализировать дискурсы, обслуживающие феномен смерти человека, понять динамику отношений урбанистического и мортального кодов культуры.

Первое, что следует отметить, это то, что город и кладбище образуют связку культурных феноменов, объединенных отношениями подобия. Сравнивая эти феномены, можно предположить, что их роднит:

- стабильность планировки, расположения мест обитания и захоронения;
- индивидуализированность домов и погребений (надгробий);
- иерархичность, которая предполагает наличие центра и периферии (топологическое разделение на центр и периферию имеет еще и ценностную нагрузку);
- упорядоченность, регулярность.

Первая особенность естественна и привычна и обычно не становится предметом обсуждения. Место упокоения стабильно; нарушение его встречает негативное отношение окружающих и магически-суперъестественный страх.

Средствами семиотического оформления индивидуальности (тенденция к чему усиливается в Новое время) выступают средства маркирования: именного, возрастного, конфессионального, этнокультурного, профессионального, биографического. Это обеспечивается чаще всего разными видами надписей и рисунков. Близкие склонны воспринимать захоронение как свою собственность — отсюда разные способы отграничения могильного места. Это объясняется переносом на сферу кладбища стереотипов существования, имеющих в городе,

когда немотивированное вселение превращается в огромный скандал. «Коммуналки» и «уплотнения» оказываются нежелательными и в границах города, и в пространстве кладбища.

На кладбищах формируются семейные некрополи, этнические зоны (участки) – еврейские, цыганские, армянские. Возникают целые конфессионально ориентированные кладбища: еврейские, мусульманские, православные. Поскольку иудаизм исповедуют только евреи, то и кладбища, и зоны на кладбищах называются не иудаистскими, а еврейскими. В конце семидесятых годов прошлого века в Екатеринбурге был снесен один из богатейших некрополей города – еврейское кладбище, заложенное еще в середине позапрошлого века. Прекрасный резной мрамор, отличной работы литой и кованый металл – все это, увы, исчезло без следа... Интересно отметить, что в то же самое время крайне запущенное, бедное мусульманское кладбище, находящееся в черте города, продолжает существовать. Подобный же пример можно привести, опираясь на реалии города Тобольска Тюменской области.

В последнее время стали выделяться отдельные зоны для захоронения священнослужителей. Так, на одном из самых больших действующих кладбищ Екатеринбурга, Лесном, появился обнесенный высокой кованой оградой епархиальный участок. На его примере можно видеть, как выглядит подлинная православная культура погребения.

Девяностые годы прошлого и начало нынешнего – это время существенных перемен на кладбищах больших городов. Здесь стали стремительно образовываться так называемые «VIP-зоны», или так называемые «почетные секции». Здесь хоронят представителей власти, деятелей культуры, деловую элиту, крупных военных и других нерядовых покойников.

Но подлинным «экслюзивом» похоронной культуры девяностых годов стало формирование «почетных аллей» и зон из могил криминальных авторитетов и бесчисленных «героев братвы», павших в разборках между бандитскими группировками.

В изумление приводят своей грандиозностью, показной «роскошью», экстравагантным видом, непременно лучшими месторасположениями на кладбищах зоны цыганских захоронений.

На кладбищах складывался свой собственный ценностный «земельный кадастр». На иерархию этих ценностей влияли несколько

факторов, таких, как близость могилы к храму (часовне), к главному входу на кладбище, расположение на центральной (титульной) аллее, близость к знаменитым захоронениям, рельеф (возвышенность) и живописность, красивый вид с места захоронения.

Структура некрополя демонстрирует, как правило, наличие центра и периферии. Даже небольшие и малодифференцированные некрополи обладают нечетко выраженным ядром старых захоронений. Часто центр создается специально (храм, «почетные аллеи»). Такая картина существует на главном кладбище города Тобольска (место туристического паломничества). На центральной аллее захоронены декабристы, отбывавшие здесь ссылку. Сегодня эти «мемориальные участки» уже «разбавлены» современными захоронениями, которые для исследовательского взгляда достаточно интересны. Там нашли свой последний приют и погибший в разборках «авторитет» и известный геолог, нефтедобытчик. Надгробие последнего покрыто специфичными изображениями, которые отражают весь жизненный путь усопшего – «путепроводы его судьбы», такая надпись выгравирована под извилистой лентой трубопровода.

В принципах формирования кладбищ явно прослеживается социально-культурные составляющие: имущественные, сословные, корпоративные, клановые, конфессиональные, этнические.

На самом престижном кладбище города Екатеринбурга – «Широкореченском», имеются аллеи «старых большевиков», «подпольщиков», «первых коммунистов Урала». Они практически дублируют названия городских улиц. Большой массив погребений 70–80-х гг. структурирован по профессиональному принципу: творческая элита, известные врачи, деятели науки и театра.

Одним из механизмов влияния города на семиотику кладбищ является действие экономических факторов. Семиотическая, стилевая дифференциация надгробий в пределах одного пространства составляет одну из основных закономерностей развития любого кладбища. Это вызвано, на наш взгляд рядом факторов.

- Эстетический фактор, определяющий выбор тех или иных дизайнерских принципов в зависимости от представлений о красоте и уместности. В 90-е гг. в Екатеринбурге работали группы «модных архитекторов», создавшие особый шикарный стиль. Роскошь черного и белого мрамора, змеевика и других полудрагоценных уральских кам-

ней придавала «монументальность» и значимость фигурам усопших. Именно в силу действия этого фактора появлялись многие надгробия, «бросающиеся в глаза», поражающие своим монументализмом.

- Мировоззренческий фактор наиболее ярко проявляется в диктате религиозных убеждений (использование или отказ от крестов, иных религиозных символов, пятиконечных звезд, серпа и молота, выбор эпитафий, наконец, создание казуистической символики с косвенным указанием на конфессиональную принадлежность – вроде надгробия в виде стилизованного вытянутого в длину церковного купола-луковицы). Часто на надгробиях кладбищ Екатеринбурга можно увидеть атрибуты профессии усопшего (стела из редкого сплава – на могиле изобретателя-металлурга, стилизованные из мрамора боксерские перчатки и костюм «adidas» – на могиле заслуженного тренера по боксу, медицинские приборы, письменные принадлежности, открытые книги, игрушки, каменные цветы, телескопы и т. д.). В селах Большая и Малая Шокша Теньгушевского р-на Республики Мордовия на могилах усопших устанавливались фундаментальные деревянные кресты из вековых дубов. Их высота часто превышала два-три человеческих роста, отчего кладбище приобретало вид архаических капищ. Высота крестов должна была соответствовать размерам деяний, совершенных при жизни, и продолжительности памяти об умершем среди родственников и знакомых. В советские годы некоторым усопшим устанавливали гладко обструганное бревно со звездой на конце. Они возвышались выше крестов.

- Мода и устойчивые представления о должном и недостойном оформлении захоронения (исходя из таких оценочных параметров, как «должно», «модно», «престижно», «пристойно» и т. д.). Эти представления укрепляются централизованным изготовлением надгробий в мастерских, обеспечивающих тиражирование одних и тех же моделей и предлагающих заказчикам уже имеющийся выбор этих моделей.

- Стратегия «демонстративного потребления», реализуется в выборе надгробия необычного дизайна, либо в повышении стоимости при обычном дизайне, либо в сочетании и того, и другого. Демонстрировать обычно стараются любовь к усопшему, уровень достатка и (реже) особенности эстетических вкусов и пристрастий, как усопшего, так и свои собственные. Как уже говорилось выше, особые бригады архитекторов обслуживали элитные заказы. Их «произведения»

сейчас являются обязательным объектом осмотра для иностранных туристов. В бумажных и онлайн-путеводителях по городу Екатеринбург (на иностранных языках) именно эти объекты обозначены как памятники, заслуживающие наибольшего внимания.

Хорошо известная особенность смертной культуры состоит в том, что на место захоронения нередко «изливаются» те чувства, которые питают по отношению к усопшему; надгробие становится муляжом, симулякром усопшего в рамках социального акта, его семиотическим замещением [3:114–160]. Фактически здесь имеет место миграция, «переселение» человека из города в некрополис, смена адреса. Особенно ярко это проявляется в том случае, когда кончина была неожиданной и сильно травмировавшей близких, когда они вынашивают разного рода комплексы вины («не помогли деньгами на лечение, так вернем их теперь в виде дорогого надгробия», «не проявили должного внимания и готовности помочь – проявим внимание к оформлению могилы» и т. п.). В этом случае появляются дорогие надгробия с необычным дизайном. В подобных случаях ценностные мотивы сочетаются с материальными возможностями; последние оказываются способом их выражения, опредмечивания, а действия и поступки близких закономерно меняют сферу приложения.

В иных случаях богатое надгробие является формой социальной индикации (заявление о материальном благополучии). Встречается также следование неписаным требованиям социальной общности (когда дешевое надгробие считается неприличным для представителей обеспеченной социальной группы). Именно этот факт маркирует роскошные погребения, как погребения людей «социально маркированных» – «бандиты», «братки», лидеры ОПС.

Интересным примером смешения фактора моды с экономическим фактором является обычай изготовления надгробного изображения. Для постсоветского культурного пространства это, прежде всего фотография и гравировка. Их распространение резко отличается от иных культур, а кроме того, затрагивает даже некрополи с иной религиозно-этнической принадлежностью, где изготовление таких изображений табуировано. До появления кладбищенской фотографии памятники иногда венчались скульптурными изображениями, бывшими дорогими и сложными в изготовлении. В результате скульптурный портрет стал атрибутом надгробий «исключительных» личностей [5; 6; 7].

Во второй половине XX в. фотографические технологии позволили наладить изготовление изображений, не предусматривавших больших материальных затрат. Отсутствие фотографии сразу наводило на мысль (не всегда верную) о заброшенности могилы. Фактор экономический и фактор моды (т. е. чисто семиотический) настолько слились, что непросто теперь выделить ведущий. Мотив иконичности, иконического сходства является в данном случае ведущим.

Принесение на места захоронений бытовых предметов также является следствием невозможности или нежелания сменить семиотический сценарий поведения. Люди остаются в значительной степени под властью поведенческих сценариев города.

Процессы упрощения надгробий обусловлены и культурным механизмом – формированием культуры минимализма и «дешевого быта», когда завышение материальной стоимости предметов обихода (в том числе мортального) воспринимается как нескромность, нежелательная демонстрация превосходства и, наконец, как скрытый социально-культурный вызов. В этой связи интересно заметить, что наблюдающийся в последние годы рост минималистских настроений в отечественной культуре не отразился пока заметным образом в кладбищенском дизайне; напротив, последний скорее все более обретает признаки опредмечивания хороших финансовых возможностей.

-
1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
 2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика, 2006.
 3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2006.
 4. Ермонская В. В. Советская мемориальная скульптура. М., 1979.
 5. Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф. Русская мемориальная скульптура. М., 1978.
 6. Ионин Л. Г. Проблема некросоциологии // Свобода в СССР. СПб., 1997.
 7. Кудрявцев А. И., Шкода Г. Н. Александро-Невская Лавра: архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Л., 1986.
 8. Седакова О. А. Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

Н. П. Миронова

**Конструирование этничности в текстах современной культуры
(на примере Республики Коми)**

УДК 39.62

В статье рассматриваются некоторые практики репрезентации и конструирования этничности в текстах современной культуры на основе анализа печатных и электронных СМИ Республики Коми. Показана специфика и формы символического оформления этничности, ее основные образы в медиа-дискурсе Республики Коми. При определении особенностей репрезентации этничности в публичном пространстве Республики Коми отмечены ее фольклоризация, архаизация, широкое применение мифических мотивов и конструирование финно-угорской реальности. Этничность активно упаковывается в демонстрационные рамки, становится фоном для проведения шоу (конкурсы красоты, спортивные соревнования, показы мод и др.). Этничность становится товаром, лейблом, частью стиля, и молодежь в данном случае выступает как потребитель.

Ключевые слова: этничность, практики репрезентации, медиа пространство, молодежь, финно-угорский мир, архаизация, мифологизация, потребление.

N.P. Mironova. Designing of ethnicity in texts of modern culture (on the example of the Komi Republic)

The article discusses some practices of representation of ethnicity among the youth of the Komi Republic on the basis of analysis of print and electronic media. The specificity and forms of symbolic representation of ethnicity, its main characters in youth media discourse of the Komi Republic are showed. By determining the characteristics of representation of ethnicity in the public space of the Komi Republic its folklorisation, archaization, widespread use of mythic motifs and design of the Finno-Ugric reality is marked. Ethnicity becomes the background for the show (beauty contest, sports events, fashion shows, etc.). Ethnicity becomes a commodity label, part of the style, and the youth in this case acts as a consumer.

Key words: ethnicity, the practice of representation, media space, youth, Finno-Ugric world, archaization, mythologizing, consumption

Вопросы сохранения культурного многообразия, народных традиций и языков в глобализирующемся мире делают этническую тему одной из самых популярных в публичном и медиа-пространстве. Сегодня этничность превращается в определенный символический капитал. В современном мире важную роль в общественной жизни и в формировании общественного сознания играют средства массовой информации и коммуникации. Средства массовой информации являются инструментом для демонстрации, репрезентации и конструирования этничности.

Рассмотрение этничности в рамках отечественных и зарубежных социальных наук обнаруживает различные подходы. Значительная часть исследований этничности проводилась в пределах примордиалистского направления, представленного концепциями П. ван ден Берге, К. Гирца. Близким примордиализму является также перенниализм. В этих теориях этничности подчеркивается ее изначальная данность, «природность», в качестве «реальных» рассматриваются уходящие в прошлое этнические «корни» [40:27; 7].

Инструменталистская критика примордиализма предполагает установление исторического «прошлого» этноса как зависимого от социально-политической ситуации в настоящий момент и обеспечивает ситуативную интерпретацию этничности. Если примордиализм обосновывает идею развития националистической идеологии фактом существования изначального – генетически закрепленного этнического чувства, то инструментализм подчеркивает нереальность «примордиальных уз», сводя их к игре политических интересов элит [26].

В отечественных социальных науках закрепилась устойчивая традиция, основанная на деятельностном и ценностном подходах к рассмотрению этнических проблем, когда этнос определяется как природно-социальная реальность, отраженная в ценностях культуры и обеспечивающая подчинение деятельности индивидов объективно-историческим закономерностям [3; 9; 27]. На формирование этой традиции оказала влияние «теория этноса», представленная концепцией Ю. В. Бромлея, в которой этнос задается как «этносоциальный организм», обладающий специфической этнокультурной «сущностью» и являющийся своего рода «коллективной личностью» [5; 6:45–58]. Конструктивизм понимает этничность как воображаемое сообщество, представление и самоидентификация с которым возникают в деятель-

ности социальных акторов. В конструктивистских парадигмах этничность осмысливается как процесс идентификации [29; 36]. Развитие проблематики идентичности осуществляется в концептах «интерпретативной социологии» [39], обнаруживающей психологические и символические смыслы идентификации. В социально-психологической концепции Э. Эриксона закрепляются представления о бессознательно наследуемой коллективной идентичности, являющейся основанием индивидуального существования и обуславливающей специфику его социального поведения [35].

«Конструирование» может означать как выявление типов «повседневности», так и самоактуализацию символического поля социальности. Конструктивистское направление, представленное работами П. Бурдьё предполагает рассмотрение социальной реальности как символического поля, самоопределяющегося в процессе конструирования интерпретативных моделей социального целого. Раскрываемая с этой позиции этничность оказывается «рассеивающимся» дискурсом, предъявляемым во множестве интерпретаций [7]. Теоретическим основанием для осмысления этничности как процесса дискурсивного конструирования послужили теории «изобретенной традиции» Э. Хобсбаума [32] и «воображаемого сообщества» Б. Андерсона [2]. Р. Брубейкер рассматривает этническую группу в процессе группмейкинга (group-making) [38]. Поскольку сообщество или группа не могут существовать вне социума, обобщающим признаком становится принадлежность к этой группе или исключенность из нее так называемых Других, или Чужих. В этом контексте значимы исследования идентификационных процессов, построенных на соотношении с «Другим» в русле символического интеракционизма [1]. Этничность как процесс символического конструирования определяется в работах В. А. Тишкова и В. С. Малахова, осмысливающих этнос в качестве способа социального закрепления культурных различий посредством этнической системы классификаций, специфически представляющей социальную реальность [17; 30].

Во всем многообразии признанных в академической среде науковедческих концепций основной признается парадигмальная теория американского философа науки Т. Куна, основными аналитическими понятиями которой являются «нормальная наука», «парадигма» и «научная революция» [15]. При всей широте аналитических и эври-

стических возможностей теория Т. Куна имеет и ряд ограничений, особенно в применении к гуманитарным наукам, поскольку ее модель развития науки вообще не учитывает преемственности идей между разными поколениями ученых. Так, среди альтернативных теорий можно назвать концепцию «трансформации научного познания» Б. Козна, которая в свою очередь исходит из того, что новые теории вытекают из старых, образуя некий синтез, а историческое движение научного познания – это трансформация идей и исследовательских принципов [20:15]. Опираясь на данную позицию можно рассматривать теорию социального конструктивизма в современной этнологии не как противопоставление примордиалистской теории этноса, а с позиций синтетического, взаимодополняющего подхода, который предполагает не столкновение двух методологических ориентаций в истории нашей науки – «теории этноса» и «теории этничности», но их взаимодополнение. Подобный подход позволяет отказаться от взгляда на конструктивистский подход в этнологических исследованиях как анализирующий нечто искусственно созданное и неподлинное. При анализе современных текстов культуры, например СМИ, и их влияния на конструирование этничности, теория социального конструирования оказывается наиболее плодотворной. Реализация этничности происходит в процессе репрезентаций в современном публичном пространстве, превращая этничность в символический капитал.

Распространению практик репрезентации этнической инаковости в качестве этнического врага, языка вражды в современном информационном поле, анализу дискурсивных практик в информационном пространстве, на страницах прессы, в школьных учебниках, художественных фильмах посвящены исследования В. К. Мальковой [18], Л. Сагитовой [25], Е. Ярской-Смирновой [37], Ю. Олейниковой [21]. В свете социальных изменений, несмотря на обилие материала по проблемам теоретического осмысления этничности, данные вопросы не только не уходят на второй план, но и приобретают все большую значимость. Вопросам репрезентации и реконструкции этничности, осуществляемой посредством источников, выполняющих развлекательные функции, в отечественных исследованиях уделено недостаточное место. Между тем презентации, осуществляемые посредством образов художественного кинематографа, развлекательной прессы, в контексте праздничных мероприятий несут на себе не меньшую, а за-

частую более серьезную идеологическую нагрузку, участвуя в конструировании этнической идентичности [21:4].

Приметой времени становится празднование национальных праздников, Масленицы (Проводы Зимы), Сабантуя, Рождества, которые сопровождаются массовыми гуляниями, актуализацией этнических образов. Так, репрезентация этнических образов в публичных пространствах, в кино, моде, СМИ участвует в конструировании этничности. Помимо печатных СМИ, большое значение в анализе репрезентативных практик приобретает анализ отдельных страничек интернет-сайтов, на которых расположена информация о бытующих сегодня этнических образах. Названные практики, с одной стороны, являются инструментом социального конструирования, а с другой – создают новый уровень этнического нарратива с присущим ему неотрадиционализмом. Исследование способов и инструментов культурных репрезентаций, их роли в структуре воспроизводства этничности, конструировании национальных и этнических идентичностей представляется актуальным направлением современной социологии и этнологии.

Данное исследование основано на материалах средств массовой информации и глобальной информационной сети (Интернет). На протяжении нескольких лет (2006–2011 гг.) проводился мониторинг республиканского молодежного издания «Твоя параллель» и сайтов республиканских информационных агентств (<http://www.komionline.ru/>, <http://www.finugor.komiinform.ru/>, <http://www.komiinform.ru/> и др.) на предмет репрезентации и конструирования этничности.

Под репрезентацией будем понимать создание образа чего-либо, дающего определенное (достаточное) представление об объекте (оригинале); не прямое, а опосредованное представление объекта. В практиках репрезентации этничности просматривается общая тенденция в развитии современной культуры, которая выражается в переходе от просветительской направленности культуры к господству компенсаторно-развлекательных функций, носителем которых является массовая культура. Одним из главных механизмов такой трансформации явилось то, что в сфере культуры и коммуникации ведущая роль наряду с письменным языком, печатным словом стала все в большей степени принадлежать экрану. Вся современная культура отмечена приматом аудиовизуальной, звукозрительной коммуникации [24:3].

На характер этнической осведомленности значительное влияние оказывает современное информационное пространство и то, насколько этнические темы включены в досуговую и творческую деятельность. На сегодняшний день в молодежной среде значительный интерес вызывает распространение стиля «этно» в различных сферах жизни (музыка, спорт, мода, этнодискотеки); следование этому стилю используется молодыми людьми для более яркого самовыражения и выделения из серой массы.

При рассмотрении общей картины освещения этничности в СМИ Республики Коми на примере молодежного издания «Твоя параллель» можно выделить основные темы, в которых она представлена: 1) необходимость сохранения языка и самобытной культуры коми; 2) «тема интернациональная» освещается через знакомство с традициями народов, проживающих в республике; 3) современные формы модернизации национальных традиций, новые формы репрезентации этничности. Также с точки зрения репрезентации этничности могут быть рассмотрены такие сферы деятельности как мода и спорт.

На страницах «Твоей параллели» освещаются события, связанные с деятельностью Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН). Так, о результатах VIII Конгресса МАФУН появилась статья «МАФУН. Традиции объединяют молодежь», в которой о самих традициях не говорится, но представлены современные формы репрезентации этничности в досуговой сфере. «Особенно интересно было посетить вечером 22 августа Центр досуга и кино «Октябрь», где нашим гостям была предложена любопытная культурная программа. Прежде всего, этноспектакль театра «Фантастическая реальность» «Сотворение мира»... Представьте себе экран, на который проецируется фильм, и актера, в странном, а при тусклом свете немного страшном белом бумажном костюме, рассказывающего об истории зарождения жизни на Земле согласно легендам народа коми.... После представления, на сцене появился ведущий вечера... Сначала он со всеми поздоровался и попросил участников конгресса поприветствовать коллег на своем родном языке. После чего был организован «Шегтурнир», в котором принять участие могли все желающие. Было забавно наблюдать, как люди из других регионов, совершенно незнакомые с правилами этой национальной забавы коми, с энтузиазмом и смехом щелкали по костяшкам. А завершила вечер этнодискотека» [4:9].

Этничность представлена и преподносится зрителям в формате шоу и выступает как общий антураж действия, которое, по сути, является молодежной тусовкой. Примерами подобных этнических шоу с участием молодежи могут служить ставшие неотъемлемой частью культурной жизни республики финно-угорские фестивали моды и конкурсы красоты [12].

Активная дискуссия на страницах газет и в электронных СМИ о необходимости сохранения традиций коми народа, приобщения молодежи к языку и историческим корням часто сопровождается отсылками к особенностям менталитета коми, присущим только ему чертам характера. Из выступления коми писателя Владимира Тимина: «Одна московская телепередача брала у меня интервью: «В чем заключаются ваши национальные традиции? Мы находимся в вашем городе уже два дня, а различий между людьми коми и людьми в каком-нибудь другом городе, скажем, под Смоленском, не заметили?» Я ответил: «И не заметите. Разница в нашем менталитете. Коми человеку гораздо легче сходить на охоту на медведя, чем выступать на каких-то митингах и собраниях. Разница в его внутреннем мире...» [23:7]. В данном случае представлен образ типичного коми с особым внутренним миром, неконтактный, необщественный, замкнутый, но при этом сильный, целеустремленный.

Архаизация этнических образов, формирование новой мифологизированной идентичности наблюдается в развитии этнофутуристического направления в искусстве (презентации работ художников, выставок и т. д.). Наиболее архаическими системами культурного наследия, освоенными этнофутуризмом, стали древние наскальные изображения (петроглифы) и бронзовая пластика, которые принадлежат к ритуальной сфере [13:85–86; 16]. Для этнофутуризма характерно «обращение к корням (образам и символам национальной культуры) и применение самых современных приемов и стилей в реализации творческих идей»; «вхождение в космос национальной мифологии как альтернатива хаосу нашей сегодняшней жизни» [11:16]. Этничность включается в искусство и приобретает протестное, альтернативное значение для современности.

«На презентации он (*художник. – Н.М.*) говорил о независимости художников. Которые начинали творить в ключе альтернативы советской эпохе, успешно «отгрывая» ее от себя, а сегодня остаются сво-

бодными от ценностей, упорно навязываемы нам эпохой рыночной» [11:16]. При этом если для профессиональных художников этнофутуризм является определенным изобразительным стилем с определенной системой этнокультурного мировоззрения, то для обычного зрителя этнофутуристические образы означают обращение к истории и традициям, сопричастность предкам. С другой стороны, этнофутуризм может выступать модным трендом, становится частью рынка, продуктом потребления, этнофутуристический товар сегодня моден и на него есть спрос.

В стиле этнофутуризма представлена и современная этническая мода. В апреле 2008 г. в Москве прошел 9-й Международный конкурс высокой моды национального костюма «Этно-Эрато», на котором были представлены коллекции и из Республики Коми («...и вновь идет снег», «Шаман»). «Мужская коллекция «Шаман», уже участвовавшая в нескольких престижных дефиле, – синтез древних техник и современных силуэтов. Трикотаж и джинсовая ткань, мех и керамика, традиционный коми орнамент и пайетки... Три костюма, три этнофутуристических образа сынов Пармы» [28:13]. Образ «шамана», как носителя и хранителя древних традиций, является одним из самых распространенных у этнофутуристов [13:86]. Удревнение этничности, эпатажность костюма, обращение к наиболее яркому языческому образу конструирует представления о мужчине как о сыне Пармы.

На современном этапе отмечается смещение акцентов в молодежной идентичности в целом, когда субкультура или контркультура из состояния противостояния социально-культурному мейнстриму переходит в мейнстрим в качестве молодежного стиля. Молодежная культура, как она понималась в начале и середине XX в., ушла со сцены. Для понимания функционирования современной молодежной культуры сегодня вводится понятие «культурный супермаркет», которое в наиболее полном объеме отражает специфику общества потребления и молодежного стиля в том числе. Центральное действующее лицо в этой культуре – постоянно конструируемый с помощью новых коммерческих сетей *подросток потребляющий*. Переформатированию молодежной культуры, ее превращению из структурного «моратория» в ресурс для извлечения коммерческой прибыли способствовали глубокие общие изменения современной культуры, которые

произошли в конце XX в. Они и стали фундаментом превращения молодежной культуры в особый стиль».

При репрезентации этничности в прессе большое внимание уделяется теме дружбы народов, воспитанию толерантного отношения и гармонизации межнациональных отношений. Пропаганда особенностей культуры, традиций, языков народов, проживающих на территории республики, а также сохранение самобытности национальных культур представлены как основные цели таких мероприятий. «В 2007 г. проект «Многоцветье Севера» объединил республиканский конкурс профессионального мастерства среди организаций агропромышленного комплекса «Урожай 2007» и республиканский смотр творческих коллективов, национально-культурных автономий и объединений. Цель организации праздника – реализация прав народов, проживающих в Республике Коми, на сохранение и развитие национальной культуры, фольклора, традиционных народных обычаев, обрядов, праздников осеннего календаря, развитие и гармонизация межнациональных отношений, знакомство жителей Коми с народной культурой и традициями других регионов, пропаганда здорового образа жизни» [14:7]. В этих целях декларируется направленность на сохранение национальной культуры, обычаев и обрядов, хотя сама по себе демонстрационная форма мероприятия предполагает лишь включение отдельных элементов национального колорита, как например приготовление блюд национальной кухни. «Татарское национальное общество разбило посреди площади нарядный шатер и угощало всех желающих ароматным пловом из баранины» [14:7]. Примером этнически окрашенного мероприятия по воспитанию взаимопонимания между народами, проживающими в Республике Коми, может служить и татарский праздник «Сабантуй», организованный при участии татаро-башкирского землячества «Якташ». «Перед началом Сабантуя, праздника, проводившегося после окончания посевной, надо разбить глиняный горшок, чтобы он не стоял пустым, урожай был богатым, а дом полным... Сделать это должен самый уважаемый человек, причем с завязанными глазами. Разбить горшок попросили Я. С. Зиняка (руководитель администрации муниципального района «Вуктыл»)» [34:8]. Проведение обряда приобретает зрелищную форму, при этом традиция утрачивает свое содержание, и глава администрации выступает в лице этнического героя. Для пришедших на Сабантуй были организо-

ваны различные соревнования: спортивные, шуточные, развлекательные. Национальная борьба «Куряш», вертикальный столб, срезание призов, бой с мешками на буме, бег в мешках, поднятие гири, бег с коромыслом, <...> армреслинг, пляжный волейбол» [34:8]. В этнически окрашенную оболочку национального татарского праздника «Сабантуй» вставлены такие современные спортивные зрелища как пляжный волейбол, что привлекает еще большую аудиторию и нивелирует этнические маркеры мероприятия. Лейтмотивом подобных массовых гуляний всегда является призыв к региональной солидарности и стиранию границ в образе объединяющего Севера. «В веселом хороводе закружились и стар, и млад, под песни на татарском языке танцевали русские, коми, украинцы, белорусы – люди всех национальностей, которые живут в нашем городе» [34:8]. Или: «...жители и гости столицы могли приобрести на ярмарке дары урожая нашего богатого северного края» [34:8].

В целом значительная часть работы по привлечению молодежи к проблемам сохранения языка и традиций в Республике Коми проводится в рамках идеи финно-угорского мира и финно-угорского единства. Созданная в интеллектуальной среде и привнесенная «сверху», концепция финно-угорского мира активно разрабатывается, обсуждается и реализуется в общественной жизни республики. Финно-угорский мир рассматривается большинством национальной интеллигенции и сторонниками финно-угорского сообщества как реальная социальная общность, развивающая культурные, научные и политические связи. Родственные черты финно-угорского мира усматриваются в единой языковой основе. «У нас – родственные языки, благодаря которым мы думаем одинаково и можем лучше понять друг друга, чем, скажем, немцев и англичан. Большинство из нас родились и жили среди лесов, и это делает наше поведение, наши обычаи одинаковыми. Мы умеем и можем жить в согласии с природой...» [31:172]. Но можно ли рассуждать о сложившейся единой социальной финно-угорской общности, когда современные финно-угорские народы, проживая на территории стран с различными хозяйственными укладами, конституционными системами и исповедуя различные религии, имеют сильно отличающиеся традиции и культуру, гораздо более сходные с традициями своих географических соседей, чем родственников по языку. Одним из вариантов приобщения молодежи к тради-

циям и обычаям своего народа является призыв к модернизации традиций. В начале ноября 2006 г. в столице Коми состоялся первый финно-угорский фестиваль моды [10:348]. А в конце того же месяца в Карелии проводился первый боксерский турнир, организованный по национальному признаку (боксеры – только представители финно-угорских народов) [10:348].

Очередным свидетельством конструирования новых этнических маркеров стали конкурсы красоты, которые тоже приобрели «этническую специфику». По сути дела на них представлен идеал женской красоты, который был бы отличен от космополитических стандартов и подчеркивал бы культурную дистанцию между финно-уграми и доминантными группами населения. Свидетельством тому стал конкурс «Северная красавица» и особенно толкования эстетической и тендерной сущности этого мероприятия. Финал конкурса состоялся в Петрозаводске в начале 2007 г., а участвовать в нем могли лишь девушки, которые являлись представительницами различных финно-угорских народов. Показательно, как, к примеру, интерпретировалась содержательная часть конкурса журналистами. Одна из публикаций на эту тему носила название «Карельские девушки в купальниках по сцене не ходят», а ее автор отмечал: «Автору этих строк, посетившему самые разные конкурсы красоты, карельские девушки понравились, хотя не все они были модельной внешности и цифрами 90–60–90 здесь и близко не пахло. Но зато девушки хорошо танцевали народные танцы и пели...» [10:348]. В других подобных комментариях тоже ключевой идеей являлся особый канон женской красоты и привлекательности, который, якобы, характерен для современных финно-угров.

В целях проведения этнических конкурсов красоты декларируется сохранение и укрепление в молодёжной среде престижа коми языка, повышения национального самосознания молодёжи. Кандидатки должны соответствовать определённым требованиям: возраст от 17 до 25 лет, владение коми языком, знание обрядов, обычаев, особенностей национального костюма коми народа. Конкурсантки состязаются в пяти номинациях: самопрезентация, конкурс талантов, демонстрация фрагмента коми обряда, презентация туристического бренда «Волой госьтъяс миян» («Приходите в гости к нам»). Так и основными критериями, по которым оценивались конкурсантки являлись хорошее знание коми языка, традиций и обрядов. Подобными оценками и

пестрили публикации республиканских информационных агентств при описании последнего республиканского конкурса красоты «Райда», который прошел в Сыктывкаре 30 октября 2010 г. Организаторами конкурса «Райда» выступили движение «Коми войтыр», Финно-угорский культурный центр РК, Сыктывкарский центр коми культуры и Союз коми молодежи «МИ», учредителями – министерство национальной политики и «Коми войтыр». «Насколько понял корреспондент БНКоми, при определении победительниц в конкурсе красоты важны были не внешние данные, а свободное владение коми языком» или такая характеристика «...дело в том, что все-таки это не конкурс красоты. ...Победительницу должен был определить целый комплекс факторов: это и костюм, и умение представить себя, и песня, еще какие-то творческие моменты» [22]. На подобных сценах отчетливо просматривается тенденция к осовремениванию традиции, ее модернизации, перевод на язык понятный молодежи. И снова этничность декларируется в форме яркого перформенса, продукта потребления, элемента шоу. «Одна из конкурсанток исполнила рэп на коми языке в сопровождении группы поддержки, после чего ведущая – призер второй «Райды» отметила: «Быть коми девушкой – это знать народные традиции». И вскоре зрители увидели «профилактический» обряд против болезней и нечистой силы в условной «бане»: молодой «маме» даже пивсянса» (банный дух-хозяин) не смог помешать. Гораздо более драматичным оказался обряд спасения украденного духами ребенка, которого они подменили березовой чуркой. Пока подружки держали героиню, знахарка рубила топором чурку, укрытую корытом. В результате столь мощного магического воздействия духам пришлось отдать человеческого ребенка людям» [12]. СМИ зачастую преследуют свои цели привлечения аудитории и в поиске горячих фактов играют на этническом факторе, что особенно ярко проявляется в заголовках репортажей. Например, «Организаторы конкурса красоты «Райда» не дали возможности Мнацакану Никогосяну поздравить победительницу на коми языке» [22] или «Коми красавицы рубили младенцев под корытом и общались с лешими на конкурсе «Райда-2010» [12].

Отметим, что прежде в идеологических конструкциях идеологов финно-угорского движения обобщенный «Другой» имел, очевидно, маскулинные черты. Сегодня конструирование этнического варианта

эстетической ценности красоты становится конструированием концепта специфической женской привлекательности, которая, якобы присуща только финно-уграм.

Можно сказать, что для подобных практик репрезентации этничности в публичной среде характерно проведение четких этнических границ, при котором лишь свое может быть нормой и ценностью, а все выходящее за границу собственного мира – чужое. Крайностью в данном противопоставлении будет являться то, что по отношению к Чужаку уместны вражда и насмешка. Но с другой стороны, если не принимать во внимание возможной конфликтности разделения на «свой – чужой», то Другой может выступать и как показатель множественности проявлений мира, Другой – необходимый элемент для процесса самоидентификации. Этот обобщенный «Другой» имеет совершенно иные культурные ценности. Не случайно, к примеру, активисты марийских этнонациональных организаций заявляют, что у марийцев есть своя «этническая религия» – марийское язычество. Эта религия, якобы, и сегодня является основой мировоззрения большинства марийцев [10:349].

Историческое и культурное мифотворчество является важной составной частью идеологии этнонациональных движений, ибо «миф играет инструментальную роль – он обслуживает совершенно конкретную современную задачу, будь то территориальные претензии, требования политической автономии или стремление противодействовать культурной нивелировке и сохранить свое культурное наследие» [33]. Но если прежде в мифотворчестве существенную роль играли этноисторические мифы, связанные с «конструированием великого прошлого» группы и с обоснованием ее культурных претензий, то ныне мифотворчество осваивает новые сферы и, в частности, распространяется в публичной сфере (мода, спорт, современная праздничная культура). При этом стоит отметить, что и этнические мифы, и идеология этнополитических движений строятся по одной принципиальной схеме – схеме оппозиции. В генетических и культурных мифах это оппозиция «свой» – «чужой». В этнополитических конструкциях четко прослеживается другая оппозиция: этничность – гражданство, хотя и здесь присутствует модели повседневного сознания, которые чаще всего сводятся к формуле «коренной – некоренной».

Таким образом, при определении особенностей репрезентации этничности в публичном пространстве Республики Коми можно отметить ее фольклоризацию, архаизацию, широкое применение мифических мотивов и конструирование финно-угорской реальности. Этническая идентичность реализуется в процессе репрезентаций на различных культурных сценах, в том числе и в современном информационном пространстве. При этом основным инструментом воспроизводства и конструирования этничности в дискурсе СМИ является реконструкция символической границы, представленной в этнических образах Чужого. Этничность активно упаковывается в демонстрационные рамки, становится фоном для проведения шоу (конкурсы красоты, спортивные соревнования, показы мод и др.). Этничность включается в современное потребительское общество и рынок, становится товаром, лейблом, частью стиля. Также наряду с современными формами репрезентации широкое распространение имеют и советские мотивы, которые проявляются в формах массовых гуляний с декларацией интернациональных ценностей дружбы народов и солидарности.

-
1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 1999.
 2. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
 3. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М. : Наука, 1984.
 4. Баканов И. МАФУН. Традиции объединяют молодежь // Твоя параллель. 2007. 31 авг. С. 9.
 5. Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса]: сайт. URL: http://scepsis.ru/library/id_836.html#a5
 6. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. С. 45–58.
 7. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. Т. 1. 1992. № 1. С. 17–37.
 8. Гирц К. Г. Интерпретация культур / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
 9. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М. : Наука, 2003.

10. Демина А. В., Шабает Ю. П. Гендер как элемент конструирования этнической идеологии // Семиозис и культура: сб. научных статей (по материалам IV Международной научной конф. «Национальный семиозис (дискурсы идентичности)» 25–26 апреля 2007 г. Сыктывкар, 2007. Вып. 3.
11. Долгопалова Н. Это-этнофутуризм // Твоя параллель. 2007. 5 окт. С. 16.
12. Коми красавицы рубили младенцев под корытом и общались с лесными на конкурсе «Райда-2010». Информационный портал КомиОнлайн. 30 октября 2010 г. URL: <http://komionline.ru/news/23473> (дата обращения 01.11.2010).
13. Котылев А. Ю. Этнокультурное наследие в современных художественных практиках // Музеи и краеведение. Труды национального музея Республики Коми. Материалы международной научно-практической конференции «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире». Сыктывкар : Коми пединститут, 2011. Вып. 8. 230 с.
14. Кузнецова Н. Многоцветье Севера // Твоя параллель. 2007. 28 сент. С. 7.
15. Кун Т. Структура научных революций. М., 2009. 310 с.
16. Лисовский Ю. Н., Микушев П. Г. Живопись, графика, керамика: альбом. Сыктывкар, 2007.
17. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. М. : Книжный дом «Университет», 2005. 320 с.
18. Малькова В. К. «Не допускается разжигание межнациональной розни...». Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. 2 изд. ИЭА РАН. МБПЧ. М., 2007. 243 с.
19. Народная азбука Республики Коми: буквы Ы, Э: сайт. URL: <http://komikz.ru/news/history/?id=4510>
20. Никишенков А. А. Основные подходы в изучении истории этнологии // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / под ред. В. А. Тишкова. 565 с.
21. Олейникова Ю. В. Культурные репрезентации в структуре этнической идентификации: автореф. дисс. на соискание ученой степени к. с. н. Саратов, 2008. 16 с.
22. Организаторы конкурса красоты «Райда» не дали возможности Мнацакану Никогосяну поздравить победительницу на коми языке. Бизнес новости Республики Коми. 31 октября 2010 г.: сайт. URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/6232/> (дата обращения 01.11.2010)
23. Печорская Н. Коми будут ходить на медведя и смотреть сериалы // Твоя параллель. 2006. 31 марта. С. 7.

24. Разлогов К. Э. Предисловие // Теоретическая культурология. М. : Академический Проект, 2005.
25. Сагитова Л. В. СМИ в Татарстане: стимулы толерантности и интолерантности в контексте современного развития республики // Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В. К. Мальковой. М. : ИЭА РАН, 2002.
26. Садохин А. П. Этнология: учебник. 2 изд., перераб. и доп. М. : Гардарики, 2004. 287 с. URL: <http://www.istmira.com/yetnologiya/1339--33-instrumentalizm.html>
27. Сикевич З. В. Национальное самосознание русских. М. : Механик, 1996.
28. Сол Я. Этно! Эрато? // Твоя параллель. 2008. 2 мая. С. 13.
29. Тернер Дж. Структура социологической теории / пер. с англ. яз. М.: Прогресс, 1985.
30. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 2003.
31. Учайкина Т. Финно-угорский мир – миф или реальность // Рубеж. 1996. № 8–9. С. 172–185.
32. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. Спб. : Алетейя, 1998. 306 с.
33. Шнирельман В. Ценность прошлого // Реальность этнических мифов. М., 2000.
34. Шуричева Н. Здравствуй, праздник Сабантуй! // Твоя параллель. 2008. 20 июля. С. 8.
35. Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
36. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.
37. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
38. Brubaker R. Ethnicity without groups. Mass. Harvard University Press, 2004.
39. Mead G. H. Mind, Self and Society. Chicago, 1976.
40. Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. New York : Elsevier, 1981.

Д. В. Оксюзьян

Доктрина Евномия и святоотеческое учение о Богопознании

УДК 230.1

Автор знакомит с доктриной IV века и текстами святоотеческого учения о богопознании, выявляет особенности во взаимозависимостях сознания и текста, смотрит на историю как на текст современности.

Ключевые слова: богопознание, сознание и текст, история как текст современности.

D.V. Oksuzjan. A doctrine of Evnomia and sacred teaching about cognition of God

The author introduce to doctrine of fourth century and texts of teaching about cognition of God. Bringing to light peculiarity in relations of consciousness and text and look at history as at a text of the present.

Key words: cognition of God, consciousness and text, history as a text of the present.

«Мы, возводя соборы космогоний, Не внешний в них отображаем мир, А только грани нашего незнания», – констатировал русский поэт Максимилиан Александрович Волошин в стихотворении 1923 г. «Космос».

Описанная в данном литературном произведении ситуация, возникающая сегодня в кругах интеллектуальных весьма часто, сложилась и в 356 г. В то время в Александрии выступил Аэций (Аэтий), с проповедью «аномейства» – «неподобничества»: отрицания не только православного учения о единосущии Отца и Сына, но даже компромиссного между православием и арианством учения о подобии Сына Отцу: «природа Сына, как твари, иная, чем Отца, Он ни в чём не подобен Отцу» [3:83].

Круглосуточные занятия по составлению представления о Боге посредством сложения и разложения геометрических фигур превратили догматику для диакона Аэция в некую игру: Аэций доходил до тщеславного утверждения: он знает Бога так хорошо, как не знает самого себя.

Ученик Аэция, Евномий, родом Каппадокиец, занимавший епископскую кафедру в Кизике (в городе Малой Азии), придал диалектике Аэция логическую стройность и законченность. Евномий заявлял, что истинная цель человека и единственное содержание веры заключается в познании Бога, и притом чисто теоретическом.

В конце IV в. был поставлен очень важный и принципиальный для богословия вопрос: «Как вообще возможно богопознание?»

Для православных ответить на этот вопрос не составляло большой трудности, так как православная теория богопознания обоснована идеей единосущия: «Господи! Покажи нам Отца, и довольно для нас», – просит Господа на Тайной вечери апостол Филипп. «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? видевший Меня видел Отца... Разве ты не веришь, что Я во Отце, и Отец во Мне?» – ответил Господь (Ин:14, 8–10).

Аномеи не могли признать подобной гносеологии, и потому теория познания Евномия получила наименование «теории имён». Все понятия, которыми пользуются люди, разделялись на два класса. Первые – это понятия, именованные людьми, или понятия «по примыслению». Эти понятия суть некие логические фикции, которые только условно указывают на вещи. По существу это некие клички вещей, которые ничего не говорят о природе предметов и никакого объективного знания не содержат.

Этим логическим фикциям Евномий противопоставлял «предметные» имена. Эти имена указывают на самую сущность вещи. Они неразрывно с вещами связаны и являются как бы энергиями вещей. В этих именах открывается премудрость Божия, соответственно и приращены приспособленные названия к каждому сотворенному предмету. Именно эти предметные, или софийные имена разложимы в понятия и признаки, они и дают нам объективное знание о мире.

Учение Евномия в изложении русского религиозного философа Льва Платоновича Карсавина представляется таковым: «Бог... проявляет Себя в этом мире плодами Своей деятельности, свидетельствующими о Нём... Бог создал и отношение, и действие и соответствие вещей друг другу; Он согласовал название (имя) с каждой из именуемых вещей сообразно с законами их», то есть, с их сущностью. Основные понятия, аристотелевы категории, "имена" нам даны; и состоящее из понятий наше знание, – не измышление наше, но знание

по происхождению своему откровенное. Когда Бог повелел возникнуть из ничего земле, он произнёс имя – “земля”, и земля появилась как осуществление этого имени. Его же насадил Бог и в нашу душу. Исходя из имён или понятий, можно построить логически выражаемую систему и добиться полной ясности» [1:70–71].

Теория имён предполагала изначальное согласование, Богом установленное, между миром вещей и структурой человеческого познающего разума. Все вещи творятся в соответствии с определёнными категориями, и эти же категории являются врожденными человеческому уму. Цель познания состоит только в том, чтобы установить соответствие между понятиями объективного мира и человеческим умом.

Что до вопроса о богопознании, то наряду с именами чувственных вещей имеются имена вещей умопостигаемых, тоже заключающих в себе самое точное воспроизведение именуемого. Имеются имена Божии, а если это так, то можно знать Бога не хуже, чем Он Сам знает Себя.

Цель человека, как субъекта познания, состоит в том, чтобы из всего множества Божественных имён найти такое имя, которое в наибольшей бы степени соответствовало природе Божества. Повторяя своего учителя Аэция, Евномий говорил, что таким именем, которое применимо только к Богу и неприменимо к твари, является имя «нерождённый», слово, которое является наиболее полным выражением Божественной сущности.

В своей работе «Об учёном незнании», созданной в 1440 г., немецкий философ, теолог Николай Кузанский утверждал, что «темнота неграмотного незнания, рассеянная в свете знания, является другой стороной незнания, называемого учёным незнанием, которое растёт со знанием и мудростью. Вместе со знанием приходит осведомлённость о незнании – учёном незнании, – и чем больше мы знаем, тем больше получаем уведомлений о том, что (что-то, или – о чём-то, мы всё-таки) не знаем» [4:27].

В этом мог убедиться и Евномий, или его последователи, при знакомстве с текстами сочинений святителей Церкви, текстами, созданными незамутнённым сознанием суетного человека. Святители утверждали, что Бог творит Своей всемогущей волей и не нуждается, подобно человеку, в каких-то слышимых словах. В этом смысле име-

нование вещей, сочетание звуков, посредством которых означаетс я та или иная вещь, есть продукт рассудка, и имеет случайный характер.

«Не существует такого понятия, которое могло бы наиболее точно выражать божественную сущность. Нельзя сводить наше знание о Боге к какому-либо одному понятию», – писал святитель Григорий Богослов [1:72].

Святитель Василий Великий отверг разделение имён или понятий на онтологически значимые и пустые. Все понятия и имена, которыми пользуются люди, существуют не просто так, они создаются людьми с определённой целью. Если эти понятия позволяют человеку, так или иначе, познавать окружающий мир. Ориентироваться в этом мире. Анализировать окружающую действительность (а это действительно так – без понятий мы не можем логически рационально выразить свой опыт). Значит, эти понятия не являются пустыми, они несут на себе определённую смысловую нагрузку, и в силу этого никаких абсолютно пустых понятий, которые не давали бы нам никакого знания, просто не существует. Точно так же, как не существует пустых, ничего не значащих понятий, невозможно принять и теорию так называемых софийных имён, некоторых понятий, которые заключали бы в себе наиболее точное выражение сущности вещей.

Учение Евномия вело к отрицанию в деле познания, в том числе и богопознания, человеческой активности. Получалось, что познание – пассивный процесс, который заключён исключительно в установлении соответствия между вечными именами-понятиями, которые изначально насаждены в человеческой душе, и вещами, человека окружающими.

Учение Евномия полностью игнорировало опыт. Евномий ничего не говорил о том, что всякое познание предполагает личный опыт, тем более это справедливо по отношению к богопознанию.

С одной стороны, наш опыт может быть значим для нас только в том случае, если он рационально выражен посредством понятий, но, с другой стороны, сами понятия предполагают опыт и возможны только через опыт и в опыте.

Если сказать человеку о некоторой вещи, которую он никогда не видел и никогда ничего о ней не слышал, то название вещи останется для человека пустым звуком, никакого знания она ему не сообщит, поскольку все человеческие понятия возникают из опыта и опыт

предполагают. Но опыт ни в коей мере не может быть сведён к понятиям. Анализ действительности предполагает созерцание, но никогда созерцание не исчерпывает.

Всегда в нашем опыте остается некоторый иррациональный остаток, неразложимый на признаки. Вещи, в том числе и тварные вещи, в своей последней сущности являются для нас непостижимыми. Тем более справедливо это по отношению к Божественной реальности. Святитель Василий говорил: «Нет ни одного имени, которое обнимало бы всё естество Божие, и было бы достаточно для того, чтобы выразить его вполне».

Имена существуют не сами по себе. Имена всегда связаны с познающим, связаны с субъектом познания, и они говорят не о вещах вообще – они говорят о предмете познания, о познаваемом для познающего.

Имена как бы устанавливают мерило наших суждений о предметах, и в этом смысле имена всегда суть «после вещей», они логически последуют вещам. Применительно к Богу это означает, что Бог познаётся постольку, поскольку Он открывает Себя в мире.

В самом деле, понятийное познание всегда связано с ограничением, дать определение чему-либо – это всегда означает подвести нечто конкретное к общему знаменателю, унифицировать, отбросив индивидуальные качества и свойства предмета.

Но Божество находится «там, куда не восходит понятие». Григорий Нисский отмечал, что для Евномия познание есть «искусство слова», само богословие Евномий превратил в логический и философский анализ высказанных понятий. Попытки Евномия, с точки зрения святителя Григория, выглядели не только теоретически несостоятельными, но и духовно вредными. Он усматривал в построениях Евномия своего рода интеллектуальное идолопоклонство.

Но непостижимость божественной сущности не полагает богопознанию никаких пределов. Даже при познании Бога в Его действиях, деятельности, мы вполне можем получить знание о Нём, достаточное для правильной организации духовной жизни (цит. по [1:75]).

Последнюю точку в полемике с евномиянством поставил святитель Иоанн Златоуст, который полемизировал уже не столько с самим Евномием (это было уже на рубеже IV–V столетия), сколько с его последователями.

Примером того, каким образом двигалась мысль Иоанна Златоуста, являются его слова из третьей «Беседы против аномеев», представляющие собой толкование на шестнадцатый стих из шестой главы «Первого Послания к Тимофею» святого апостола Павла. Стих этот звучит следующим образом:

«Единый, имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел, и видеть не может» (1 Тим:6, 16).

И вот слова Иоанна Златоуста: «Обрати внимание на точность выражения Павла. Не сказал он "сущий светом неприступным", но: "во свете живой неприступнем", дабы ты знал, что если жилище неприступно, то гораздо более живущий в нём Бог... Притом не сказал: "в свете живой непостижимом", но "неприступном", что гораздо более непостижимости. Непостижимым называется то, что хотя бы исследовано и найдено, но остаётся непонятным для ищущих его, а неприступное – то, что не допускает и начала исследования, к чему никто не может приблизиться» [1:76].

В качестве дополнения к своей статье приведу фрагмент из монографии русского православного богослова Владимира Николаевича Лосского «Боговидение».

Дело в том, что на рубеже XVI–XVII столетий, Габриэлем Васкесом (1551–1604), учёным-иезуитом, преподавателем богословия в Испании и Риме, одним из толкователей сочинения «Сумма теологии» Фомы Аквинского, радикальным образом был поставлен вопрос. Вопрос этот звучал следующим образом: может ли действительно учение некоторых греческих отцов, и, прежде всего, святителя Иоанна Златоуста, на сочинения которого Фома Аквинский давал ссылки, согласоваться с тем понятием видения Божественной сущности, каким это видение было у богословов-схоластов на Западе? И в своих попытках отыскать ответ Васкес дошёл даже до того, что в известной степени оправдывал тезис Евномия, защищавшего возможность совершенного постижения Божественной сущности человеческим умом. Васкес говорил: «Не был Евномий всё же таким безумцем, чтобы утверждать, что понятие, которое он может иметь о Боге, равнозначно понятию и познанию, которое Бог имеет о Себе Самом. Равноценность познания, которую Евномий утверждал против учения отцов, относилась единственно к объекту этого познания. Всё формальное

содержимое Божественной природы, раз оно является объектом познания Божественного, может быть видимо им, Евномием. И оно, несомненно, должно быть даровано блаженным, которые видят Бога “как Он есть”; ведь всё, что формально содержится в Боге, есть Бог, будучи тождественно Его сущности; таким образом, ничего из того, что есть в Боге и является объектом Его постижения, не может оставаться сокрытым для блаженных» [2:8].

Переместив рационалистическую гносеологию Евномия в сферу мистическую, в сферу интуитивного видения блаженными, Васкес отождествлял это видение со схоластическим учением видения Божественной сущности прославленными, и ставил отцам в вину то, что они отрицали возможность постигать Бога “как Он есть”.

Васкесом во всей своей сложности была поставлена проблема: «невозможно должным образом толковать святых отцов, оставаясь в обычных рамках схоластического образа мыслей» [2:11]. В этом богословском споре, стремясь примирить святых отцов и схоластов, была предпринята попытка приписывать то одним, то другим учения, никогда ни теми, ни другими не проповедовавшиеся, и одновременно возродить имя Евномия и его “интеллектуальное идолопоклонство”.

Не превращая своего сообщения в нескончаемую сумму орфографических знаков, выражу надежду, что мною раскрытая тема послужит некоторой иллюстрацией к объяснению особенностей взаимозависимости сознания и текста, и позволит взглянуть на историю как на текст современности: реальные события исполнились, прямое значение их (“история”) уже отошло в прошлое. Непреходящим остался свершившихся событий духовный смысл, который, по мере увеличения исторической дистанции, непрестанно усиливается, и достигает всё большего расцвета.

1. Давыденков О. (иерей) Догматическое богословие: курс лекций. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1997. Ч. I и II.

2. Лосский В. Н. Боговидение. Минск: Белорусский Экзархат, ООО «Харвест», 2007.

3. Догматическое богословие по протоиерею Н. Малиновскому. Л. : Ленинградская Духовная семинария, 1991.

4. Налимов В. В. Раскрытие знания через научно аргументированное незнание. В поисках иных смыслов. М. : Прогресс, 1993.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

П. В. Васильев

Политико-идеологическое перевоспитание учителей в первые годы строительства единой трудовой школы

УДК 37:93

После октябрьского переворота 1917 г. советская власть незамедлительно приступила к строительству единой трудовой школы. Однако в отсутствии своих подготовленных учительских кадров создание новой школы на практике было возложено на плечи дореволюционных учителей. Старое учительство не отвечало партийным требованиям и установкам в отношении нового педагога, поэтому решить создавшуюся проблему должно было, прежде всего, их политико-идеологическое перевоспитание.

Ключевые слова: школа, учитель, облик учителя, формы переподготовки, политика.

P. V. Vasilyev

After October revolution of 1917 the Soviet power immediately started construction of uniform labor school. However in lack of the prepared teacher's shots creation of new school in practice was assigned to shoulders of pre-revolutionary teachers. The old teaching didn't meet party requirements and installations concerning the new teacher therefore to solve the created problem their political and ideological re-education should, first of all.

Keywords: school, teacher, shape of the teacher, form of retraining, politician.

Октябрьский переворот 1917 г., ознаменовавший собой перелом в экономической и политической жизни всей страны, естественно не мог обойти стороной и такую важную область, как народное образование.

Однако, приступая к реформе народного образования, советская власть не могла воспользоваться дореволюционной системой воспитания, которая по своим целям, содержанию и методам работы не соответствовала политическим установкам партии большевиков. Это и

побудило органы новой власти приступить без замедления к построению принципиально новой школы.

Создание новой школы, с новой структурой, новыми целями и задачами, которые перед ней ставились, с новым содержанием образования, новой организацией педагогического процесса и новыми методами обучения и воспитания было органически связано с проблемой учительских кадров. Фактически все эти педагогические новации должны были претворять в жизнь учителя, получившие образование в старой России, имевшие опыт работы в дореволюционной школе. Именно поэтому в отчете Государственной комиссии по просвещению в 1918 г. говорилось, что «главная задача – создать новых учителей. Если мы этих новых учителей не создадим, – новой школы мы не дождемся» [11:166].

Учитель единой трудовой школы должен был отличаться от дореволюционного по его роли в жизни общества, по своему духовному облику, политической ориентации, он должен был соответствовать требованиям, которые предъявляли программные материалы большевистской партии. В программе партии РКП(б), принятой на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., прямо говорилось о необходимости подготовки новых работников просвещения «проникнутых идеями коммунизма» [5:18]. Чуть позже, выступая на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г., лидер большевистской партии В.И. Ленин поставил задачу воспитания такого нового учительского персонала, «который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма» [8:403].

В представлении политического руководства такой облик нового учителя должен быть основополагающим при разработке требований к нему, которые, как указывал Наркомпрос, должны определяться, во-первых, задачами и сущностью новой школы и, во-вторых, ролью педагога в этой школе.

Задачи и сущность новой школы были провозглашены программой РКП(б), принятой на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., однако окончательные формулировки были определены в уставе единой трудовой школы, утвержденным СНК РСФСР 18 декабря 1923 г. Здесь говорилось, что «вся работа в школе и весь строй ее должны способ-

ствовать выработке в учащихся классового пролетарского самосознания и инстинктов, осознанию солидарности всех трудящихся в борьбе с капиталом, а равно подготовке к полезной производительной и общественной политической деятельности» [12:149]. Отсюда закономерно вытекали требования в отношении нового педагога, сводившиеся к следующему:

- во-первых, по своему мировоззрению педагог должен соответствовать идеалам, провозглашенным советской властью. «Новый педагог, – отмечал П. П. Блонский, – это прежде всего человек новой психологии и новой идеологии. Только марксист может быть педагогом социалистической, т. е. марксистской трудовой школы» [4:302];

- во-вторых, педагог должен быть научно подготовленным, т. к. целью новой школы является воспитание на научных основах и научными методами, причем педагогический процесс должен строиться на основе марксистской идеологии. «Мы не требуем, конечно, – отмечал председатель Наркомпроса А. В. Луначарский, – чтобы каждый учитель был партийным коммунистом, но познакомиться как можно лучше с основными идеями нашей партии ... абсолютно необходимо..., чтобы учитель твердо усвоил себе идею связи школы с общественной жизнью, опору всех приобретаемых знаний на труд и при этом в возможно большей мере на труд социально полезный» [9:4];

- в-третьих, в виду того, что в центре школьных программ стояло изучение трудовой деятельности людей, новый педагог сам должен пройти производственно-трудовой стаж, а также должен стать краеведом с целью дальнейшего активного участия в хозяйственной жизни и работе своего района;

- и, наконец, в-четвертых, для организации школьного дела с научных позиций, педагог должен хорошо представлять себе как строится педагогический процесс, и разбираться в психофизиологических особенностях школьников.

Кроме того, облик учителя новой школы определялся рядом возлагаемых на него новых функций: воспитание молодого поколения в духе марксистско-ленинской идеологии; он должен быть общественным деятелем, принимающим активное участие в «культурном строительстве», которое заключалось в пропаганде политических установок и идей советской власти; учитель единой трудовой школы должен хорошо ориентироваться в науке, которую собирается преподавать в школе.

Таким образом, в РСФСР уже в 1918 г. возникла дилемма: с одной стороны, старое учительство не отвечало партийным требованиям и установкам в отношении нового педагога, что не позволяло им приступить к строительству единой трудовой школы, с другой стороны, советская республика не имела своих подготовленных учительских кадров.

В сложившейся ситуации создание новой школы на практике советская власть была вынуждена возложить на плечи дореволюционных учителей. Это было вполне логичным, поскольку других учителей не было и по справедливому мнению руководителей Наркомпроса, на подготовку новых учительских кадров, которые должны были полностью заменить старое учительство, требовалось значительное время, большие материальные затраты и определенная научная база.

Таким образом, необходимость использовать дореволюционные учительские кадры в строительстве единой трудовой школы, поставили перед Наркомпросом задачу, прежде всего, политико-идеологического перевоспитания старых учителей с целью подготовки их к выполнению задач и функций новой школы.

По мнению руководителей Наркомпроса, в ходе политико-идеологического перевоспитания должны были измениться политические взгляды старых учителей, должен был сформироваться новый тип педагога – активного строителя социалистической школы и борца за идеалы партии большевиков.

Основная задача политико-идеологического перевоспитания учителей старой школы заключалась в выработке «стойкого политического мировоззрения через научную проработку марксистской идеологии», организуя ее таким образом, чтобы «на политическом фундаменте строились все занятия курсистов, чтоб все лекции педагогического и методического циклов были спаяны единым направлением – политическим» [3:654].

Политико-идеологическое перевоспитание учителей старой школы осуществлялось в двух направлениях: с одной стороны, их знакомили с марксистской идеологией с целью ее уяснения, а с другой стороны, проводилась работа по разъяснению идей единой трудовой школы, ее целей, воспитательных и образовательных задач, принципов ее построения и организации учебно-воспитательного процесса.

Работа по политико-идеологическому перевоспитанию развернулась уже летом 1918 г. Ее организационные формы были самые разнообразные: учительские съезды, краткосрочные курсы, конференции, публичные лекции, педагогические совещания и учебные кружки. Характерной чертой этих всех форм работы с учителями была направленность на их перевоспитание в духе марксистской идеологии и подготовку к воспитанию учащихся в том же направлении.

Наиболее распространенной формой политико-идеологического перевоспитания учителей старой школы были краткосрочные курсы, деятельность которых определялась стремлением Наркомпроса и органов народного образования на местах пропустить через них как можно большее количество учителей. Поэтому продолжительность их проведения колебалась от 2-х недель до 3-х месяцев.

В 1920 г. широкое распространение получила форма политико-идеологического перевоспитания, в виде так называемых самокурсов. В отличие от краткосрочных курсов, самокурсы проходили без отрыва учителя от работы в школе, а их программы были тесно связаны со спецификой данной местности, где проводились самокурсы.

Большую методическую помощь учителям старой школы оказывали немногочисленные в то время опытно-показательные школы и станции по народному образованию, где создавался и накапливался интересный опыт строительства единой трудовой школы и подготовки учительства для работы в ней.

По замыслу Наркомпроса опытно-показательные школы должны были быть лабораториями педагогического опыта, где по-новому организовывается вся школьная жизнь. В качестве примера можно привести опыт организации учебно-воспитательной работы Казанской опытно-показательной школы. Так, в положении об этой опытно-показательной школе, утвержденном ее педагогическим советом, было сказано, что учебная работа в школе строится на основе принципов: уничтожение многопредметности в учебном плане школы; замена строго фиксированных, неподвижно установленных программ преподавания выделением тех разделов проблем из различных областей знания, которые имеют важное научно-образовательное значение; организация кружковых занятий учащихся для более углубленного изучения учащимися интересующих их вопросов; развитие разносторонней активности учащихся как метод работы [1:5].

В отличие от опытно-показательных школ, станции по народному образованию ставили перед собой научно-исследовательские задачи - разработку важнейших проблем педагогической науки. Так, в проекте об учреждении Первой опытной станции были выделены следующие первоочередные вопросы: какие организационные формы школьной работы должны создаваться в зависимости от местных условий; какие типы школ возможны в условиях деревни; как организовать школьную жизнь так, чтобы школа давала и трудовое, и интеллектуальное воспитание; проблемы развития навыков коллективной работы в общественных формах и т. д. [7:368]. Первая опытная станция появилась в РСФСР в 1919 г., и возглавил ее известный педагог дореволюционного периода С. Т. Шацкий.

В целом, опытно-показательные школы и станции по народному образованию внесли существенный вклад в развитие отечественной педагогической науки и сумели продемонстрировать старым учительским кадрам, как и на каких основах необходимо строить единую трудовую школу.

Организационно занятия по политико-идеологическому перевоспитанию учителей старой школы проходили по-разному, в большинстве случаев они строились на сочетании лекционной и студийно-лабораторной формы проведения занятий. Чтение лекций для учителей проводилось квалифицированными лекторами, которые затем беседовали с учителями, давали им индивидуальные задания, рекомендовали литературу для самостоятельного изучения, давали методические указания и через некоторое время проверяли результаты самостоятельной работы учителей. Во время студийно-лабораторных занятий учебный материал разбивался по темам, которые изучались учителями по группам. При обсуждении докладов отдельных групп роль преподавателя сводилась, в основном, к комментариям по выступлениям и к обобщающим выводам.

В общем, политико-идеологическая перевоспитание учителей старой школы имело характер коллективной работы на съездах, съездах-курсах, краткосрочных курсах и конференциях, периодических совещаниях и в кружках; особенно рекомендовалась самостоятельная работа учителей в библиотеках.

В первые годы строительства единой трудовой школы отсутствовал единый план политико-идеологического перевоспитания учителей

старой школы. В разных губерниях и даже уездах разрабатывались свои формы и методы. Это, чаще всего, обуславливалось не особенностями подготовленности учителей, а наличным составом лекторских сил и тем, как представлял себе задачу подготовки тот или иной отдел народного образования. Вместе с тем в своих рекомендациях по организации курсов Наркомпрос призывал органы народного образования на местах уделять одинаково серьезное внимание политико-просветительному и педагогическому циклам, не упуская из вида внутреннюю связь в освещении и проработке тем политико-просветительного и педагогического цикла [10:40].

Наркомпросом РСФСР был рекомендован учебный план 2-х месячных губернских курсов по политико-идеологическому перевоспитанию старых учителей. Он имел следующие разделы: политико-просветительный цикл (150 часов): характеристика капиталистического строя и очерк его развития (32 часа), краткий очерк истории России и истории революционного движения (32 часа), основные моменты в истории революционного рабочего движения на Западе, начиная с революции 1848 г. (20 часов), конституция РСФСР (8 часов), пролетариат и крестьянство в русской революции (6 часов), народное хозяйство России и экономическая политика советской власти (22 часа), исторический материализм (20 часов), РКСМ и школа (10 часов); педагогический цикл (190 часов): теория и практика трудовой школы (23 часа), анатомия и физиология, возрастная психология и методы изучения детей (18 часов), содержание школьной работы и методики отдельных учебных предметов (92 часа), организация детской жизни (18 часов), гигиена и санитария (8 часов), организация и учет педагогической работы (25 часов), работа со взрослым населением (6 часов) [3:484–485 об.].

Однако органы народного образования на местах могли и самостоятельно определять содержания курсов, отдавая приоритет тому или другому циклу. Так, в Вятской губернии при разработке содержания курсов их авторы исходили из необходимости основательной проработки вопросов, связанных с сущностью единой трудовой школы, ее организацией, формами и методами учебно-воспитательного процесса, при этом вопросы политического характера как бы отодвигались на второй план. Это нашло отражение в учебном плане краткосрочных курсов, который имел следующий вид:

Учебный план Вятских краткосрочных курсов
по переподготовке старых учителей [2:26–26 об.]

Цикл специальный	
Единая трудовая школа.....	20 часов
Воспитание в новой школе.....	4 часа
Трудовой принцип в новой школе.....	10 часов
Школьное самоуправление.....	4 часа
Организация просветительного дела в РСФСР.....	2 часа
Занятия на вольном воздухе (теория).....	2 часа
Искусство в новой школе (теория и практика).....	24 часа
Математика в новой школе.....	3 часа
История.....	3 часа
Русский язык в новой школе.....	3 часа
Естествоведение в новой школе.....	3 часа
География в новой школе.....	3 часа
Вопросы дошкольного воспитания.....	5 часов
Внешшкoльная работа.....	8 часов
Экспериментальная психология и педагогика.....	8 часов
Школьная гигиена.....	4 часа
Практические занятия	
Примерные экскурсии.....	8 часов
Занятия по садоводству, огородничеству и т.д.	9 часов
Занятия по переплетному ремеслу.....	8 часов
Занятия по плетению из соломы.....	8 часов
	Всего 139 часов
Общественно–политические вопросы	
История революционного движения в России.....	20 часов
История социализма.....	12 часов
Политэкономия.....	12 часов
Программа и тактика Коммунистической партии.....	5 часов
	Всего 49 часов
Общий курс естествознания.....	10 часов
Самостоятельные работы слушателей под руководством лекторов.....	152 часа
Общая продолжительность курсов.....	350 часов (35 дней)

Представленный учебный план включал в себя широкий круг вопросов и, вместе с тем, четко подразделялся на две части, примерно равные по времени, – теоретическую и практическую. Как мы видим, в нем довольно обстоятельно был представлен педагогический цикл. Здесь поднимался широкий круг вопросов, касающихся непосредственно единой трудовой школы, ее сущности и организации, а также рассматривались вопросы, связанные с постановкой преподавания от-

дельных предметов и их содержанием в связи со строительством новой школы. Наряду с этим, в педагогическом цикле рассматривались проблемы педагогической и психологической науки, связанные с новшествами, которые появились к этому времени в этих областях. Следствием повышенного внимания к профессионально-педагогическому усовершенствованию старых учителей этот цикл занимал свыше 60 % времени, тогда как на политико-просветительные занятия отводилось немного более 30 % учебного времени.

Усиление внимания к общепедагогическим аспектам подготовки педагогических кадров для новой школы не везде было таким. По мнению Наркомпроса, главную роль в переподготовке старых учителей должно было играть все же их целенаправленное политико-идеологическое перевоспитание. По этой причине в отдельных случаях органы народного образования на местах были вынуждены значительно расширить политический цикл в ущерб педагогическому. Так в отчете о курсах политико-идеологического перевоспитания учителей старой школы, организованных в г. Тотьме Вологодской губернии, отмечалось, что в процессе работы «гвоздем» курсов явился все же политико-просветительский цикл, на проработку которого отводилось вдвое больше рабочих часов чем на педагогический, а именно 127 часов и 66 часов соответственно [3:453 об.].

Подводя итог рассмотрению политико-идеологического перевоспитания старых учителей, не лишним будет добавить, что здравомыслящие педагоги того времени требовали освобождения дела просвещения от влияния политики и обеспечения демократизации школы. Одним из приверженцев этой точки зрения был видный деятель педагогической и психологической науки, профессор П. Ф. Каптерев. В ряде своих работ он специально рассматривал проблему перестройки педагогического образования и выдвигал свои требования к личности учителя. Педагог, по его мнению, есть «служитель вечных законов развития человека и человечества» и, прежде всего, имеет дело с личностью ребенка, в то время как политик ориентируется на широкие массы населения, заботится об усовершенствовании экономических, политических и других внешних условий, следовательно, у политика и педагога разные сферы деятельности. Воспитание же в духе партийности представлялось П. Ф. Каптереву как подавление личности [6:44].

Более того, политико-идеологическое перевоспитание старых учителей, в конечном итоге, не могло было полностью разрешить

проблему подготовки учителей для единой трудовой школы. Требовались стационарные учебные заведения с продолжительным сроком обучения, с постоянным квалифицированным составом преподавателей, с едиными учебными планами. Поэтому на очередь была поставлена более сложная задача – подготовка новых учительских кадров, основной контингент которых должен был быть представлен из рабочей и крестьянской среды.

-
1. ГАРФ. Ф. 1575. Оп. 4. Ед. хр. 7.
 2. ГАРФ. Ф. 1575. Оп. 5. Ед. хр. 10.
 3. ГАРФ. Ф. 1575. Оп. 5. Ед. хр. 67а.
 4. Блонский П. П. Марксизм как метод решения педагогических проблем // Блонский П. П. Избранные педагогические произведения. М. : Педагогика, 1961. С. 302.
 5. Из программы РКП(б). Принята на VIII съезде РКП(б) 18–23 марта 1919 г. // Народное образование в СССР : сб. документов 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов и др. М. : Педагогика, 1974. С. 18.
 6. Каптерев П. Ф. Педагогика и политика // Педагогическая мысль. 1921. № 9–12. С. 44.
 7. Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917–1920. М. : АПН РСФСР, 1958. С. 368.
 8. Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов. 3 ноября 1920 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М. : Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 41. С. 403.
 9. Луначарский А. В. Какой педагог нам нужен // Народное просвещение. 1924. № 3(12). С. 4.
 10. Организация и методы повышения квалификации (переподготовки) работников социального воспитания / под ред. А. Н. Волковского. М. : Изд. Отдела подготовки педагогического персонала, 1923. С. 40.
 11. Стенографический отчет Государственной комиссии по просвещению. Девятое заседание от 5.10.1918 г. // Народное просвещение. 1919. № 6–7. С. 166.
 12. Устав Единой трудовой школы. Утвержден СНК РСФСР 18 декабря 1923 г. // Народное образование в СССР : сб. документов 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов и др. М. : Педагогика, 1974. С. 149.

А. В. Коренева

**Реализация принципа текстоцентризма на занятиях
по русскому языку и культуре речи в высшей школе**

УДК 371

В статье описываются методы и приемы использования на учебных занятиях текста как основного средства овладения речевой деятельностью. Доказывается, что работа по созданию и восприятию профессионально направленных текстов способствует формированию профессионально-коммуникативной компетенции будущих специалистов.

Ключевые слова: текст, речевая деятельность, профессиональная направленность текстов, студенты нефилологических специальностей.

A.V. Koreneva. The central role of Text in a high school course "Russian Language and Culture of speech".

The article describes the methods and techniques used in the classroom text as the primary means of mastering of speech activities. It is proved that the work on creation and perception of a professionally designed texts contributes to the forming of professional communicative competence of future specialists.

Key words: text, speech activity, professional orientation texts, students unphilological specialties.

Одна из актуальных проблем отечественной высшей школы – коммуникативная подготовка студентов-нефилологов в рамках учебного курса «Русский язык и культура речи». Ее важность в последнее время возросла в связи с тем, что в Федеральных государственных образовательных стандартах выдвинуты новые требования к характеру и уровню подготовки специалистов, включающие в том числе их способность изучать, анализировать и создавать на русском языке документы разных жанров в области своей специальности, а также свободно общаться в устной и письменной форме на узкопрофессиональные темы.

Формирование профессионально-коммуникативной компетенции студентов-нефилологов осуществляется нами в соответствии со следующими принципами: принцип обучения с опорой на речевую ситуацию, принцип жанрового подхода к обучению речевой деятельно-

сти, принцип текстоцентризма и принцип личностно ориентированного обучения. Реализация этих принципов позволяет актуализировать деятельностьную составляющую профессионально ориентированного обучения курсу «Русский язык и культура речи», которая обеспечивает приобретение студентами квазипрофессионального коммуникативного опыта путем активного включения их в речевые ситуации, актуальные в избранной специальности. В данной статье рассмотрим более подробно принцип текстоцентризма.

Текстоориентированное обучение не является абсолютно новым понятием в методике преподавания русского языка. Значимость привлечения текстов на занятия подчеркивал еще Ф. И. Буслаев, утверждавший, что «первое и важнейшее дело – развивать практические способности, состоящие в том, чтобы правильно понимать выраженное текстом и пользоваться им правильным образом» [1:51]. Теоретическая разработка текстоориентированного обучения началась в 60–70 гг. XX в., когда в понятие связной речи Т. А. Ладыженской были включены не только речевая деятельность, но и ее результат, определенное речевое произведение, текст. Элементы текстоориентированного обучения нашли отражение в программах и учебниках 80–90 гг. прошлого века. Уже тогда текст рассматривался как основной структурный компонент учебника, как средство формирования лингвистической/языковой и культуроведческой компетенций. Сегодня принцип текстоцентризма – принцип признания текста в качестве важнейшей единицы обучения – является одним из основополагающих принципов лингводидактики. В его основе «лежит понимание необходимости изучения функционирования языковых единиц в речи. Тогда средства, образующие систему языка, будут восприняты не только как элементы этой системы, но и как языковые явления, служащие для выражения определенного смысла при передаче информации. В результате языковая система (словарь, грамматика) и языковой материал (текст) предстают в процессе изучения языка в органичном единстве, которое проявляется в речевой деятельности» [4].

Таким образом, работа с текстом позволяет соединить два направления в изучении русского языка: познание системы языка и познание коммуникативных норм, правил речевого поведения в различных жизненных ситуациях.

Текстоцентрический подход реализуется в следующих направлениях:

1. Текст является средством познания языка как полифункционального явления.
2. Текст является важным средством приобщения к русской культуре.
3. Изучение русского языка осуществляется на основе текста как единицы языка. На его основе осуществляется познание грамматических категорий, языковых явлений, формируется система лингвистических понятий.
4. Текст выступает как речевое произведение, результат использования системы языка. На его основе осуществляется изучение языка в действии, усваиваются закономерности функционирования языка в речи.
5. Текст выступает как основное средство овладения устными и письменными формами русской речи, овладения речевой деятельностью во всех ее видах (чтении, понимании, говорении, письме). На его основе формируется коммуникативная компетенция.
6. Текст является средством создания ситуаций, на основе которых осуществляется реальное общение [5:56].

В методической системе профессионально ориентированного обучения курсу «Русский язык и культура речи» на основе междисциплинарной интеграции нами в той или иной мере реализуются все указанные направления, хотя приоритетным является использование текста как основного средства овладения речевой деятельностью во всех ее видах.

Это направление текстоориентированного обучения реализуется по-разному. При изучении модулей «Говорение как вид речевой деятельности» и «Письмо как вид речевой деятельности» в центре внимания – процесс порождения текста адресантом, а при изучении модулей «Слушание как вид речевой деятельности» и «Чтение как вид речевой деятельности» – процесс понимания текста адресатом. Отсюда вытекают и различия в изучаемых текстовых характеристиках, в формируемых текстовых умениях.

На занятиях по модулям, в которых заложена информация о рецептивных видах речевой деятельности, текст выступает как объект восприятия, поэтому, прежде всего, актуализируются знания о теме

текста, о его основной мысли и о композиции, в совокупности создающих костяк содержания высказывания, даются сведения о приемах, повышающих эффективность восприятия текста. У студентов совершенствуется способность осуществлять логико-смысловой анализ высказывания. На это направлены задания к текстам, которые развивают частные умения, необходимые для понимания услышанного: умение видеть смысловые части текста и устанавливать связи между ними, умение извлекать из текста необходимую информацию и определенным образом перерабатывать ее, умение дифференцировать главную и второстепенную информацию и другие. Помимо понимания текста уделяется внимание развитию умения осуществлять рефлекссию на текст, оценивать его содержание и/или форму изложения. Осуществляя рефлекссию на содержание высказывания, студенты выполняют задания, в ходе которых связывают информацию, обнаруженную в тексте, со знаниями из других источников, оценивают верность утверждений, сделанных в тексте, соглашаются или не соглашаются с позицией автора, отстаивают свою точку зрения на проблеме. При анализе формы текста обучаемые оценивают его соответствие стилю и жанру; следят за выполнением требований, предъявляемых к речевой деятельности (требований точности, ясности, логичности, информативной новизны); выявляют текстовые ошибки, связанные с нарушением правил эффективного для восприятия и понимания построения высказывания (непродуманное расположение частей, нарушение связи между ними, непоследовательность избранного способа развертывания содержания текста).

При изучении модулей, в которых заложена информация о продуктивных видах речевой деятельности, текст рассматривается как продукт речевой деятельности, поэтому в центре внимания последовательность операций по замыслу и созданию речевого произведения. Студентами усваиваются не только правила создания текста вообще, но и более конкретные правила создания публицистического, научного, официально-делового, разговорного текста. В обучении текстовому творчеству используется, прежде всего, опора на жанровую систематику русской речи, так как «именно жанры, устойчивые модели текста, наилучшим образом отражают и общие законы текстовой организации, и коммуникативные обстоятельства их порождения» [3:353]. Среди изучаемых текстовых признаков уделяется особое

внимание смысловой цельности и структурной связности. В связи с этим продолжается работа по углублению знаний студентов о композиции высказывания. Правда, данная текстовая категория рассматривается под другим углом зрения. Изучая текст как объект восприятия, студенты воспринимали композицию как «выстраивание последовательности частей, с помощью которого постепенно раскрывается целостный замысел – при постоянной заботе автора об управлении вниманием адресата» [3:109]. При изучении же текста как продукта речевой деятельности первокурсникам дается более традиционная трактовка композиции – расположение частей, структура речевого произведения. Теория текста усваивается студентами в деятельностной форме, в виде конкретных умений определить стиль текста и его жанр, тип речи, выявить способ и средства связи предложений, сделать анализ композиционного и языкового оформления высказывания, стилистический анализ текста. В ходе изучения указанных модулей студенты развивают умения создавать устные и письменные, монологические и диалогические высказывания, главным образом профессионально направленные, редактировать свои и чужие тексты.

Как известно, при коммуникативно-деятельностном подходе в центре изучения – речевое взаимодействие людей. Это делает востребованным еще один аспект изучения текста, согласно которому текст понимается как процесс общения адресата и адресанта, как «динамическая единица речетворческого процесса, определяемая особыми закономерностями порождения и функционирования» (А. А. Леонтьев, Т. М. Дридзе). Такое понимание уподобляет текст дискурсу, хотя в современной лингвистике эти понятия, как правило, противопоставляются. Дискурс – это «связная речь в совокупности с нелингвистическими обстоятельствами ее протекания, речь во взаимосвязи с жизнью: ее событийным контекстом, социальными и психологическими характеристиками говорящих» [3:62]. Текст же в сопоставлении с дискурсом понимается учеными как статический объект. Принимая во внимание эту устоявшуюся в современной лингвистике оппозицию, в учебных целях (понятие *дискурс* не включено нами в содержание курса) мы, тем не менее, рассматриваем текст и с дискурсивной точки зрения: в этом случае прослеживается связь данного речевого произведения с ситуацией общения, а также то, как в нем отражено речевое поведение говорящего. Представление о тексте как коммуникативном

процессе формируется у студентов в процессе выполнения заданий, требующих анализа не только содержания, языкового и композиционного оформления текста, но и его ситуативной и социально-культурной обусловленности:

1. Перед вами несколько диалогов. Основываясь на речевом и невербальном поведении их участников, проследите за постепенными изменениями во взаимоотношениях этих людей. Подтвердите свои выводы примерами из текста.

2. Прочитайте описание речевой ситуации. Охарактеризуйте особенности ее участников на основе их вербального и невербального поведения.

3. Прислушайтесь к тексту. На основании акустического поведения говорящего определите его возможное психологическое состояние.

4. Сравните два текста. Чем отличаются ситуации их порождения.

5. Прочитайте отрывок из рекламного буклета. Выделите средства, формирующие коммуникативно-прагматический аспект текста.

Необходимость готовить студентов к решению разнообразных коммуникативных задач, с которыми они столкнутся в учебной и профессиональной деятельности, делает весьма значимым развитие у них способности трансформировать тексты: излагать одно и то же предметное содержание в устной и письменной форме, в виде диалога и монолога и т. п.

Известно, например, что весьма распространенным речевым недочетом является неспособность студентов изложить материал учебника, научной статьи в устной форме на семинаре, коллоквиуме, на конференции. Студенты стараются пересказать текст дословно, не адаптируя его для устного восприятия. Подобная проблема возникает и в профессиональной деятельности, особенно при общении специалистов с неспециалистами, когда для успеха коммуникации необходимо как можно доступнее для неподготовленного слушателя изложить профессиональную информацию. С целью устранения подобных недостатков у обучаемых углубляются и расширяются полученные в школе представления о синонимии речевых реализаций. Первокурсники знакомятся с разнообразными формами выражения учебной и профессиональной информации, с лексико-синтаксическими конструкциями, характерными для устной и письменной разновидностей научного стиля речи, выполняют задания, позволяющие совершенст-

вывать умение трансформировать текст, видоизменять его в зависимости от условий и целей общения.

Весьма значимо для будущих специалистов умение преобразовывать сплошные тексты в несплошные или, наоборот, прибегать к вербализации графической информации. Несплошные, или формализованные тексты (таблицы, анкеты, диаграммы, трафареты), профессионально значимы для любой специальности. Они активно используются в научном стиле, а в официально-деловом «являются одним из главных средств унификации формы служебных документов» [7:7]. С точки зрения психологии восприятия считается, «что в унифицированном тексте адресат документа может сразу же выделить ключевые моменты сообщения (по данным исследований унифицированный текст воспринимается почти в десять раз интенсивнее, чем неунифицированный)» [7:8]. Однако наш опыт показывает, что восприятие информации, данной, например, в пространственно-визуальной форме, вызывает у студентов определенные трудности. Большинство из них может более или менее успешно воспроизвести предложенные на лекции или в учебнике схему, таблицу, но озвучить, прочесть их, трансформировав в сплошной линейно организованный вербальный текст, удастся далеко не всем. Характерно, что наличие проблем, связанных с восприятием и пониманием несплошных текстов, отмечают и у российских школьников (см. «Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся PISA»). Эксперты объясняют это, в частности, тем, что в школьных учебниках не предлагается упражнений с текстами подобного характера. Редко можно встретить их и в учебниках к вузовскому курсу «Русский язык и культура речи». Это делает востребованной разработку и включение в учебный процесс упражнений, задания к которым позволяют развивать у первокурсников следующие умения: понять структуру несплошного текста; определить характер связи частей информации, представленной в виде таблиц, графиков, схем; восстановить разорванные синтаксические связи; спродуцировать вербальные «переходы» от одной части информации к другой, отражающие логику развития мысли; преобразовывать сплошные тексты в несплошные. Эти умения отрабатываются при выполнении разного рода упражнений. Например, будущие соцработники получают такое задание:

Прочитайте информацию о причинах бездомности. Какие черты научного стиля иллюстрирует данный текст. Трансформируйте высказывание в формализованный текст-таблицу «Причины бездомности». Дайте определения выделенных терминов. В случае затруднений обращайтесь к словарю.

Первичные причины бездомности (почему люди становятся бездомными): семейные обстоятельства (38 %); мошенничество (в т.ч. при сделках с жильем) (19 %); отбывание наказания в местах лишения свободы (11 %); выселение (11 %); продажа жилья (10 %); личный выбор (3 %); неполучение жилья после детского дома (2 %); другие причины (6 %). Следует особо выделить такую отмеченную при исследовании причину потери жилья, как алкогольная или наркотическая зависимость.

Основанный на результатах исследования анализ показал, что вторичными причинами бездомности являются: дискриминация; делегализация; стигматизация. Однако комплексный анализ причин бездомности позволяет сделать вывод, что корневых причин бездомности две: отсутствие эффективных механизмов доступа к жилью и оставшаяся в наследство от СССР паспортно-регистрационная система, служащая препятствием для равного доступа жителей РФ к механизмам реализации ими прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, законами Российской Федерации, Конституциями и законами республик в составе Российской Федерации.

Итак, реализуя направление текстоориентированного обучения, согласно которому текст выступает как основное средство овладения речевой деятельностью, мы рассматриваем текст с трех сторон: с позиции говорящего/пишущего, с позиции слушающего/читающего и с позиции взаимодействия между участниками общения. Данный подход позволяет выделить не только традиционные характеристики текста, но и специфические, связанные с его коммуникативно-прагматическим пониманием: прослеживается связь текста с ситуацией общения, а также отражение в нем речевого поведения говорящего. Представление о тексте как коммуникативном процессе формируется у студентов при выполнении заданий, требующих анализа не только содержания, языкового и композиционного оформления текста, но и его ситуативной и социально-культурной обусловленности.

Для методики преподавания курса «Русский язык и культура речи» актуален вопрос, на каком текстовом материале обучать будущих специалистов-нефилологов. Следует отметить, что критерии отбора текстов во многом зависят от изучаемого модуля, от конкретной темы и от задачи, которую выполняет тот или иной текст. Например, на занятиях, актуализирующих знания и умения в области правописания, используются тексты, которые обладают естественной орфографической и пунктуационной насыщенностью; при изучении модуля «Слушание как вид речевой деятельности» востребованы тексты, разнообразные в акустическом отношении и т. д. Тем не менее можно назвать несколько общих критериев, положенных в основу отбора текстового материала: 1) профессиональная направленность текстов; 2) их образцовый в содержательном и речевом отношении характер; 3) познавательная и воспитательная ценность текстов; 4) их синтетичность, комплексность.

Безусловно, наиболее значимым для отбора текстов является первый критерий, соотносящийся с целевой направленностью обучения: формирование коммуникативной и профессионально-коммуникативной компетенции делает предпочтительным использование профессионально ориентированных текстов, содержание которых позволяет сделать объектом осмысления и коммуникативной интерпретации ключевые проблемы, связанные с будущей трудовой деятельностью студентов. Анализ учебников, программ, методических пособий свидетельствует, что профессионально ориентированные тексты обычно представляют собой научные тексты, в большей или меньшей степени связанные с профилем обучения, взятые, как правило, из учебно-справочной или научно-популярной литературы. Ведутся лишь споры о том, каким из них (узкоспециальным, общенаучным или научно-популярным) отдать предпочтение. Одни ученые (А. Л. Луговая, З. Р. Разилова, Р. В. Роговина и др.) считают, что будущему специалисту в первую очередь нужно умение работать со специализированными источниками, так как они несут наиболее актуальную для студентов информацию. Другие (Е. А. Блиновская, Г. И. Володина, Е. Е. Жуковская, Н. И. Колесникова, Н. М. Лариохина и др.) полагают, что обучение должно вестись на научно-популярных текстах как более легких для восприятия с частичным включением общенаучных текстов. Третьи (Л. А. Константинова, Н. В. Нефедова, А. А.

Данцев) убеждены, что учебные тексты должны представлять собой образцы литературы профильного характера: естественно-научные, научно-технические, экономические. Представители этой позиции аргументируют ее тем, что «в первые годы получения профессионального образования студенты-нефилологи не сталкиваются с узкоспециальной информацией..., научно-популярные же тексты, изобилующие экспрессивными и эмоционально-оценочными языковыми средствами, употреблением слов в образном, переносном значении, на этом этапе обучения затруднительны для понимания» [2:7].

Каждая из указанных позиций не лишена оснований и заслуживает внимания при разработке профессионально ориентированной методики обучения. Тем не менее, отбирая текстовый материал для обучения, мы в большей степени опираемся на позицию некоторых ученых в области преподавания иностранного языка, считающих, что курсы, построенные на фрагментах из литературы, предназначенной для использования студентами в обучении или специалистами в их профессиональной деятельности, малоэффективны, так как не охватывают всего разнообразия текстов, с которыми студентам придется иметь дело в будущей профессии [6]. Разделяя данную позицию, мы полагаем, что с точки зрения лингводидактики профессионально ориентированные тексты должны пониматься более широко, и относим к ним весь спектр типов текстов, имеющих отношение к будущей профессии обучаемых. Наряду с фрагментами из учебников, учебных пособий и справочной литературы по профильным дисциплинам в содержании обучения используются деловые письма, деловые бумаги, научные доклады, рекламные тексты, служебные телефонные разговоры, резюме, интервью и другие научные, официально-деловые, публицистические тексты в их жанровых разновидностях (выбор последних зависит от будущей специальности обучаемых). Предлагаемые для восприятия и продуцирования тексты разнообразны по форме (устные и письменные), по виду речи (диалоги и монологи), по типу речи (описание, повествование, рассуждение), по структуре (сплошные и несплошные).

В качестве профессионально ориентированных текстов привлекаются нами также фрагменты из художественно-публицистической и художественной литературы профессиональной тематики: юридической, экономической, социальной. Это обусловливается рядом при-

чин. Во-первых, в художественных произведениях нередко встречаются профессиональные диалоги, происходящие в условиях неформального общения. Такие тексты выступают в качестве иллюстрации особенностей употребления профессионально маркированной лексики неофициального характера (профессиональных жаргонов, профессиональных диалектизмов). Во-вторых, в художественных произведениях, как правило, представлена не только речь персонажей, дается также описание речевой ситуации. Это позволяет обратить внимание на коммуникативно-прагматические характеристики текста, увидеть зависимость речевого поведения говорящих от условий общения и от социальных ролей его участников. Наконец, информация о профессии, излагаемая в художественных и художественно-публицистических текстах доступна по форме и занимательна по содержанию, что способствует воспитанию интереса к предмету.

Мы рассмотрели первый, наиболее важный для нашей методической системы, критерий отбора текстов – их профессиональную направленность. Кратко остановимся на других критериях. Вторым критерий отбора – образцовый в содержательном и речевом отношении характер текстов – очевиден. Анализ речевых произведений, соответствующих всем требованиям правильной, этически корректной и коммуникативно-целесообразной речи способствует совершенствованию навыков культуры речи. Речевые высказывания, образцовые с точки зрения типологических, стилистических, жанровых особенностей, позволяют наиболее эффективно освоить текстовые закономерности и впоследствии применить их на практике в процессе создания речевых произведений. Модели, наилучшим образом отражающие логико-смысловую структуру текста, способствуют узнаванию типа его коммуникативной организации, обеспечивают возможность ориентироваться в текстовой информации, значительно облегчают понимание текста, делая его более полным, глубоким, точным. В соответствии с третьим критерием подбираются тексты воспитывающего характера, тексты, которые формируют положительное отношение к будущей профессии, воспитывают уважение к специалистам в той или иной сфере деятельности (тексты-биографии, интервью, очерки), убеждают в необходимости соблюдения норм профессиональной этики. Синтетичность текстов позволяет предлагать студентам задания для многоаспектного анализа речевого произведения, в рамках которого текст выступает как целостная система коммуникации.

Итак, принцип текстоцентризма, согласно которому текст выступает как основное средство овладения речевой деятельностью во всех ее видах, позволяет анализировать и создавать речевое произведение с учетом его коммуникативно-прагматического понимания, ситуативной и социально-культурной обусловленности, а применение на занятиях преимущественно профессионально ориентированных текстов делает объектом осмысления и коммуникативной интерпретации ключевые проблемы, связанные с выбранной профессией, готовит к решению коммуникативных задач, с которыми могут столкнуться будущие специалисты, способствует освоению ценностных ориентиров в будущей трудовой деятельности.

-
1. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: сборник. М. : Просвещение, 1992.
 2. Константинова Л. А. Лингводидактическая модель обучения студентов-нефилологов письменной научной речи : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02. Тула, 2004.
 3. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта: Наука, 2003.
 4. Мишатина Н. Л. Концепт как средство развития будущих учителей-словесников: сайт. URL: <http://www.ostu.ru>.
 5. Обучение русскому языку в школе : учеб. пособие для студентов пед. вузов. М. : Дрофа, 2004.
 6. Поляков О. Г. Концепция профильно-ориентированного обучения английскому языку в высшей школе : дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Тамбов, 2004.
 7. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов : учеб. пособие. М. : Высш. шк.: ИНФРА-М, 1998.

ФИЛОЛОГИЯ

А. Б. Бушев

Язык как основание и индикатор идентичности

УДК 81:572

Работа обсуждает современную языковую личность россиянина, проливая свет на лингвистические маркеры идентичности. Изменения вербального поведения, отражающие динамику идентичности современных россиян, продемонстрированы на примере нескольких сфер – как профессиональных (вербальный лексикон экономики), так и общекультурных.

Ключевые слова: идентичность, билингвизм, варваризмы, кальки, концепт, коммуникация, языковая личность

A.B. Bushev. The Language as the Basis and Marker of Identity

The paper discusses the current linguistic personality (Sprachenpersoentlichkeit) of Russians, shedding light upon linguistic markers of identity. The changes in verbal behavior are illustrative of social dynamics in the modern society. The author dwells upon the examples in Russian economic discourse, showing the changing concepts and linguistic changes per se – i. e. barbarisms and calks reflecting socio-cultural transformation in the language. The author tries to single out the spheres which are illustrative of changing modern Russian verbal behavior. The latter are connected not only with professional discourses but with changing culture and cultural literacy.

Key words: identity, bilinguals, concept, calks, barbarisms, Sprachenpersoentlichkeit, concepts

Вопросы культурной идентичности и «чужеродности» культуры особенно актуальны в последнее время в связи с массовой миграцией в национальные государства и страны иммиграции (настолько значительной, что между этими двумя категориями стран стираются различия). Э. Эриксон писал о психосоциальной идентичности. Эта концепция получила расширение в этнологии, культурной и социальной антропологии. Культурная идентичность понимается как принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующее ценностное отношение человека к самому себе, другим

людям, обществу и миру в целом. Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии индивидом соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций [1; 5; 7] и языка, понимания своего «Я» с позиции культурных характеристик в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества. Основанием культурной идентичности является идентичность языковая, язык же индивидуальной и коллективной личности хорошо иллюстрирует социальную динамику. Именно это положение будет проиллюстрировано нами на примере современного русского дискурса в области экономики и культуры.

Дополнительная языковая способность («родной русский плюс лингва франка английский») в наше время сознательно культивируется – в связи с задачами конкуренции на глобальном рынке труда, социальными потребностями личности. В этом необычность существующей в эпоху глобализации диглоссии. На индивидуальном уровне языковой личности свойственен неполный билингвизм.

Связь между языком и культурой, как известно, носит двусторонний характер. Например, вынужденный билингвизм влияет на оргкультуру. Диглоссия отражается, прежде всего, лексическим пластом современного русского языка. Языки взаимодействуют в сознании неполного билингва, у русской языковой личности наблюдается обратная интерференция, а в языке – интеркаляция. Показателен феномен «русклиш» (рунглиш, англофеня) – новая смесь теперь уже английского с нижегородским.

Приведем показательный пример. Одним из распространенных процессов в языке российских СМИ последних лет стало обильное появление варваризмов. Часть из новых заимствований привносятся в язык в силу того, что не существует слов для самих понятий (*сканер*), часть как эвфемизм («*фанд-рэйзинг*» вместо «*идти по миру*», «*секьюрити*» вместо «*обслуга*»), часть – из дурной моды отказываться от своего. Возьмем современный российский учебник в области экономики и управления в туризме – он полон транслитерированных заимствований, не вполне укоренившихся в языке и имеющих русские аналоги: *инкаминговый туризм, теории нейминга, туроперейтинг, дестинация, рекреационные возможности, кейтеринг...* Практика перевода деловой корреспонденции также заставляет вдумываться в языковую и культурную идентичность переводчиков. При этом ха-

рактарны не просто заимствования, а такие заимствования, которые говорящие воспринимают как не совсем родные, хотя никто не призывает отказываться от реалий, от экзотизмов, от терминов, от вполне вошедших в русский язык и нашедших в нем свое лицо заимствований.

За последние годы в связи с тем, что массовая культура стала проводником политики мультикультурализма, язык в целом, а именно пласт молодежной лексики и жаргона обогатились следующими прописавшимися транслитерированными и не всегда приспособленными по форме к нормам русского языка заимствованиями: *сконнектиться, смоук, спикать, стейс, стритен-герл, тэйбл, тин, трэшер, фазер-мазер, фак-сейшн, файновый, фэн, фейс, френд, форэвер, форин, фейсушник, хич-хайк, шузы*. Показательно транслитерирование в письменных фактурах речи (*процент сатисфакции туристов, съют, свит, квартира-студия, продюссировать, аутсорсинг, трансфер, гест рилейшнз, пиар, паблик рилейшнз, блоггинг, геоблоггинг, самопрезентация, это ноу-хау, «Мерчандайзинг глазами клиентов аптечных пунктов», тайм-менеждмент, трафик*).

Характерен лавинообразный рост пласта заимствований в лексиконе русской языковой личности периода глобализации из области микро- и макроэкономики, международного маркетинга, менеджмента, туризма, антикризисного управления, розничной торговли, управления персоналом, финансов, управления фирмой, конкуренции, деловой культуры, фондового и инвестиционного рынка, импортно-экспортных операций, предпринимательства, рекламы, бизнес-медиа, брэндинга, стратегического управления, лидерства: *инсайдер, агрессивная рекламная кампания, мерчандайзинг, маржа, альянс, бенефиты, билборд, лояльность брэнду, кэширование, СЕО, консорциум, коллапс, потребительское поведение, конкурентное преимущество, канал распределения, дресс-код, драйв, хайринг персонала, рекрутинговое агентство, фокус-группа, франшиза, гудвил, ниша рынка, заявление о намерениях, рецессия, резюме, биржевые спекуляции, уникальное товарное предложение*. При этом оперирование этими языковыми единицами отражает экономическую реальность глобализации.

Барваризмы – примета стремительных языковых изменений в обществе и СМИ: *приватизация, маркет, менеджмент, депозит, ваучер, монетаризм, гиперинфляция, инвестиции, эмиссия, трансфер,*

фьючерс, фандрайзинг, брэндинг, франшиза, франчайзинг, экстремизм, миллениум, ГКО, холдинг, транш, депозит, лизинг, хит, риелтор, брифинг и т. д. Есть мнение [15], что здесь мы сталкиваемся с семантическим явлением: специально изобретенный язык, изменяющий или затемняющий смысл знакомых слов. Наблюдается засилие иностранной лексики, в том числе сниженной, употребляемой к месту и не к месту – *нюсмейкер, секьюрити, хедлайн, ридер, бибиситтер, кастинг, киллер, промоушен, мерчандайзинг, фандрэйзинг, маркетинг, брэндинг, менеджер* вместо *продавец*; вплоть до смешного («Ильич – бренд нашего города» об Ульяновске).

Явление открытости языкового сознания русской языковой личности (вероятно, то самое, замеченное еще Ф. М. Достоевским) как находит свое отражение в вербальном поведении языковой личности, так и закрепляется в лексическом фонде современного русского языка, вызывает изменения в концептуальном фонде (появление новых концептов, модификация старых).

Коммуникация служит задаче поддержания сообщества на уровне максимальной информационной и смысловой открытости для входящих в него людей. В современном мире говорят о глобализации – постоянно идущем историческом процессе гомогенизации и универсализации мира, «размывании» национальных границ, вестернизации и универсализации культурных образов в «глобальной деревне». Исследователи все-таки прибегают к метафоре «салата», а не к метафоре «плавильного котла», описывая неравномерность глобализации и неоднородность западной культуры, принятой за стандарт.

В этом аспекте привлекает внимание исследователей связь языкового обучения с организационной культурой (например [14]). Отметим саму дидактику методов организационной культуры. Это кардинальная смена материалов для чтения, насаждение нового языка, новых понятий, ценностей, сравнений. Овладеть социокультурной компетенцией необходимо от транслитерированных заимствований (*брэндинг, мерчандайзинг*), до прецедентных текстов, до восхождения к концептуальной системе (когнитивная система концептуальных представлений). При этом культурные различия не барьер, а дополнительные возможности развития. Процесс аккультурации новых членов организации и есть усвоение ими норм корпоративной культуры. Ха-

рактенно само название работ типа *Acculturation in the Workplace: Newcomers as Lay Ethnographers*.

Среди механизмов передачи корпоративной культуры есть вербальные – как официальные, так и неофициальные. В широком смысле – надо предполагать, как принято думать, учиться, меняться.

Рассмотрим элементы мультикультурализма в составе русской языковой личности на примере нескольких концептосфер (маркетинга, поп-культуры и т. д.).

Сегодняшний интерес и к среднему россиянину – носителю русского языка, и к идеальному носителю языка не ограничивается русской национальной личностью и уж тем более фольклорной языковой личностью [6]. Представления современного россиянина далеки от национальной картины мира в фольклоре (*красна девица, добрый молодец*, кочующие из исследования в исследование, посвященных языковой картине россиянина), в мифологических, ритуальных, культурных практиках, во фразеологии. Все вышеуказанное – лишь часть национального сознания современного россиянина, порой фрагментарная. Это связано с вопросами глобализации, с культурными и человеческими контактами, с языковыми контактами, с резко возросшим темпом жизни, сменой общественно-политических реалий в России. Показательна эклектика национального сознания, эклектика национальной идеологии. Конституция РФ прямо провозглашает отсутствие в России единой государственной идеологии. Куда там графу Уварову и его современным последователям с триадой «православие – самодержавие – народность»! Это дало повод А. А. Зиновьеву назвать наше общество «рогатый заяц» – смесь западной идеологии, советизма и дореволюционной идеологии. Это проявля-ется и на языковом уровне: *Кадетский корпус располагается на улице Советская, идут гимназисты с улицы Желябова смотреть «Индиану Джонс»*, коммунисты из атеистов стали *верующими коммунистами*, при всей критике «*кошмарных девяностых*» мы пользуемся ельцинской конституцией и основными завоеваниями девяностых, с удовольствием ездим на Запад, кишащий врагами, мечтающими ослабить Россию, денежные средства российское правительство хранит в чужих чулках и т. д.

Современная языковая личность россиянина представляет собой поликультурную личность, в основании которой находится русская

национальная личность. Наблюдения и описания показывают значимость других языков и культур в языковой жизни современного носителя русского языка. Национальная картина мира неизбежно дополняется другими картинами мира, преобразуется у большинства представителей российского социума. Показательна успешность личностей, демонстрирующих эмпатию других культур, двуязычие. Здесь теоретическую основу этого явления представляют мультикультурализм, межкультурная коммуникация, европейская языковая политика, множественная идентичность (национальная, культурная, корпоративная, гендерная, социальная, семейная, часто пересекающиеся).

В связи с фактором времени исследования ценностей русских, базирующихся на исследовании классической литературы, религиозной философии, фразеологии, наследия В. И. Даля, фольклористики, имеют лишь историческое значение: такими были россияне. Есть реликты этого в картине мира современных представителей нашего социума. Однако новыми или «новыми старыми» в современной картине мира (и это находит отражение в том числе и в языковой картине мира) являются целые пласты менталитета (концепты *суд присяжных, акционер, социальное государство, прайваси, папарацци, экуменизм, агностицизм, Евросоюз, маркетинг, менеджмент, космос, мегаполис* и мн. др.). Изменяют свои дефиниции и концепты: *омбудсман* – в буржуазном обществе защитник прав человека (дефиниция БСЭ), *либерал* – болтливый трус (словарь Д. Н. Ушакова).

Относительный и абсолютный билингвизм, учет фактора многоязычности России, учет миграции не позволяют говорить о том, что все члены российского социума обладают исключительно национальной картиной мира. Ее дополняет их национальная идентичность, глобальная англоязычность. Указания на черты русской картины мира, высказанные религиозными философами начала XX в., могут быть нереалистичны в силу социальной динамики, смены идеологии. Даже русская классика отстает от современной «культурной» и социальной ситуации [2]. Между прочим, это демонстрирует сам язык даже экранизаций классических художественных произведений (*«Прошу вас умерить свои выражения. Сдержитесь. Его ослепила ревность. Накажите его милосердием. Слышу десницу Божию. Если простить решитесь. Уста ее говорили гордые, а не сердце и т. д.*). Этот при-

влекательный великий ценностный мир, к сожалению, воспринимается современной русской языковой личностью как архаика.

Увеличение культурных контактов, влияние их на систему образования, открытое общество, знание как классических, так и массовых культур зарубежных стран, влияние транснациональных культур профессиональных страт (субкультура компьютерщиков), деятельность системы образования по воспитанию эмпатии и понимания межкультурного диалога, реалии Интернет-общения, рекламы оказывают большое влияние на языковую личность россиянина.

Воздействуют и коммуникация в невербальных искусствах, и классическая и поп-музыка. Скажем, популярность джаза и рока англоговорящих стран без труда вызовут длинный ряд имен и мелодий в сознании современного россиянина. Напротив, концепты *Достоевский*, *Солженицын* вызовут сложный ряд ассоциаций у читателей всего мира. Дополняется эта кросс-культурность сегодня впечатлениями и представлениями из области повседневной жизни, туризма, дизайна, кулинарии, кино, поп-культуры. Языковым коррелятом выступает в индивидуальном вербальном лексиконе русской языковой личности множество освоенных заимствований слов, новых концептов русской языковой личности.

Показательные примеры развития языкового сознания русской языковой личности эпохи глобализации приводятся в серии наших работ, посвященных профессиональному экономическому лексикону и вербальному поведению русской языковой личности в современном русском экономическом дискурсе [3; 4]. Настоящий этап экономических преобразований в России характеризуется декларативным и фактическим отказом от административно-командного типа экономики и планирования, декларацией и внедрением принципов рыночного поведения, мышления. Так как собственных специалистов по рынку двадцать лет назад не было, широко и порой заимствовались и индоктринировались принципы экономики государств с рыночным хозяйством. Несмотря на критику свободного рынка в последние годы, критику неприменимости модели западного экономического образования, образование типа программ МВА остается престижным и востребованным, а в ряде отраслей экономической деятельности – банковское дело, биржевое дело, маркетинг, франчайзинг – единственно

возможным. Усвоение знания осуществляется путем индоктринации концептов, критического заимствования практики.

Так, любое определение маркетинга зиждется на следующих ключевых понятиях: *needs, wants and demands, products, utility, value and satisfaction, exchange, transactions and relationships, markets, marketers*. Показательно эквивалентны основные формы организации бизнеса и их аналоги в отечественной деловой культуре – *individual proprietorship, sole trader, sole proprietor, plc, franchising*. Соответственно в лексиконе появляются *индивидуальный предприниматель, франшиза, хозяйственное общество, открытое акционерное общество* или окончательно подзабытые *коммандитное товарищество, товарищество на вере, фирма* и т. д. Специфика банковского обслуживания выражается в тождественных ходовых концептах – *credit card, account debit card, electronic cash tills, computer on-line banking, merchant banks* и *кредитная карта, дебитовая карта, банкомат*. Интернациональны концепты «средства оплаты» *чек, аккредитив, инкассо, cash, cheque, credit, standing order, hire purchase, коносамент = bill of lading, инкассо, счет-фактура = invoice*.

Основные концепты экономической науки стандартны – *inflation, cost-push inflation, demand-pull inflation, marketing management, advertising, societal marketing*. Стратегии ценообразования лишь получают перевод в русском языке – *cost-plus pricing, price discrimination, pricing strategies*.

Итак, в русском языке просто появляются общепринятые эквиваленты вышеназванных терминов, переводы их дефиниций. Это магистральный путь расширения концептуальной системы экономики в силу вышеуказанных условий. Характерной приметой времени в русской экономической дискуссии выступает сегодня использование множества транслитерированных и транскрибированных терминов из английского языка.

Обращает на себя внимание принципиальная новизна исследуемого дискурса на русском языке, в устах русской языковой личности не имевшего аналогов до семидесятых годов двадцатого века. Так, в середине семидесятых годов в рамках Торговой палаты начали изучать маркетинговые идеи. Были переведены на русский язык работы, ставшие Библией маркетинга (например, классический учебник Ф. Котлера «Маркетинг»). Маркетинг был институализирован, приня-

ты его идеи – продавать то, что потребляется, а не потреблять то, что производится. Сам маркетинговый подход был нов [11]. Дальнейшее развитие характеризуют изменения в потреблении, развитие сервисной экономики, крушение социалистического планового хозяйства, отпуск цен и т. д., укоренение идеи потребителя, диктующего действия производителя, идея экономической свободы и частной собственности (бывшей табу, ее стыдливо заменяли *личной собственностью* еще при жизни ныне живущих поколений).

Характерна смена парадигмы экономического мышления, смена концептов. Обращает на себя внимание, что в экономическом дискурсе нет ссылок – за редким исключением – на отечественные работы периода послевоенного времени до начала перестройки. Работы Н. Д. Кондратьева о больших циклах оказались актуальнее работ армии экономистов, имевшихся в стране на момент объявленного перехода к свободному рынку. Показательна широкая рецепция работ Чикагской школы, понятийных категорий монетаризма в современных учебниках по экономической теории [8].

На языковом уровне это проявляется в многочисленных транслитерациях (*кейс-стади, транзакция, супервизирование, бренд, маркетинг-менеджмент, дилеры, дистрибьюторы, холдинг, логистика, трейд-маркетинговые акции, промоакция, мерчандайзинг...*).

Характерно формирование гибридных терминов, содержащих экзотизмы, показательна неясность понятий, скрывающихся за широко применяемыми аббревиатурами: *CRM-система, PR-акции, в2в, BTL-деятельность, FMCG-холдинг, CEO*, именами собственными или эпонимами *Nikkei, Dow-Jones average, London Stock Exchange, AMEX, New York Stock Exchange, Clearing House*.

Впечатление текста переводного характера создается у читателя благодаря использованию калек: *ориентация, продвинутый, позиционирование, стратегическое видение, клиент-центрированный, корпоративная культура, идентификация, установление контактов с потребителями, укрепление лояльности потребителей, агенты, делегирование полномочий, скорректировать имидж, потребительская панель, ранжирование поставщиков, аспекты лояльности в бизнесе*.

Приведем пример, как понятийные категории, концепты русского экономического дискурса появляются в результате рецепции из англоязычного экономического дискурса. Так, понятие *УТП* – уни-

кальное товарное предложение – калька английского *unique selling point (USP)* – впервые было введено в работе известного американского рекламиста Р. Ривса «Реальность в рекламе».

Концепты экономического дискурса новы и сложны. Приведем пример, как сами концепты могут быть заимствованы. Так, нов и сложен концепт *корпоративное управление* [12]. С учетом имеющихся определений данного понятия, можно выделить в качестве участников системы корпоративных отношений менеджеров, различные группы и категории акционеров и т. н. «другие заинтересованные группы» (кредиторы, персонал, партнеры, местные сообщества, власти и пр.), а в качестве основной задачи – обеспечение деятельности компании в интересах указанных участников этих отношений. Обратим внимание, что в вышеуказанном перечислении английский термин *stakeholders* получает эквивалент на русском: *иные заинтересованные группы*. Двадцать лет назад бессмыслен был текст, подобный следующему: *Задачей является реализация корпоративным секретарем своих основных функций – обеспечение созыва, подготовки и проведения общего собрания акционеров*. До акционирования предприятий в эпоху перестройки вне вокабуляра и концептуального аппарата русской языковой личности находился, например, и столь простой сегодня концепт «*владелец контрольных пакетов акций*».

Наряду с общераспространенными терминами (например, *спрос*) обращает на себя внимание терминологическая перенасыщенность экономического дискурса узкоспециальными, малопонятными терминами:

В соответствии с вступившим в силу в декабре 2004 г. Приказом федеральной службы по финансовым рынкам, российские биржи должны разработать и принять новые правила листинга, которые, в частности, предусматривают, что для включения в котировальные листы категории А первого и второго уровней их эмитенты обязаны соблюдать наиболее важные из рекомендаций Кодекса корпоративного поведения.

Характерно также большое количество имен собственных, эпонимов, многочисленное количество упоминаний различных теорий (экономический империализм, теория институционализма, продолжатели Хайека, неоклассики, кейнсианство, чикагская школа, Фридмен, модель Харрода–Домара, модель ISLM, вальрасианская теория

равновесия, новая теория роста Ромера и Лукаса и т. д.). При этом опыт понимания таких текстов показывает, что прецедентные имена и тексты, воспринимаемые говорящим в качестве коллективного знания адресатов и адресантов этого вида медийного дискурса, не всегда понятны реципиенту текстов, имеют индивидуальные значения в индивидуальном лексиконе.

Особенности дискурса – новизна, большое количество заимствованных мировых идей и концептов, проявляющихся в заимствовании терминов, транслитерации, калькировании, неясность семантики общих терминов, характерная для социального дискурса в целом («*laissez faire*», «*кейнсианство*» понимаются по-разному разными исследователями). Экономистам, выступающим с объяснениями и прогнозами в масс-медиа, справедливо адресуются упреки в сложности, непонятности текстов СМИ. С этим связаны и переводческие трудности – необходимость избегать нагромождения транслитераций, толковать эпонимические названия, понимать семантику термина.

Злоупотребление англоязычной терминологией порой маскирует отсутствие самостоятельного мышления, усвоение истин извне, без критической оценки, пустоту речи, скрывающуюся за оригинальным, не всегда доступным декодированию «фасадом»: *легальность, легитимность, промоушен, коммиссионер, индемнитет, ратификация, конвенционный, компетенция, консигнация, консорциум, контрагент, контракт «продакин шеринг», контроферта, конъюнктура, котировка, транзиция, лаг, ликвидность, либерализация, лизинг, ликвиды, лимиты...*

Переводоведческую проблему представляет перевод неассимилированных слов и заимствований. Характерной приметой выступает сегодня использование множества транслитерированных и транскрибированных терминов из английского языка *дисбурсментский счет, аудит = ревизия, авуары = денежные средства, акт сюрвейера = наблюдателя, супервизирование, аутсайдер, диверсификация экспортной базы, ликвидность, банковская интервенция, консорциум, холдинг, банк-ремитент, бартер, бенефициар, брокер, брокераж, чартер, валоризация, капитализация, толлинг, дисконт, тендер, клиринг, менеджер, маркетинг, брэндинг, франчайзинг, франшиза, лизинг, мониторинг, мерчандайзер, варрант, котировка, локаут, преференциальные льготы, ноу-хау лицензиара, брокерские операции, консигна-*

ционные операции, опкольная операция (on call), опцион, бонусное отчисление, банк, расположенный в оф-шорном финансовом центре, хеджер, фондовый рынок, гудвил, консолидированный, солидарный, субсидиарный, консигнационный агент, флуктуации рынка, маржинальный доход, лицензия, депозитарий, детенишен, дилер, риэлтер, дистрибьютер, дивиденд, дисконтер, ипотека, презентация, консенсус, рецессия, римесса (remittance), роялти, свинг, свог, тайм-чартер, тарифы, таксатор (tax-collector), тендер, терминал, транзит, трансферт, фондирование, форфейтинг, фри-аут, хайринг, инжиниринг.

Подобно транслитерации варваризмов к сходным семантическим явлениям в газетах мы относим необоснованно частое и не вызванное объективными потребностями речевого поведения калькирование англоязычных терминов, особенно терминов-словосочетаний: *валюта, привязанная к доллару (currency pegged to dollar), расширять продажу (expand = extend sales), платеж против аккредитива (payment against a L/C), оценка по критерию цена-качество (cost effectiveness = рентабельность), одобренный банк (approved bank), длинные кредиты (long money), колеблющаяся валюта (fluctuating currency), свободно плавающая валюта (freely floating currency), пролонгированный (продленный вексель) (extended = prolonged bill), эскалация цен (price escalation).*

Необходимость объяснительного перевода может быть связана с недостаточной популярностью транслитерированного заимствованного термина:

Бидер = участник торгов

Бэквардэйшн = биржевая игра на повышение

Дамнификация = причинение ущерба (damnification)

Демпинг = *dumping* = продажа товаров по искусственно заниженным ценам, например, с целью проникновения на рынок

Деривативы, дериваты – производные финансовые инструменты, например, опционы, фьючерсы

Дивиденд = часть прибыли предприятия, распределяемая между акционерами

Ремитент = лицо, на чье имя переводится вексель

Франчайзинг = форма предпринимательства, при которой крупные корпорации – франчайзеры – привлекают мелкие фирмы – франчайзи – для сбыта своей продукции

Фьючерс = срочная сделка купли-продажи биржевых товаров по действующим ценам с оплатой в будущем

Фрахт = плата за перевозку груза водным или воздушным путем

Оценим потенциал метафоризации при создании терминов (семантический способ словообразования), нуждающийся в расширительном толковании реалии на русском языке при вхождении в концептуальную систему языка:

Flower bond амер. «цветочная облигация», казначейская облигация, принимаемая налоговыми властями в уплату налогов на наследство по номинальной стоимости

Chinese wall «китайская стена» – разграничение функций между отделами брокерской компании, занятыми инвестиционной деятельностью, и отделами, занимающимися куплей-продажей ценных бумаг

Daisy chain «гирлянда» – фиктивная торговля ценными бумагами между дилерами

Golden hello вознаграждение, выплачиваемое фирмой для привлечения ведущего сотрудника конкурирующей фирмы

Golden handcuffs – соглашение между брокером и брокерской фирмой, по которому брокер при переходе на другую фирму обязан вернуть значительную часть вознаграждения, полученного на данной фирме

Linkage = линкидж – покупка/продажа контрактов на одной бирже с последующей покупкой /продажей на другой

Fill-or-kill order – приказ брокеру купить или продать финансовый инструмент, который должен быть немедленно исполнен или аннулирован

Bulldog securities = ценные бумаги «бульдог», выпущенные на лондонском рынке нерезидентами

Sweetener = «подсластитель», повышение привлекательности ценной бумаги

Ошейник – фиксированный максимум и минимум процентной ставки в облигационном займе

Даун-тик – сделка с ценными бумагами ниже цены предыдущей следки

Облигация **кролик** – с реинвестиционным купоном, облигации **матильда**, **матадор**, **голубые фишки**, **быки**, **медведи**, **золотой парашют**... Примеры могут быть легко продолжены.

В деле формирования социокультурной компетенции участвуют и другие генераторы социальности. Глобальная культура – мощнейшая составляющая жизни и языка, общественного и индивидуального сознания и коммуникации, мост в новый век.

Межкультурная коммуникация возможна без знания языка – например, не знающие языка культуры-носителя могут ориентироваться на национальные образы в музыке, национальные пластические искусства.

Приведем примеры из области экзотической восточной культуры, вызывающей интерес у современных россиян. В кино незнание японского языка не мешает нам оценить «японскость» фильмов Т. Китано про якудзу, также как, впрочем, мы можем оценить и американский вестерн, итальянский неореализм, иранское кино, европейское кино.

Межкультурная коммуникация возможна на основе переведенных произведений – известна «американскость» переводов Хемингуэя, мир Бальзака, мир Диккенса, русский психологический роман.

Межкультурная коммуникация может отсутствовать и при знании языков – например, химик интересуется иноязычными текстами по специальности. Но, уже слушая новости, он втягивается в межкультурную коммуникацию. В условиях железного занавеса схоластическое изучение грамматики не давало никаких шансов развитию межкультурной коммуникации.

Макаронический язык современного международного бизнеса демонстрируется материалом современной русской беллетристики. Например, разговорный язык вестеринизированных героев С. Минаева пересыпан английскими словами:

– *И ты собираешься уехать в Штаты?*

– *Еще пару лет, honey. Получу head of purchasing, осуществляю some investments и все. Быстро сделать карьеру и состояние можно только в России, you know, а делать investments и жить я хочу в America.*

– *Ты решил отменить совещание?*

– *Management meeting? Совещание? Нет, honey, солнце мое. Просто тут у меня ... – you know – порезал десну. Да мне тут на reception desk ... секретарши дали drug...из аптечки.*

Ленка. Я тебя умоляю. Все cool. Лена, relax, что такого произошло?

Клавишей Escape мне служили книги, привезенные мамой из Russia.

«Экспаты» и «люди мира» – населяющие мир мультинационального бизнеса – показаны в качестве социальной группы в романах С. Минаева. Корпорация – это фабрика, где объектом производства служат *продажи, маркетинг, бюджет, статус, дистрибуция, корпоратив, бонусы, клиненты, компании*. Это мир, за который не грезится даже прыгнуть. Флажками этого мира являются *маркет-ресерч, филд – репорт, сейлз, аутсорсинг*. Кумиры героя находятся на Западе, в его речи отражаются пласты варваризмов, заимствований и англицизмов, являющихся синонимами престижности, продвинутости, потребления западных продуктов.

• *Prada Vogue café, Chateau Margaux, Vuitton, Plaza Athenee, Nobu, ZIMA, галерея. Ибице, Chivas Regal, crystal Roederee, Челси* – позывные тусовки, сигналы, посылаемые «продвинутым». Не обойтись без *Wi Fi* – для понимающего достаточно. На страницах книги фигурируют персонажи гламура – *Ян Шрагер и Стив Рабелл, Филипп Старк...*

Сложные образцы игры слов, интертекста, часто макаронического – признак городской культуры современного российского мегаполиса:

- *Как закалялся «style»*
- *Москва – город менеджеров на hold-e.*

Здесь читают глянец – меню удовольствий *GQ и Vogue, обсуждают party, night-people, spa-салон, сумки Tod's, товары Pal Zelieri Paul & Shark и все эти нескончаемые cartier – tiffany- alainsilberschtain.*

Соответственны аллюзии:

- *Из-за алчной неврастенички, вообразившей себя Хербом Ритцем.*
- *А на полу валяется дубленка, как в том клипе у Боно из U-2.*
- *Дальнейшее происходит как в боевиках Гая Риччи.*

Наш герой – Хомо брэндикус. Он – англоман, если под этим понимать знатока современной американской музыкальной культуры. *Достаю из шкафа бутылку «Dewars», залпом накапываю стакан. Вставляю в плеер диск с концертом Моррисси «Who put “M” in Manchester».*

Для нашего героя характернее совсем иной ассоциативный ряд:

Прикольные вещи из детства – вспоминается «Faserland» Кристиана Крахма. Хотел было выдать эту историю за свою. Да боюсь, не проканает за sweet meмос.

Я похож на Джастина Тимберлейка, хотя мечтаю выглядеть, как Джим Моррисон. Мои кумиры – Курт Кобейн, Микки Рурк и Моррисси. Ну еще немного Тупак Шакур. Нашу тусовку предал только Билли Коргнад, возродивший «Smokin Pumpkins».

Показательны аллюзии к фильмам:

- *Я хочу оказаться героем, которого играл Ривер Финикс в «Моем собственном Айдахо».*

Выше приведены лишь некоторые примеры, которые позволяют говорить о радикальном изменении менталитета, языковой картины, социолекта и разговорного языка после глобализации.

В связи с задачами межкультурной коммуникации В. А. Маслова [13] выделяет следующие предметы лингвокультурологии: безэкивалентную лексику и лакуны, мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке, паремиологический фонд языка, фразеологический фонд языка, эталоны, стереотипы, символы, метафоры и образы языка, стилистический уклад языка, речевое поведение, область речевого этикета.

Мы проводили исследование вербальных опор концептов японской культуры в сознании нашего современника. Так, к ним относятся японские куклы, церемония чаепития, сады камней, монохромная живопись, искусство каллиграфии, хайку, суши и сакэ, Акунин, Куросава, Мураками, самураи, дзен, икебана, мультипликация, эротика, айкидо, театр ноо, театр кукол бунраку и театр кабуки, рисовая бумага, гейши, сакура, кимоно, палочки для еды, Перл-Хабор, Хиросима, Мисима, Аум-Синрике, Киото, Фудзияма...

Или оценим, например, иконичность символов англоязычной кинокультуры в сознании современного россиянина:

Мэрилин Монро, Битлз, Элизабет Тейлор, Альфред Хичкок, Элла Фитцджеральд, Луи Армстронг, Барбра Страйзанд, Фрэнк Синатра, Нат Кин Коул, Одри Хепберн, Чарли Чаплин, Стэнли Кубрик, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Дзефиррели, Милош Форман, Ингрид Бергман, Дастин Хофман, Генри Форд, Вуди Аллен, Аль Паччино, Форест Гамп (Том Хэнкс), Майкл Мур, Юл Бриннер, Грегори Пэк., «Унесенные вет-

ром», Маргарет Митчелл, Скарлетт О'Хара, Ред Батлер, Глен Миллер, «Серенада солнечной долины», Джек Николсон, «Пролетая над гнездом кукушки».

Глобализация культуры затрагивает русскую языковую личность наших дней. Вот оказываешься у полки модного магазина, надо сделать выбор: Памук, Мураками, Буковский, Керуак, Коэльо, Лессинг, Рушди, Вишневский, У. Эко...

Важно, что значат эти имена, каковы первые ассоциации, которые возникают, какова освоенность этих имен в культуре. Актуальна способность представлять иностранную культуру для носителей родного языка (знание импликаций, лингвокультурем, идиоматики). Зеркальна способность презентировать родную культуру для инофонов [9; 10].

На фоне развития глобальной культуры отмечается и феномен фрагментаризации картины мира. Современная языковая личность далека от идеала, средний человек мало читает. В этой связи нами давно изучается феномен «новой неграмотности» – сочетание глобального и локального, невежественности в фундаментальном и осведомленности в узких вопросах, отсутствие панорамно-исторического подхода, аксиологии, декларация приоритетности вкуса и впечатлений.

Плюс наличествующие на этом фоне коммуникативные трудности. Затруднение вызывает творчество: задания «придумай», «сыграй в ролях», «представь» вызывают ступор. То ли дело ставшие привычными с легкой руки отечественных чиновников из Минобразования рейтинги и тесты.

В свое время с этим уже столкнулись США. Американцы оказались озабочены снижением уровня гуманитарной и технической культуры после того, как в СССР запустили спутник. «Как запускают спутник?» – так называлась экспозиция, знакомящая их с работой системы образования страны, запустившей спутник. Это заставило их обратить особое внимание на свою систему образования, принять так называемый «Закон об образовании ради национальной обороны» 1957 г. Тогда же в США родилась концепция «минимальной культурной грамотности» Хирша. Ученые определили, что должен как минимум знать каждый американец об истории и культуре своей страны.

Рассмотренный в разделе материал позволяет сделать следующие *выводы*. Категория языковой личности, описание которой начато в

науке трудами В. В. Виноградова, Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова, многих современных исследователей, – это то, что позволяет говорить о речедеятеле во всем многообразии его текстовой деятельности. Категория современной языковой личности россиянина в силу многих причин не исчерпывается фольклорной языковой личностью и русской языковой личностью. Источников мультикультурализма и искусственной социальности несколько, их влияние на русскую языковую личность и русский язык нуждается в пристальном изучении. С коммуникативной точки зрения важно представление о трудностях и специфике их преодоления, коммуникативные умения, понимания соответствий, эквивалентности на разных уровнях, феноменологической сущности и ценности явлений чужой, но не чуждой нам культуры.

-
1. Абушенко В.Л. Ценностные ориентации // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд. В. М. Скакун, 1999.
 2. Бушев А. Б. Русская литература XX века: изменение канона // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве: материалы конгресса. СПб., 2008. Т. 2. Ч. 2. С. 31–39.
 3. Бушев А. Б. Особенности учебного экономического дискурса // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. материалов IX Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Томск, 2009. Ч. 1. С. 83–86.
 4. Бушев А. Б. Язык, говорящий о социуме: русский медийный и художественный дискурс об экономике // Политическая лингвистика. 2009. № 3. С. 87–100.
 5. Бушев А. Б. Трансляция национальных ценностей и межкультурной эмпатии в образовании // Общество и этнополитика: материалы второй Международной науч.-практ. интернет-конф. Новосибирск, 2009. С. 167–174.
 6. Бушев А. Б. Актуализации в современной русской речи // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докладов IV Международной научной конференции. Минск, 2009. С. 85–87.
 7. Венедиктова Т. Д. Разговор по-американски. М. : Новое литературное обозрение, 2003.
 8. История экономических учений / под ред. В. Автономова и др. М., 2006.
 9. Кабакчи В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб. : Союз, 2001.

10. Кабакчи В. В. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб. : Союз, 2002.
11. Кеворков В. В., Кеворков Д. В. Практикум по маркетингу. М. : КНОРУС, 2008.
12. Корпоративный секретарь в системе корпоративного управления компании / под общей ред. И. В. Беликова. М. : Империиум Пресс, 2005.
13. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2004.
14. Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М. : Логос, 2002.
15. Сидоров В. Крапива на языке // Отечественные записки. Советская Россия. 2003. 28 авг. Вып. № 24.

Н. Г. Бобохидзе

Денацификация в поэтическом языке довоенного периода

УДК 801.6

В статье представлен довоенный период в поэзии России, изменения, происходящие в языке представителей различных поэтических школ и направлений. Свободное слово становится «авторитарным», а поэт вынужден творить на «заданные» темы. Потеря свободы слова приводит к денацификации языка, подмене истинных идеалов и подчинении свободного творчества господствующему режиму.

Ключевые слова: новое поэтическое слово, отказ от традиций, денацификация языка

N. Bobohidze. Denatification in the Poetical Language before World War II

In the article is presented a period in the Russian Poetry before World War II, its influence on the poetical language. At the same time in Russia worked the representatives of many different Art schools and directions as symbolism, akmeizm, futurizm and others. They created new own language that was clear only for their directions followers. Political forcing make many poets create absolutely opposite type of Art, other language, other images... We can call this language "authoritarian" and declare the period of its creating as the period of denatification in the poetical language.

Key words: new poetical word, refusing traditions, language denatification

Послеоктябрьский период, двадцатые годы во многом остаются загадкой истории. Самым важным вопросом был вопрос о старой культуре, о ее судьбе. Вся пестрота групп, поэтических школ того времени располагалась вокруг проблемы наследия. Так, если представители конструктивизма (идейно-эстетическое течение, образовавшееся в 1923 г. во главе с поэтом И. Сельвинским) отрицали искусство вообще как «нецелесообразное достояние немногих», то неоклассики (украинская литературная группа, возникшая в начале 20-х) выступали за «чистое искусство», подражали античным классическим образцам, беря за основу западное искусство и слог.

Новая культура проявляется, прежде всего, в новом поэтическом слове. Но как оно рождалось в «шумные» 20-е?

Старое искусство еще не изжило себя, два ритма накладывались один на другой: символисты Андрей Белый и Александр Блок работали с футуристами Велимиром Хлебниковым и Владимиром Маяковским, поэтами-комсомольцами А. Твардовским, Н. Заболоцким и др. В связи с таким многообразием поэт Н. Клюев назвал поэзию того времени «человеческий сад». В 20-е гг. была представлена программа создания нового искусства ценой уничтожения старого. Трагедия и вместе с тем героизм таких мастеров как О. Мандельштам, Н. Клюев, А. Ахматова и др. состояла в том, что они боролись за традиционные методы, за традицию как основу в разгульное время ее отрицания, в «железный век», сменивший «серебряный период». Эта традиция плавилась и представала в новом качестве. Ведь не случайно, что именно в этот период столько работ посвящено творчеству А. С. Пушкина (А. Блок, А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Пастернак и др.): Пушкин становится идеалом свободного слова и свободной личности.

Двадцатые годы XX века – время взлета мастерства поэзии, и это мастерство часто становится самоцелью. Не случайно, противопоставляя начинающую М. Цветаеву сторонникам «самовитого слова», Б. Пастернак писал: «Там, где словесность бессильно барахталась в мире надуманных схем и безжизненных архаизмов, Цветаева легко носилась над трудностями настоящего творчества, справлялась с его задачами играючи, с несравненным техническим блеском». В творчестве Н. Клюева завершилась традиция древних мастеров-сказителей, отзвучало сказово-притчевое слово, а в поэзии его ученика С. Есенина ожил весь народный фольклор, вся лирика деревни русской.

Другой оттенок представляет творчество Николая Заболоцкого, крупнейшего мастера философской лирики нашего столетия. Этот поэт показывал дисгармонию и гармонию самой природы, – природа «говорит» в стихотворениях этого автора особым языком. Краткость человеческой жизни среди огромного безмерного времени, вечное созвучие природы, ее загадочность и дерзкий разум человека – восторг и отчаянье перед «безъязыким» мирозданием:

*Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
Природы вековая давящая
Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее.*

Творчество Заболоцкого – это попытка установления гармонии в мире, преодоление человеческой «отчужденности» от природы, воздвигнутое культурой и цивилизацией.

В своих поэмах Заболоцкий воплотил утопию о братстве всех живущих на земле. Традиции и идеи пантеизма оживают перед читателем, а это действительно ценный вклад в философскую лирику природы:

*И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню. Поистине достоин
Иметь язык волшебный конь!
Мы услышали бы слова,
Слова большие, словно яблоки. Густые,
Как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются как пламя,
И, в душу залетев, как в хижину огонь,
Убогое убранство освещают.
Слова, которые не умирают
И о которых песни мы поем.*

Заболоцкий использует необычные сочетания, сравнения, заставляющие читателя визуально ощутить, представить этот мир, где «яб-
локи густые», а «молоко крутое» и «слова большие»... Говоря о по-
этическом языке 20-х, необходимо отметить колоссальное количество
неологизмов, возникших в результате измененной в экономической и
политической жизни страны и под влиянием лингвистических экспе-
риментов самих авторов:

*Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.
(«Русь советская», С. Есенин)*

*Мы выполняли пятилетку, мартены воспламеняя,
Не в пять годов, а меньше...
(«Владимир Ильич Ленин», В. Маяковский)*

*Страну Лебедию забуду
И ноги трепетных Моревен.
Про Конечарство, ведь оттуда я,
Доверю звуки моей цеве.
(«Война в мышеловке», В. Хлебников)*

Кроме неологизмов, в литературный язык вошло и много заимст-
вованных слов типа *трактор, диспетчер, миксер, троллейбус, фильм,*
комбинезон, такси, кино и многие другие. Из словарного состава ухо-
дят слова, связанные со старым укладом жизни: если в стихотворении
Саши Черного «Дух свободы...» встречается слово «полицейский», а
у Игоря Северянина в его «поэзах» – фрейлина, камердинер, дама,
паж и т. д., то в 20-е гг. такие слова совершенно уходят из активного
лексического запаса.

Не произошло коренных изменений в морфологической системе
языка, поскольку она менее других подвержена влиянию различного
рода факторов; не было и существенных перемен в сфере синтаксиса,
хотя здесь значительно активизируется разговорная модель языка.

Как выражает себя советская литература начального периода в
целом? По-прежнему, манией молодых литераторов, доказывающих

миру свою избранность и гениальность. Со времен Велимира Хлебникова и Игоря Северянина в литературе утверждается тип самозванного гения, «сверхгения», которого далеко не все способны понять. По сути, становится неважно, что и как писать, и именно поэтому со временем возникает проблема метода и стиля. Сознание, отраженное в творчестве, расщепляется на две идеи: «могу все» и «ничего не могу». Так и разделяется вся советская литература – она по-прежнему связана с индивидуальным сознанием писателя. Немного позже, ближе к 30-м гг. XX в. начнется насаждение того, что в литературе принимает название «социалистический реализм», в духе которого и следует работать каждому советскому литератору.

Революция 1917 г. и гражданская война породили плеяду молодых поэтов, бойцов революции, воспевавших героизм того времени.

Одной из главных тем в те годы становится «вечная» библейская тема – братоубийство. Образ Павлика Морозова, предавшего (или выдавшего!) свою семью, рождает нового героя. «Программными» произведениями становятся произведения типа «Баллада о четырех братьях» Джека Алтаузена:

*Второй мне брат был в детстве мил.
Не плачь, сестра! Утешься, мать!
Когда-то я его учил
Из сабли искры высекать...
Он был пастух, он пас коров,
Потом пастуший рог разбил.
Стал юнкером.
Из юнкеров
Я Лермонтова лишь любил.
За Чертороем и Десной
Я трижды падал с крутизны,
Чтоб брат качался под сосной
С лицом старинной желтизны.
Нас годы сделали грубей:
Он захрипел, я сел в седло.
И ожерелье голубей
Над ним в лазури потекло.*

Литература становится продолжением жизни. Классовая борьба разрывала между людьми все связи (в том числе и кровные). Об этом пишут многие и многие авторы: Блок, Теффи, Булгаков и др. Но какими словами преподносить акты убийства, то есть, как это описывать? – это очень важный принципиальный вопрос. Необходимо было создавать ореол романтичности, героизма и подвига главного героя... Интересно, что когда в годы НЭПа (Новой Экономической Политики) люди стали немного «отходить» от кровавых боев недавнего прошлого, наш главный герой «заскучал» – ему опять хочется в стихию столь полюбившейся ему войны. Об этом, например, повествует стихотворение М. Светлова «Перед боем»:

*Но крепче и крепче
Упрямая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.
Я рад, что, как рота,
Не спал в эту ночь,
Я рад, что хоть песней
Могу ей помочь.
Крепчает обида, молчит.
И внезапно
Походные трубы
Затрубят на Запад.
Крепчает обида.
Товарищ, пора бы,
Чтоб пуля взлетела
От штаба до штаба!
Советские пули
Дождутся полета...
Товарищ начальник,
Откройте ворота!*

Чего же хочет поэт, чего он просит у своего времени? Об этом – далее:

*И, радуясь мирной
Тихой обстановке,*

*На теплых постелях
Проснулись торговки.
Но крепче и крепче
Упрямая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.*

Один романтический герой скучает без войны, без битвы. Другой – воюет с НЭПом и мещанской жизнью. Так поступает лирический герой В. Маяковского «Про это». Маяковский старался при жизни воздвигнуть себе столп и обессмертить свое имя:

*Жду,
чтоб землей обезлюбленной
вместе,
чтоб всей
мировой
человечьей гущей.
Семь лет стою,
буду и двести
стоять пригвожденный,
этого ждущий.
Улет на мосту
на призренье
на смех,
земной любви искупителем значась,
должен стоять,
стою за всех,
за всех расплачусь,
за всех расплачусь.*

В 20-е гг. был создан образ героя – «супермена» революции, который и в военное, и в мирное время, одинаково твердо стоит на ногах. Это герой произведений Н. Тихонова:

*Над зеленой гимнастёркой
Черных пуговиц литые львы
Трубка, выжженная махоркой,*

*И глаза стальной синевы,
Он расскажет своей невесте
О забавной, живой игре,
Как громил он дома предместий
С бронепоездных батарей.
Как пленительные полячки
Присылали письма ему,
Как вагоным водокачки
Умирали в красном дыму.
Как прожектор играл штыками
На разбитых рельсах звеня,
Как бежал он три дня полями
И лесами – четыре дня.*

Это – бесстрашный воин, любящий «громить», он – герой, семь дней бежавший по полям и лесам, он – неотразимый красавец с «глазами стальной синевы», – его любят женщины всех стран. Он – советский Джеймс Бонд. Во имя «светлой идей» и будущего новой страны любые средства – во благо:

*Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги кланялись и шли за нами
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.
Неправда с нами ела и пила.
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.*

Одним из самых крупных поэтов 20-х считался Эдуард Багрицкий. Это ему принадлежат знаменитые в те времена строки:

*...Если он скажет: «Солги!», – солги
Если он скажет: «Убей!», – убей.*

«Он» – «Железный Феликс», сошедший с портрета покойный Дзержинский, который является умирающему от чахотки герою стихотворения «ТВС», открывает ему смысл жизни и поднимает полупокойника с постели: он отправляется исполнять свой долг в клуб – там собрание рабкоровского кружка, доклад и т.п.

Человек – автомат, зомби, исполняющий приказы Великого Вождя. Таким образом, поэзия 20-х вмещала в себе объективное зло времени. Мы могли бы защитить этих авторов, указывая на обстоятельства, в которых они жили.... Но ведь рядом работали, жили, умирали настоящие мастера, творцы вечного гуманистического искусства: Н. Гумилев, Д. Хармс и вся школа (!) абсурда, О. Мандельштам... И несть им числа...

Можно оправдать этих авторов и тем, что они сами и их творчество не были адекватны друг другу: Багрицкий был человеком очень добрым и мягким, Светлов – воплощение доброты и юмора... Великий писатель XX в. М. Булгаков говорил, что писать надо, не забывая, что до тебя жил и работал Лев Толстой...

Романтическая поэзия 20-х гг. содержала в себе зло – оно породило созданную в 30-е гг. литературу ненависти и страха, которой противостояла настоящая литература, вынужденная на время замолчать или навсегда (Булгакова в 30-х не публиковали, как и Цветаеву, Ахматову и др., Бабель был расстрелян, Мандельштам репрессирован – погиб в лагерях – этот список можно продолжать очень долго...). Проповедовавшие в 20-е гг. культ силы революционные романтики, в 30-е гг. создали культ жестокости. Если поэт-романтик 20-х гг. Э. Багрицкий в «ТВС» говорит о жизненном кредо своего героя, внушенном ему «Железным Феликсом» «...если он скажет: «Солги», – солги, //...если он скажет: «Убей!», – убей», то Павел Антокольский в своем программном стихотворении «Ненависть» (!) возвещает и призывает:

*Будь, ненависть, опорой верной,
Злей и точней найди слова,
Чтобы, склоняясь над этой скверной,
Не закружилась голова.*

(...)

*Чтобы прошел художник школу
Суда и следствия и вник
В простую правду протокола,
В прямую речь прямых улик.*

Итак, функция художника – это сыск, донос, расправа. Ну как не вспомнить здесь вечные слова «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...». На щит поднимаются произведения, дальше наименований которых не стоило и идти: «Прозаседавшиеся», «Бронепоезд...», «Цемент» и многие другие. Верный долгу истинного художника, А. Платонов пошел пророческим путем и сосредоточил внимание не на НЭПе, а на том, что ожидает народ в ближайшем будущем: город Чевенгур – это конец истории; рискнем предположить, что автор «создал» Чевенгур из слов «чева» – обносок лаптя, лаповище и «гер» – могила, гробница, склеп...

За последние годы русская литература ясно осознала то консервированное состояние, в котором оказался ее литературный язык. В 20-е гг. рядом с демократизацией стиля стоит создание «авторитетного» слова (Г. А. Белая). В 30-е гг. под давлением «свыше» слово потеряло личностное наполнение, а значит и свободную творческую силу. Из слова художественного оно превратилось в слово риторическое, из авторитетного – в авторитарное. В принципе, можно говорить о создании феномена – готового слова, не нуждающегося в выдумывании образов, героев, даже сюжета.

Замечательный пример вышесказанному – «Торжественный комплект. Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей», составленный Великим Комбинатором Остапом Бендером в романе «Золотой теленок». Бендер продал свой «комплект» популярному журналисту – и тому, «пробавлявшемуся до сих пор отчетами о заседаниях, внезапно открылись сверкающие стилистические высоты». Стоит ли говорить, что после создания этого своего второго шедевра, авторам И. Ильфу и Е. Петрову уже не давали писать...

Только в 30-е гг. было репрессировано более тысячи литераторов. Николай Клюев писал со ссылки: «Я сгорел на своей Погорельщине, как некогда сгорел мой прадед Протопоп Аввакум на костре Пустозерском... Я сослан в Нарым... на верную и мучительную смерть... Есть нечего, продуктов нет... Помогите! Помогите! Услышьте хоть раз в жизни живыми ушами кровавый крик о помощи...».

*Не солдатами – номерами
Помирали мы, помирали!
От Караганды по Нарым –
Вся земля, как один нарыв!
Воркута, Инта, Магадан –
Кто вам жребий такой нагадал?!*

У миллионов замученных в застенках «архипелага Гулаг» нет могил, нет даты смерти, но все же... Борис Слуцкий писал:

*Прячет история в воду концы.
Спрячут, укроют и тихо ликуют
Но то, что спрятали в воду отцы
Дети выуживают и публикуют.
Опыт истории ей показал:
прячешь – не прячешь,
топишь – не топишь,
кто бы об этом не приказал,
тайну не замедляешь – торопишь.
Годы проходят, быстрые годы,
медленные проплывают года –
тайны выводят на чистую воду,
мутная их не укроет вода.*

Некоторые историки считают, что в тридцатые годы художественный уровень поэзии понизился. Не просто понизился, сказали бы мы, но упал, поскольку из поэзии исчезла поляризация традиций и ценностей, умолк «многоголосый сад». Произошло добровольно-принудительное признание необходимости «творений» Демьяна Бедного («агитки бедного Демьяна»), Александра Жарова («взвейтесь-развейтесь») и т. п. вместе с Сергеем Есениным и Осипом Мандельштамом.

«Интернационал... кушают с порохом и приправляют лучшей кровью...» – писал Исаак Бабель. Его, автора «Конармии» расстреляли 27 января 1940 г. Пережить террор 30-х гг. он не мог: «Конармия» – это роман о человеческой душе, это страдания Каина, это та же идея братоубийства. Чего желает герой Бабея? – «простейшего из умений – умения убить человека». Конармия – это ала под предводительством

Понтия Пилата, прошедшая через старый устоявшийся мир и разгромившая его. Название дневников Бабеля – «Ненавижу войну» свидетельствует само за себя. Противоестественность, дикость братоубийственной войны преподносится каждой картиной ее описания. Каннибализм 30-х был порожден этой войной. Да, смерть невозможно отменить. Но и Бабель, и Булгаков, и многие другие настоящие мастера в своих произведениях утверждают пацифизм как необходимый элемент общечеловеческого мышления. Поскольку именно за братоубийственную войну человечество расплачивается уничтожением гуманистических идеалов, нравственности и традициями предков, а значит – будущим детей.

*Богов иных тогда померкнули лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.*

Н. Тихонов

1. Три века русской поэзии : сборник. М., 1985.
2. Бобохидзе Н., Енукидзе Н. Развитие литературного языка в России в XX веке. Кутаиси, 2004.
3. Ожегов С. И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Известия АН СССР. 1951. Т. 10. Вып. 1.
4. Соколов Л. В. В споре с сильным // Собеседник. 1989. № 15.
5. Тендряков В. Покушение на миражи // Новый мир. 1987. № 4.

Т. Г. Фомина

**Мифологические основы грамматической категоризации
в индоевропейских языках**

УДК 81.572

В статье гипотетически реконструируется процесс моделирования мира в мифологическом мышлении индоевропейцев, устанавливаются семантические основы, послужившие ментальной базой для организации социума, а также для формирования в языковой картине мира грамматических категорий рода, одушевленности/ неодушевленности, субкатегории двойственного числа.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категоризация, мифологическое моделирование мира.

T.G. Fomina. Mythological basis of grammatical categorization in Indo-European languages

In this article the process of world modeling in mythological thinking among Indo-Europeans is being hypothetically reconstructed, semantic bases, that served as a mental base for socium organization as well as in the linguistic world-image the formation of grammatical gender categories, animateness/inanimateness, subcategories of the dual number, are being established.

Key words: cognitive linguistics, categorization, mythological world modeling.

Языковые категории, как пишет Дж. Лакофф в своей статье «Когнитивное моделирование», со времен Аристотеля до поздних работ Л. Витгенштейна мыслились как вполне ясные конструкты. В классической теории категорий выделялись два основных постулата: а) категория определяется только теми свойствами, которыми в равной степени обладают все ее члены. Значит, не должно быть таких ситуаций, когда один ее член в большей степени соответствует представлению об этой категории, чем другие. Если исследователи сталкивались с нарушением этого тезиса, то говорили об исключениях; б) категория определяется только теми свойствами, которые внутренне присущи ее членам, а это значит, что сами категории должны быть независимы от особенностей строения тех или иных существ, которые

осуществляют категоризацию, а именно: от нейрофизиологии человека или особенностей человеческого восприятия [9:145].

Новый подход к исследованию процессов категоризации, отраженный в «теории прототипов» Э. Рош и в методе «семантического дифференциала» Ч. Осгуда», доказал, что категоризация обусловлена не только объективными свойствами, внутренне присущими объектам, но и представлениями людей о данных объектах, а математический анализ, который был проведен Ч. Осгудом, показал, что в основе значения слова лежат три значимых измерения: *оценка, сила и активность* объекта [3:36–48]. Именно эти признаки представляют собой скрытые в современной семантике слова архетипы значения, особенно важные для древних людей, как и для всех биологических существ, так как связаны с так называемыми «симптомом врага» и «симптомом добычи». Было установлено, что за установленными объективными признаками скрываются древние субъективные представления людей об объекте, реализуемые в синкретичных архетипических образах (враг – *сильный, активный, опасный*; добыча – *слабая, пассивная, безвредная*). Данные характеристики являются значимыми и в современной психологии индивида, особенно при совершении преступления (кто служит знаком опасности, а кого можно использовать в качестве жертвы или добычи).

Рассматривая проблемы *грамматической категоризации*, мы исходили из того, что базовые грамматические категории языковой картины мира формировались в тот период, когда определяющую роль в категоризации мира в силу его слабой познаваемости играли не объективные признаки реалий окружающего мира, а субъективные представления носителей культуры и языка, обусловленные в первую очередь особенностями правополушарного и в определенной степени левополушарного мышления, мифологического и логического описания при моделировании мира.

В современной лингвистике грамматические категории индоевропейских языков определяются не столько по семантическим, сколько по формальным признакам (артиклям, окончаниям, суффиксам, местоимениям, согласованным формам прилагательных). Для описания грамматической категории, как правило, выделяется один признак, соответствующий представлениям современных людей об окружающих их объектах, а не комплекс синкретичных классифици-

рующих признаков, лежащих в основе архаического членения мира. Более того, выделяемый признак часто не соответствует исходным признакам, составившим основу первичной категоризации, отраженной в языковой картине мира, что нарушает стройность категоризации или порождает множество категориальных исключений.

Цель данного исследования – опираясь на особенности мифологического мышления, реконструируемого по останкам древнейших индоевропейских мифов, наметить основные контуры, или схемы моделирования мира, породившие формирование в языковой картине мира таких грамматических категорий, как род, число и одушевленность/неодушевленность.

Исходное состояние мира до его сотворения как мира обособленных вещей мыслилось как безобразная первичность, как *нерасчлененное единство ощущений*. Хаос – это полная неопределенность, *недискретность мира*, где все неразлично. Основное понятие Космос в космогонических мифах означает порядок, устройство, *смоделированный мир*. Оно противостоит понятию Хаос, который в большинстве мифов связан с тьмой, холодом, бездвижностью, водой. Однако именно в Хаосе зарождается мир. В разных мифологических системах, как пишет Е. Я. Режабек, превращение Хаоса в Космос связано с переходом от бесформенного к оформленному бытию [12:121, 218].

Важно также отметить, что первой формой досоциальной организации людей послужило стадо приматов, характеризовавшееся *неупорядоченностью* половых отношений, именуемой промискуитетом, где, как отмечает А. М. Золотарев, отсутствовали всякие альтруистические побуждения и царили *инстинктивные*, биологические мотивы поведения особей. В этот период отсутствовали всякие брачные ограничения и запреты, а вместе с тем и представления о родстве. Неупорядоченность отношений распространялась не только на половую жизнь, но и на все поведение первобытного человека, повиновавшегося зоологическим побуждениям и рефлексам [4:46–48].

Наиболее древние архаические мифы, дошедшие до нас, также часто выглядят алогичными, беспорядочными и носят сюрреалистический характер. Они воспроизводят так называемую *зооморфную модель мира*, так как охота, как наиболее древнее занятие человека, было связано с животным миром. Эта модель отражает первый этап познания Вселенной, зафиксированный в мифах. Собираательство же,

как еще более древнее занятие человека, только частично отражено в мифах и не образует своей собственной модели мира.

Ядром древнего космогонического мифа часто является мифологема: яйцо, являющееся символом Вселенной, которое откладывает в водной стихии водоплавающая птица. Древние китайцы, как отмечает Е. Я. Режабек, уподобляли Хаос содержимому куриного яйца, в котором желток и белок, как Небо-Земля, были слиты воедино и составляли недифференцированную массу, из которой потом сформировался мир [12:121].

Целостность первообразной Вселенной связана с числовым показателем – *единственным числом*: в создании Вселенной участвует одна птица, которая рождает одно яйцо, или мир предстает в виде образа одного существа, т. е. представляет собой единую структуру. *Целостность* и *единичность* мира проявлялась и в том, что первобогиню индоевропейцев Адити (вед. *несвязность, бесконечность, неопределенность*) называли также Небо-и-Земля, она являлась Матерью-Отцом богов и имела при этом облик коровы-быка, т. е. была не разделенным по роду андрогинном, имевшим зооморфный облик [12:220].

Мифологическая космогония, строительство модели мира, обычно начинается с разрушения хаоса, который бывает представлен как яйцо или тело первозверя (часто змея, коня или лося, а позже первочеловека Пуруш(т)ы). Это еще хаотический мир, но целостный, в котором не дифференцируются его части (*процесс создания Космоса связан с расчленением тела первозверя или позже первочеловека и формированием из его частей Вселенной*). Такое восприятие мира, несомненно, отражает функционирование холического (целостного) правого полушария, которое свойственно животным, древнему человеку и новорожденному ребенку.

Включение в моделирование Вселенной аналитического левого полушария коры головного мозга человека постепенно формирует *бинарное* восприятие мира и становление при этом семиотических оппозиций. В ведийской мифологии, по мнению Е. Я. Режабека, наиболее архаичный слой отражает противопоставление светлого и темного начал. Тьма ассоциируется с Хаосом и космическими водами, а свет – с Космосом и вселенским космическим законом – *rta* (слав. *рота*), определяющим порядок существования Вселенной и порядок, по

которому должны жить люди [12:126–127], т. е. на смену Хаосу постепенно приходит Космос.

С этим периодом связано, на наш взгляд, становление одной из древнейших языковых категорий, а именно *категории одушевленности/неодушевленности*. Хотя процесс формальной грамматической выработки в русском языке одушевленности завершился, по данным историков, только к 17 в. (и отражал, скорее, формирование субъектно-объектных отношений), уже в праиндоевропейском языке существовал одушевленный и неодушевленный «род», что свидетельствует о значимости данной категории в архаическом моделировании мира.

Важно отметить, что формирование категории *одушевленности/неодушевленности* происходило тогда, когда в мышлении и поведении человека преобладало не сознание, а биологические инстинкты живого существа. В биологическом же мире знаком опасности, так называемым «симптомом врага», служили самопроизвольно движущиеся в пространстве объекты (инстинктивную реакцию на движение современного человека используют в телевизионной рекламе). Важным было разграничение объектов, способных к самопроизвольному движению и неспособных самостоятельно передвигаться в пространстве. Только объекты, способные к движению без вмешательства со стороны иной силы, признавались одушевленными. Это были опасные с точки зрения инстинкта самосохранения объекты. На значимость самопроизвольного движения в праязыках первым указал А. Мейе [11:345]. Движение же стихий подчинялось вселенскому закону.

Критерий *одушевленности-неодушевленности* был связан и с понятием *целостности*. Только целостный организм, по мнению древних людей, может полноценно жить и действовать в этом и «ином» мире. Считалось, что нарушение целостности организма приводит и к «ранению его души», которая не сможет продолжать существование в ином мире, а случайное, непреднамеренное разрушение целостности Вселенной может вернуть мир к хаосу (см. «Курочка-ряба»). Именно этим обусловлен парадокс русской грамматики, которая дифференцирует понятия ‘покойник’, ‘мертвец’, изменяющиеся как одушевленные существительные, и неодушевленное понятие ‘труп’. В славянских и других индоевропейских мифах мертвецы могут вылезать из могил или появляться неизвестно откуда; они могут причинять людям зло или просто бродят без всякой цели по миру [7:32]. Слово же

‘труп’ *troup(o) в индоевропейском языке обозначало «колода, пень», а в диалектах болгарского языка сохранилось и общеславянское значение – «туловище человека или животного без головы и конечностей» [2:266; 14], т. е. лишенное целостности, поэтому неодушевленное, например: «Полетели *головы*, полилась кровь, и часу не прошло, как все поле *трупами* покрылося» [13:239]. «Что вы спорите? Кто *мертвецу* *голову* *отрубит*, того и сабля будет!» [13:346]. «Пришла жена, глянула – так и обмерла: все други, все приятели, как боровы лежат, в зубах блины торчат, что делать, куда *покойников* девать?» [13:341].

Формирование бинарности мира отражается и на образах еще зооморфных богов. На арену выходят дети первобогини Адити, появляются мифы, в которых участвуют уже два перворожденных бога-демиурга, представляющих собой одно целое – Индра (Митра, слав. Перун) и Варуна (Вритра, слав. Велес), часто обозначаемых как *Mitravaruna*. Варуна змееобразен, без рук и ног, он бесплечий, издает шипение, «нечеловек» и «не-бог». Вритра скрыт в воде или сдерживает воды. Он дракон и одновременно водяная стихия, а Индра – небесный огонь, громовержец, однако при этом в распоряжении Вритры находятся гром, молния, град и туман [12:290]. Индра (Митра) и Вритра (Варуна), как и Перун и Велес, считаются фигурами оппозиционными, однако за их оппозиционностью скрывается их синкретизм, как и огонь считают другой ипостасью воды. Убивая и расчленив Велеса, живущего в виде змея под деревом, Перун убивает и себя, чтобы возродиться вновь. Первобогов славянской культуры называли «двутельцами» [7:18], т. е. они представляли собой не до конца расчлененные в сознании бинарные образы. В ведийской мифологии, как отмечает Е. Я. Режабек, значимой является категория «тождество и различие», где оба компонента неразрывно связаны, и в их взаимоотождествлении нельзя определить, где кончается тождество и начинается различие. Адити (Небо-и-Земля) – это также парное божество, две половинки Вселенной, составляющие Одно, поэтому его обозначение на ведическом санскрите употребляется *только в двойственном числе* [12:219].

Этот период, как мы считаем, отражает становление *категории двойственного числа*. Двойственное число, как отмечает О. Ф. Жолобов, представлено в большинстве языковых семей мира и является

квазиуниверсалией. По мнению О.Ф. Жолобова, ядром этой субкатегории во всех языках являются именованья парных *частей тела человека и животных*, а также обслуживающие коммуникацию «прономинально-вербальные» конструкции первого и второго лица [2:106]. На наш взгляд, формированию категории двойственного числа способствовало становление дихотомической классификации при моделировании мира (наименования же парных частей тела являются более узким, частным использованием этой категории). Важно отметить, что двойственное число было зафиксировано не только для имен, но и для глаголов, местоимений, поэтому А. Мейе пишет: «Двойственное число не связано, следовательно, с наличием парных предметов; оно применяется к парным предметам лишь в силу своего общего значения» [11:204].

В это же время на фоне двоичности мира рождаются мифы о близнецах, которые подробно освещены в работе «Нечет и чет» Вяч. Вс. Иванова [6:505–540]. Моделирование первичного социума также было связано с разделением каждого первобытного стада на два экзогамных, обособленных в труде и в брачной жизни рода, поэтому первичный род всегда и всюду имел форму дуальной организации [5:50]. Экзогамия, по мнению А. М. Золотарева, «явилась уздой, наложенной обществом на индивида, первым средством воспитания человеческого в человеке», она не только обуздала зоологические начала в человеке, но создала представления о родстве, отсутствовавшие в первобытном стаде [4:63]. Экзогамия не была обусловлена тем, что первобытный человек заметил вредное действие кровосмешения на потомство и ввел брачные запреты. Запрет на родственный брак объяснялся сакральным нарушением. Многие племена считали, что браки, заключенные между родственниками, могут вызвать катастрофу в природе, приведут к Хаосу: животные и растения перестают размножаться, водоемы иссякают. Разделение рода на фратрии отразилось и в разных терминах родства по материнской и отцовской линии.

Поскольку единокровное происхождение было нарушено, в обществе в качестве объединяющего начала формируется тотемизм, т. е. каждая из фратрий, в которую могут входить представители разных племен, считает своим предком или близким родственником того или иного представителя животного мира, так как в этот период человек еще не отделял себя от животных. Причем животные, которым по-

клонялись первобытные люди, не только считались тотемами рода, но почитались и как божества, которые заселяли то же пространство, что и люди, и вели такую же жизнь. Именно поэтому «тотем являлся важнейшим символом родства» [5:25], объединявшим в дальнейшем в одну фратрию и представителей разных родов.

Последующая ступень развития представляла собой дальнейшее раздвоение единого и в моделировании мира, что было связано с формированием семиотической оппозиции Небо – Земля. Индра разделяет единую Вселенную, раздвигая яйцо, и отделяет друг от друга Небо и Землю, противопоставляя *божественное и земное*: «Индра, когда овладел полностью своей силой, оттолкнул Небо и Землю (друг от друга) далеко»; «[Индра] укрепил Небо и Землю, породил солнце и утреннюю зарю, ловкий мастер» [12:134].

Важно отметить, что фратрии племен древних людей теперь могли называться не по тотему. Так, например, у ирокезов были отмечены фратрии, которые назывались люди Неба и люди Земли. При этом людей фратрии Неба хоронили на помосте, людей фратрии Земли зарывали в землю, что свидетельствовало и о моделировании пространственной вертикали. В общих мероприятиях рода представительство от фратрий имело соотношение один к двум, так как считалось, что фратрия Неба обладает большей силой, поэтому от нее достаточно одного представителя, в то время как от фратрии Земли необходимы были два представителя [4:141–143].

Ослабление роли тотемного животного проявлялось и в том, что если в наиболее древних пластах фольклора, когда человек еще не отделял себя от животного мира, герой, чтобы попасть в иной мир, мог обернуться конем, птицей или другим животным, то в более поздних мифах, как отмечает В. В. Евсюков, образ героя раздваивается: конь и птица как бы отслаиваются от человека, а в более разработанных вариантах мифа вместо человека-животного уже действуют два персонажа – человек и животное, которое преобразуется теперь в фигуру зверя-помощника [1:71]. Божества-тотемы и люди ранее проживали в одном пространстве, а с разделением Неба и Земли люди и боги получили свое пространство и временную дифференциацию. Люди стали считаться смертными и земными, а боги – бессмертными и небесными [11:272].

Разделение целостной Вселенной на Небо и Землю способствовало и формированию первой родовой категоризации, которую А. Мейе называл одной из наименее логичных и наиболее непредвиденных категорий всех индоевропейских языков. В древних индоевропейских языках (ведическом санскрите, хеттском, тохарском) известны были только два рода – *средний и несредний (или общий)*. В лингвистической литературе эта оппозиция часто пересекается с дихотомией *активный (общ. р.)/инактивный (ср.р.)*, или *одушевленный (общ.р.)/неодушевленный (ср.р.)*, однако подобное смешение порождает множество исключений, поэтому при анализе мифологического и лингвистического материала необходимо дифференцировать вышеприведенные категории.

К *среднему роду* изначально относились понятия, связанные с божественным первотворением – статичные, вечные, целостные и не разделенные по полу. Так, индийский первобог Брахма, который, как и Адити, был андрогин и родил других богов из самого себя, только со временем разделил свою субстанцию и стал наполовину мужчиной, наполовину женщиной, т. е. одновременно активной и пассивной частью природы. Андрогинами были иудейский бог Яхве и древнеегипетский бог солнца Ра. Важно отметить, что андрогинное состояние считалось также первоначальным состоянием человека: тело у всех было *округлое*, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же. Именно Зевс, по античным легендам, решил разрезать каждого андрогина пополам, и с тех пор одна половинка ищет свою вторую половинку (*общий род*).

Поскольку в космогонии Творение толкуется как распад изначального единства на фрагменты с последующим установлением нового порядка, все *единичное* в древности, как пишет М. Маковский, считалось *божественным*, а *двойка* при этом символизировала все *земное* – тленное, злое [10:115]. Важно отметить, что существительные среднего рода во множественном числе использовались с глаголами единственного числа, что свидетельствовало о собирательном характере их множественного числа [11:299]. Это указывает также на то, что имена среднего рода множественного числа изначально были не плюральными, а сингулярными и обозначали собирательность, которая обозначает не множество, а некоторое новое качество, созданное этим множеством [8:135].

Практически все первообразные существительные, олицетворяющие сакральную символику первотворения и имеющие значение божественной целостности или представляющие собой земные реалии, в которых воплощается божество, выступали в древних индоевропейских языках как существительные среднего рода, при этом в основе их категоризации можно выделить следующие семы: *божественное, целостное, объединенное, округлое, замкнутое*: яйцо, небо, облако, лицо, семя, слово, имя, зерно, число, око, чело, сердце, время, колесо, лето, яблоко, озеро, море и др. Все первообразные существительные среднего рода имели сакральный характер и метафорически отражали образ вселенной, его структуру (см. [10]).

На принадлежность к иному, неземному, божественному миру указывает средний род существительного *дитя* («бог дал, бог взял») – как не выраженного в половом отношении существа – объединения мужчины и женщины, явившегося из «ниоткуда», или средний род названий детенышей животных в древних индоевропейских языках. Социальный пол ребенка формировался в результате системы ритуалов, отражающих разные стадии его социализации.

А. Мейе отмечал, что формы «одушевленного» и «неодушевленного» рода (среднего) могли существовать параллельно, смотря по тому, как они понимались [11:272]. В «Ригведе» вода как божественная стихия обозначалась существительным *udan (ср.р.), а как активное, олицетворенное существо – существительным *arān (жен.р. мн.ч.). Названия растений, животных, людей воплощали земную жизнь и относились к общему, не среднему роду. Эти существительные считались земными объектами, а значит, активными, подвижными и смертными. Существительные *общего рода* на следующем этапе дифференцировались на мужской и женский род.

В эпоху неолита в истории человечества произошла революция жизненного уклада и мировоззрения. От потребительского хозяйственного уклада, присваивающего плоды природы (охота, собирательство), люди перешли к производящему хозяйству. У человека, почувствовавшего свою власть над природой, осознавшего себя создателем, демиургом, постепенно стала формироваться антропоморфная модель мира. Семантику божественности при этом приобретали стихии и явления природы, от которых зависел урожай и жизнь людей в целом, поэтому боги выступали как представители этих стихий, а также сами

считались стихиями (бог огня Агни, богиня зари Ушас, бог солнца Сурья). Внешний же вид богов стал напоминать людей, однако, в отличие от земных людей, – идеальных, совершенных по форме.

Переход к антропоморфной модели мира сопровождался разделением общего рода на мужской и женский, так как важным становилось различие по полу, которое сформировало значимую в мифологической картине мира семиотическую оппозицию «мужской – женский». Это разделение происходило постепенно, поэтому боги и богини античности иногда сохраняли в себе признаки противоположного пола как остатки былой андрогинности. Противопоставление мужского и женского рода, как отмечает А. Мейе, развилось и расширилось в течение индоевропейского периода, при этом оно было менее четким в языках периферии, чем в языках центральной области, как, например, германском, балтийском и славянском. А хеттский язык так и не развил этого различия [11:207].

При антропоморфизации Вселенной и разделении общего рода статус «значимости, божественности» перешел от среднего рода к мужскому роду: скр. *duáu-h* (*dyas*) «небо» (ср. р.) превратилось в гр. *Zeús* «Зевс» (муж. р.) [11:300], поэтому мужской род занял более высокое положение, а женский род занял нижнее пространство матери-Земли и хтонических животных (лягушек, змей, ящериц и пр.). Женский род указывал на связь женских существ с «иным», нижним миром, поэтому мифологические богини и сказочные персонажи женского пола могли в определенных ситуациях приобретать зооморфный облик (царевна-лягушка, царевна-лебедь). Постепенно формировалась и новая семантика божественного, которая отражала деятельность людей (богиня любви, охоты, ткачества; бог войны, торговли, бог-кузнец). Матрилинейная организация общества заменена была на патрилинейную.

Изменились и функции среднего рода, утратившего значение «божественного». У среднего рода появилась коннотативная семантика пренебрежительности, уменьшительности, незначимости. В латинском языке на унизительное положение раба, например, стал указывать средний род данного существительного. Со временем во многих языках средний род постепенно ушел из языковой системы, изменились родовые характеристики некоторых существительных, относившихся ранее к среднему роду. Изменился и статус зооморфных

первобогов – андрогингов, ушедших на задний план мифологии, а с формированием христианства появился новый тип божества – Бого-человека.

-
1. Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск : Наука, 1988.
 2. Жолобов О. Ф. Вопросы типологии и истории двойственного числа // История русского языка. Словообразование и формообразование. Казань : УНИПРЕСС, 1997. С. 106–112.
 3. Журавлев А. П. Диалог с компьютером. М. : Молодая гвардия, 1987.
 4. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М. : Наука, 1964.
 5. Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934.
 6. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. Т. 1.
 7. Костомаров Н. И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М. : Чарли, 1994.
 8. Красухин К. Г. Введение в индоевропейское языкознание : курс лекций. М. : Академия, 2004.
 9. Лакофф Дж. Когнитивная семантика (Когнитивное моделирование) // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1996. С. 143–184.
 10. Маковский М. М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. М. : КомКнига, 2006.
 11. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л. : Гос. соц.- экон. изд-во, 1938.
 12. Режабек Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М. : Едиториал УРСС, 2003.
 13. Русские сказки : из сб. А. Н. Афанасьева. М. : Художественная литература, 1987.
 14. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М. : Рус. яз., 1999. Т. 2.

С. П. Оробий

Дискурсивный материал современности

УДК 801.73

Задача данной статьи – определить границы понятия «литературная современность», а также уточнить характеристику «прецедентный (актуальный, злободневный) текст» на материале современной русской литературы.

Ключевые слова: современная русская литература, актуальный текст, дискурс.

S.P. Orobiy. Discourse material of contemporaneity

Task of this article is to define the scopes of concept «Literary contemporaneity», and also to specify description «precedent (actual, topical) text» on material of modern Russian literature.

Key words: modern Russian literature, actual text, discourse.

*Нам, теоретикам, нужно знать
законы случайного в искусстве.
В. Б. Шкловский [8:314]*

Что делает текст «актуальным», «симптоматичным», «злободневным»? Где кончается «литературная современность» и начинается история?

«Актуальность», «прецедентность» – относительные понятия. Литературные революции шумны, но бескровны, и чаще всего мы оказываемся в положении незадачливого Рип ван Винкля, который, проспав двадцать лет в Катскильских горах, стал единственным жителем своей деревни, заметившим американскую революцию; для его земляков перемена произошла незаметно. На сообразительность же благодарных потомков уповать не приходится: не даром для того, чтобы адекватно понять изощрённую толстовскую поэтику, должен был появиться Виктор Шкловский, а чтобы понять поэтику Достоевского – Михаил Бахтин.

Первое качество современности – её текучесть, фрагментарность. Тут встаёт вопрос: что первично для художественного произведения – жанровая установка или сам материал, определяющий форму? Эти отношения диалектичны: художник первоначально видит жизненный материал в формах осознаваемого ими жанра, но затем материал корректирует его, и произведение приобретает контуры нового жанрового явления. Как заметил однажды Дмитрий Быков, Гоголь сошёл с ума не от того, что у него не хватало дарования написать второй том «Мертвых душ», а потому, что в 1851 г. его не о чем было писать [3].

Свои компетенции по организации бесформенного материала жизни в определенные смысловые порядки искусство может понимать разнообразно, особенно в переломные периоды истории. Например, одиозные теоретики Лефа утверждали: не искусство организует жизненный материал в определённые формы, а жизнь самоорганизуется через искусство. Так, Маяковский в предисловии ко второй редакции «Мистерии-буфф» выражал пожелание, чтобы «все играющие, ставящие, читающие, печатающие» это произведение вносили в него изменения, которые сделают его содержание «современным, сегодняшним, сиюминутным».

Итак, хронотоп прецедентного (актуального, ангажированного, написанного «на злобу дня») текста амбивалентен: современность в своём литературном качестве как нельзя лучше пригодна для эмпирического испытания, но она же и преходяща, ускользающая от субъекта, размывает его идентичность, не оставляя возможности для самоопределения.

Из чего же строится ангажированный текст? Прежде всего, из подвернувшегося под руку литературного материала. Так, Дмитрий Быков уличил Натана Дубовицкого в том, что писатель в своё нашествие в романе «Околоноля» эксплуатирует многочисленные сюжетные ходы целого ряда современных художественных произведений, в том числе романов самого Быкова [2:523–524]. В данном случае обвинение в плагиате выглядит тем пикантнее, что авторство «Околоноля» приписывалось известному политическому деятелю Суркову. Описанная в пелевинском «Generation P» сцена утопления некоего Бесинского в сельском сортире стала сакраментальной, и она не исчерпывает набора актуальных намёков в этом романе (один из отрицательных героев, например, носит фамилию Азадовский, совпадаю-

щую с фамилией известного литературоведа и по совместительству одного из председателей Букеровского комитета). Ряд примеров можно продолжить.

Трудно поэтому согласиться с известным социологом Б. В. Дубиным, когда он пишет, что «слухи <...> не откристаллизовываются в системе текстов письменной культуры <...> не становятся самостоятельной социальной силой и не откладываются в структурах соответствующих институтов» [4:80]. Коммуникативная мода литературных сплетен, дрызг, слухов и жалоб не должна преуменьшаться. Когда-то именно из такой питательной среды возник Белинский, начавший карьеру в «газете мод и новостей».

В этой ситуации литература способна избежать смешения информации с шумом лишь путем вытеснения старых текстов новыми. Можно, конечно, вспомнить о «медленных» писателях, о том, что Михаил Шишкин пишет по роману в пять лет, Сергей Гандлевский и вовсе – по два стихотворения в год, и эта скорость несколько не мешает им оставаться выдающимися современными писателями. Но на фоне этого сокровенного творческого труда необходимо отдать должное и экстенсивному типу словесности, наиболее ярким представителем которой является сегодня, конечно, Дмитрий Быков, поэт и романист, сатирик и фантаст, эссеист и публицист, сценарист и мастер документальной биографии, наконец, журналист и обозреватель, для которого, кажется, нет «неподъёмных» тем.

Современность вообще склонна к тотальной тематизации фактической реальности, пусть и в ущерб точному дискурсивному знанию. Например, в книгах акунинского цикла «Приключения Эраста Фандорина», выпускаемых издательством «Захаров», каждый роман снабжён соответствующим жанроуказующим эпитетом: «Азазель» – «конспирологический детектив», «Турецкий гамбит» – «шпионский детектив», «Левиафан» – «герметический детектив» и т. д. Эти наименования столь же увлекательны для неискущённого читателя, сколь вопиюще неточны с точки зрения филолога: надо ли объяснять, что тематическая принадлежность характеризует жанровое своеобразие далеко не в первую очередь? Но все эти коллизии «акунинского» проекта оказываются вполне очевидными, если рассматривать его как показательный случай «массовизации» русского постмодерна. Имея в виду профессию Григория Шалвовича Чхартишвили, известного фи-

лолога и переводчика, а также последовательное выполнение им всех жанровых конвенций в фандоринском цикле, можно быть уверенным, что вопиюще неточные жанровые наименования – одна из предусмотренных писательских «загадок», встречающаяся на первых же страницах и, соответственно, лежащая на поверхности.

Случай Акунина тем показательнее, что демонстрирует тонкое взаимодействие внутренней и внешней прагматики предлагаемых текстов: знание о некоторых профессиональных умениях «Бориса Акунина» работает на читателя. Пользуясь топикой детективного жанра, можно сказать: «предупреждён – значит, вооружён» (впрочем, это качество не стоит и преувеличивать: неизвестно, в какой мере читающему «Пушкинский Дом» поможет знание о том, что его автор когда-то окончил горный институт). Виктор Шкловский в статье «О писателе и производстве» конца 20-х гг. советовал писателям приобретать дополнительные профессии, в соответствии с лефовскими установками утверждая, что профессионализм является продуктом «изучения техники производства», а не «литературной учёбы у классиков». Хотя в последующие шестьдесят лет самой надёжной профессией для мастеров пера стало членство в Союзе писателей.

В новых исторических обстоятельствах вопрос о профессионализме может быть понят предельно широко, включая и откровенно маргинальный опыт. Так, пребывая в следственном изоляторе «Лефортово», Эдуард Лимонов написал одну из самых ярких своих книг 2000-х «Священные монстры», в которой своеобразно понятые герои истории (Пушкин, Достоевский, Сад, Жан Жене, Сервантес, Гагарин, Ницше, Гитлер...) вовсе изображены в перспективе трансгуманного пространства-времени. Ergo: каковы бы ни были топологические координаты события («параша, тюремный ватник, столик размером 30х60, два блокнота на нем, три ручки», как подчёркивает Лимонов), оно центрирует на себе социокультурное время, производит его и даже размыкает его рамки.

Что же касается социально-идейной ангажированности литературы «нулевых», партийности в эстетическом дискурсе, без которой, как считал Сартр, тот якобы отрывается от социореальности, то важнейшими механизмами контроля над беспокойным российским обществом в это время, если верить Виктору Пелевину, стали такие категории как «дискурс» и «гламур», что соответствующим образом оп-

ределило и специфику «литзаказа». «Гламур и дискурс – это два главных искусства, в которых должен совершенствоваться вампир. Их сущностью является маскировка и контроль – и, как следствие, власть <...> Всё, что ты видишь на фотографиях, – это гламур. А столбики из букв, которые между фотографиями, – это дискурс» [6], – учит один герой другого в романе «EMPIRE V», имеющем многозначительный подзаголовок «Повесть о настоящем сверхчеловеке». В случае Сергея Минаева и Оксаны Робски (а также её многочисленных литературных «клонов») «дискурс» и «гламур», в самом деле, объединились, послужив главным источником вдохновения; собственно художественное качество этих текстов лежит за границами наших интересов.

Если в 1990-е гг., по оценке Бориса Дубина, «сколько-нибудь внятные идейные различия между партиями, ангажированными интеллектуальными группировками оказались устранены или стёрты» [7:487], то в 2000-е появляется целый ряд произведений, в которых публицистическая, идейно-социальная составляющая является двигателем сюжета – таковы, например, романы «Господин Гексоген» Александра Проханова, «Советник президента» Андрея Мальгина, «2008» Сергея Доренко, «Околоноля» Натана Дубовицкого, «Списанные» Дмитрия Быкова, или пьесы, собранные в антологии «Путин. doc», или рассказы, собранные Захаром Прилепиным в сборник рассказов молодых «социальных» писателей «Десятка» (отнесём сюда и публицистические эссе самого Прилепина). В то же время, по наблюдениям Сергея Чуприна, этот оформившийся в 2000-е публицистический импульс «присущ едва ли не исключительно сочинениям наших новых дилетантов, а литература статусная, в том числе и та, что создается авторами поколения next, пока отнюдь не торопится ни звучать, как колокол на башне вечевой, ни даже проникаться социальной (гражданственной) озабоченностью, с тем чтобы предъявить *urbī et orbī* прямую речь, которая могла бы (или, по крайней мере, хотела бы) непосредственно воздействовать на российское общество» [7:487].

Несмотря на кажущуюся безыдейность современной эпохи, несмотря на снижающийся градус накала общественных дискуссий и исчезновение площадок для них, существует дискурс, который по-прежнему свысока взирает на любую текстовую продукцию, набивает себе цену за счёт нарочитой парадоксальности суждений и в то же

время неотделим от сугубой доксы: слухов, сплетен, молвы. Это, конечно, литературная критика. Если искать общее определение для критики, можно остановиться на следующем: прежде всего, она ортодоксальна. Литературный критик считает возможным всерьёз судить тот дискурс, который изначально работает с заведомым вымыслом, парадоксом; этим критик обеспечивает себе беспроегрешную позицию. Бранит ли критик избранный им для обсуждения предмет или восхваляет его, в любом случае он даёт понять, что без него, критика, писатель не был бы по достоинству оценён читателем. Таким образом, критика всегда являет собой подрыв как авторской креативности, так и читательской компетенции, ибо «всегда права».

Выдающуюся роль в самосознании отечественной критики сыграло такое медиальное средство, как «толстый журнал», который Иван Киреевский («Обозрение современного состояния литературы», 1845) определил как оригинально русский ответ на индивидуалистическую западную философию. Сочетая в себе разные речевые жанры, «толстый журнал» охватывает многообразные сферы действительности, побуждая критика казаться компетентным в каждой из них, транслировать универсальное знание и смотреть на художественную литературу свысока.

Впрочем, сам ход времени заставляет критиков всё чаще соглашаться с тем, что их профессиональный дискурс существует не вне литературы, а внутри неё. Если в аналитическом обзоре 2003 г. Сергей Чупринин писал о том, что «нулевым годам в России соответствует стремящийся к нулю отклик общества, власти, одного отдельно взятого читателя на всё то, что происходит в современной литературе» [9], то спустя шесть лет он назвал «нулевые» временем компромисса – между элитарной литературой и рынком, классической традицией и постмодернизмом, изящной словесностью и критикой и т. д. [8].

Говоря об инфляции современной критики, среди прочих её причин поэт Александр Скидан называет «возникновение своего рода «теневого» публичной сферы, точнее, её эрзаца благодаря интернету: «темпорально-дискурсивный режим этой машины мнений таков, что практически не позволяет состояться мысли или суждению, – наоборот, в силу анонимности (или квазианонимности) стимулирует инсинуации, скабрёзность, агрессию. Так порождается новый этос (беспардонный и беспощадный)» [5]. На заре постмодернизма его аполо-

геты критиковали культуру как царство симулякров – копий без оригиналов, пустых знаков. Ныне социальные сети переполняют т. н. «боты», фантомные образы квази-пользователей, лишённые подлинной идентичности. Примечательно, что «боты» создаются не столько для того, чтобы нести дезинформацию, сколько для поддержки коммуникации, участия в непрекращаемом диалоге всех со всеми.

Сохраняя всё, Интернет, тем не менее, рассчитан на недолговременную память. Принципиально не оперируя иерархизирующими принципами, Всемирная Сеть апологетизирует информацию как таковую. Пусть критика всегда обращена к неустойчивой, расплывчатой современности, но она также имеет в виду и подразделение информации на актуальную и неактуальную, более и менее нужную современности, то есть причастна истории. Иными словами, критика исторична настолько, насколько аргументативна, пусть и в смысле Виссариона Белинского, который видел необходимость в переписывании всей истории литературы с учётом свежего романа Жорж Санд.

Понятно, что, чем более общезначима проблематика произведения, тем в большей степени оно оказывается нужным читателям самого разного происхождения. Читателям, но не критикам, которым необходимо чувствовать самодостаточность текущего момента. Если же критик облекает свои рассуждения не только в эссеистические, но и в художественные формы, то в таких случаях появляются столь неоднозначные определения, как, например, «роман 2008 года» – такой подзаголовок имеет роман Дмитрия Быкова «Списанные». Трудно связать это жанровое определение с какими-либо глобальными культурно-историческими закономерностями. Однако чем субъективнее то или иное творческое начинание, тем большую заинтересованность оно вызывает. «Шорт-листы» современных премий имеют не только сугубо коммерческий смысл, но и выполняют важную направляющую роль, ориентируя «широкого читателя» на представительный, но в то же время ограниченный список тех или иных произведений. Именно жёсткие рамки призваны подчеркнуть качественность представленных текстов и ретушировать конъюнктурные аспекты. Некоторые тексты из подобных списков действительно переходят в разряд полноценных читабельных произведений, обретая весомый символический капитал.

Так, «Господин Гексоген» Проханова, по оценке Виктора Топорова, может претендовать на условное звание «лучшей книги первого пятилетия нулевых» – как в смысле проблематики, так и в смысле представленной в нём авторской позиции. В самом деле, этот скандальный роман, рассказывающий о передаче ельцинской власти в руки некоего «Избранника», сопровождающейся взрывом одного из московских домов, организованным сотрудниками ФСБ, был полностью вписан в текущий политический контекст. Претендуя на то, чтобы раскрыть правду о тайных рычагах управления страной, Проханов в то же время ограничил «властную наррацию» или бесконечным заговором, или способами манипулирования общественным мнением через средства массовой информации. В финале романа «Избранник» главный герой то ли гибнет в результате взрыва президентского самолёта, то ли исчезает непонятно куда. Таким образом, сводя проблематику произведения к текущему злободневному моменту, Проханов неизбежно обедняет смысловой универсум, сводя его к ряду социально ангажированных положений и актуальных намёков.

Совершенно нелепо – *ab absurdo* – выглядел «скандал», разгоревшийся после публикации романа Михаила Шишкина «Венерин волос» в 2005 г. Творческие деятели, имеющие отдалённое представление о специфике шишкинского метода, в частности, и о характере современной прозы в целом, обвинили писателя в плагиате, поскольку обнаружили в романе обширную и почти дословную цитату из книги воспоминаний Веры Пановой (в эпизодах дневника русской барышни начала XX в.). Поскольку сам писатель неоднократно высказывался по поводу этой ситуации¹, нам остаётся напомнить общепринятое суждение о том, что любой художественный текст растёт из

¹ Например, в беседе с Кристиной Роткирх: «Сожалею, что люди совершенно не понимают, что я делаю, и не читали моих текстов. Кроме Веры Пановой там есть ещё цитаты из пятисот других писателей и писательниц – если не тысячи, в некоторых местах цитаты идут сплошными страницами. <...> Кто-то увидел цитату из одного автора, не увидев цитат из пятисот других. И пишет, что это плагиат. Сам подход для меня смешон. Уже Бахтин продемонстрировал, что все мы живём не в своих словах. <...> Речь идёт не о художественном тексте Веры Пановой, а о её воспоминаниях о детстве, о Ростове, о том, как она ходила в гимназию. <...> То есть речь идёт о деталях той жизни, которые мне очень важно было восстановить именно в том виде, ничего не придумывая. Я должен был вернуть Белле её настоящую жизнь. <...> И вот все эти реальные детали жизни того ушедшего Ростова, жизни той реальной гимназистки я искал в сотнях книг» [11:143–144].

чужих текстов, преобразуя их, но лишь те произведения, в которых интертекстуальность создаёт саму сюжетную ткань текста, и которые, если пользоваться понятием Достоевского, «всеотзывчивы» на явления мировой культуры, могут претендовать на некую роль в эволюции, остаются во времени.

Как бы то ни было, ангажированное искусство рассчитано на групповое потребление и вместе с тем апеллирует лишь к определённом, ограниченному коллективу (нацболов, западников, «зелёных», защитников леммингов...). Напротив, художественное произведение без точно выверенного адресата будет одинаково релевантно во всех социальных и политических контекстах, а также конвертируемо в иные национальные культуры. По словам Ольги Балла, русская литература двухтысячных «по крайней мере, в некоторых своих явлениях – перерастает узконациональное, узкоэтническое». «Русский язык становится языком всечеловечности» [1], – утверждает Балла, в качестве примеров называя и бакинца-израильянина Александра Гольдштейна, и Макса Фрая, и Лену Элтанг – жителей Литвы, и армянскую писательницу Мариам Петросян – а мы добавим имена Михаила Шишкина, с 1995 г. проживающего в Швейцарии и регулярно бывающего в России, и Максима Кантора, с 1988-го работающего в Европе. Не стоит забывать, что человек, вообще говоря, не исчерпывается в коммуницировании. Об этом ему всегда напоминала литература, которая не только социальна, но ещё и сверхсоциальна – хотя бы в смысле пушкинской «всеотзывчивости», пропагандировавшей Достоевским.

1. Балла О. Время без надежд и иллюзий. Литературные «нулевые»: место жительства и работы. Круглый стол // Дружба народов. 2011. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/1/kr14>.

2. Быков Д. Спёртый воздух // Быков Д. Календарь. Разговоры о главном: [эссе]. М., 2011.

3. Быков Д. Чёрный человек Прилепина // Новая газета. 26.05.2011. URL: <http://www.novayagazeta.ru/arts/5575.html>.

4. Дубин Б. В. Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре // Дубин Б. В. Слово – письмо – литература. Очерки по социологии современной культуры. М, 2001.

5. Критика: эмоции, смысл, будущее: опрос // OPENSPACE.RU, 26.05.2011. URL: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/22635/>

6. Пелевин В. Empire V. URL: <http://lib.rus.ec/b/176351>.
7. Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. М., 2007.
8. Чупринин С. Нулевые: годы компромисса // Знамя. 2009. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/2/ch18.html>
9. Чупринин С. Нулевые годы: ориентация на местности // Знамя. 2003. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/chupr.html>.
10. Шкловский В. Б. О свободе искусства // Шкловский В. Б. Гамбургский счёт: Статьи воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990.
11. «Я стараюсь каждый свой текст сделать тотальным текстом, который вбирает в себя всю культуру, всю литературу, которая была до этого» (беседа с Михаилом Шишкиным) // Одиннадцать бесед о современной русской прозе / Интервью Кристины Роткирх / под ред. Анны Юнгтрен и Кристины Роткирх. М., 2009.

К. С. Оверина

К вопросу о сюжетности, нарративности и событийности массовой литературы (на примере ранней прозы А. П. Чехова)

УДК 821.1 61.1

В настоящей статье на примере ранней прозы А. П. Чехова производится попытка проанализировать такие свойства массовой литературы как нарративность, сюжетность и событийность. Тексты массовой литературы формируют особый тип сюжета, базирующийся на диалоге повествователя и читателя, и выстраивают игровые отношения между данными субъектами.

Ключевые слова: нарративность, художественная литература, массовая литература, событие, сюжет.

K. Overina. Study on a problem of story, narrativity and event mass literature concepts (by the example of A. P. Chekhov's early prose)

This article represents an analysis of such mass literature concepts as narrativity, story and event, taking A. P. Chekhov's early prose as an example. Mass literature texts form special type of story, based on narrator and reader's dialogue and determine game communication between them.

Key words: narrativity, fiction, mass literature, event, story.

Рассматривая раннюю прозу А. П. Чехова, А. П. Чудаков делает существенную оговорку: он исследует не все представленные в раннем творчестве рассказы, некоторые жанры он сознательно исключает из выстраиваемой статистики, поскольку они совершенно угасают в позднем творчестве, и процесс этого угасания должен описываться отдельно. В число таких «лишних», непродуктивных жанров входят подписи к рисункам, комические объявления, шуточные рекламы, календари, анекдоты (не развернутые в рассказ), «мелочишки» и т. д. С другой стороны, жанры, которые Чудаков подвергает рассмотрению, он выбирает, руководствуясь мыслью об их ценности для становления творческой системы писателя: «рассмотрению подверглись все остальные художественные прозаические произведения 1880–1887 гг. <...> которые, развиваясь, привели к образованию рассказа Чехова и чеховского повествовательного стиля как особенного явления русского искусства конца XIX – начала XX в.» [4:12].

Вполне естественно, что, изучая эволюцию чеховского повествования, исследователь не обращается к жанрам, которым не свойственно воспроизводить какую-либо историю, моделировать сюжет вообще – ибо повествование во многом связано с построением истории. Но закономерно возникает вопрос о природе «бессюжетных» произведений, их повествовательных особенностях и значении для становления творческой системы Чехова.

Безусловно, основной чертой таких прозаических миниатюр является их нахождение за границами повествовательных жанров (именно это имеется в виду, когда говорят о том, что они не содержат истории). Нарративный текст, как известно, должен быть текстом событийным – без события нет сюжета.

Однако не стоит забывать, что, говоря о массовой литературе, нам следует учитывать особые правила, на которые она ориентируется. Формульные тексты часто предлагают читателю интересный сюжет, но практически никогда – новый. Удовольствие от такого типа литературы реципиент получает именно вследствие того, что его ожидания оправдываются. Если рассматривать проблему с такой точки зрения, то именно сюжетная составляющая (в событийном смысле, а не в смысле экзотичности изображаемых происшествий) в *любом* тексте массовой литературы оказывается ослабленной. Читатель име-

ет дело не столько с повествуемой историей, сколько с изоощренным сознанием повествователя, поэтому событийность формульных жанров оказывается связана скорее с категорией читателя, чем с судьбами персонажей (за счет смещения акцентов с фигуры персонажа на фигуру читателя событийность как совокупность пяти признаков, которые выделяет Шмид, в случае с массовой литературой оказывается несколько осложненной). Говоря об ориентировании формульных текстов на воспринимающее сознание, мы имеем в виду как реального читателя, так и читателя имплицитного, существующего как конструкт в каждом художественном тексте. Говоря о реальном читателе, мы можем привести слова И. Н. Сухих о том, что у раннего Чехова «...кругозор читателя учитывается постоянно: повествователь, герой и читатель находятся в одном мире, служат в соседних департаментах, сидят рядом в театре, поблизости нанимают дачи и т. д. В таком случае любой намек, любое воссоздание ситуации опирается на подкрепляющий контекст: собственный опыт воспринимающего» [1:68]. В этом смысле крайне показательным нам представляется мнение В. Г. Тимофеева, который, размышляя о статусе формульных текстов, перефразирует высказывание Жерара Женетта. Женетт, следуя за Нелсоном Гудменом, предлагает вместо вопроса *Что есть литература?* задавать вопрос *Когда есть литература?* Вслед за ним Тимофеев предлагает задавать вопрос *Когда есть массовая литература (When is mass literature)?*, имея в виду, что причисление того или иного текста к массовому или элитарному искусству является довольно относительным и часто зависит от исторического момента [2].

Однако даже безотносительно к историческому контексту тексты массовой литературы всегда оказываются сосредоточены на воспринимающем сознании – в них выстраивается диалог повествователя с имплицитным читателем. Вероятно, именно поэтому одним из вопросов, применяемых Чудаковым при составлении описательной статистики чеховских текстов, является вопрос о прямых обращениях повествователя к читателю, минуя уровень истории. Неудивительно, что с развитием и усложнением повествовательной системы писателя, постепенно уходящего от формульных жанров, показатели в первую очередь по этому пункту статистики начинают значительно сокращаться.

Итак, массовую литературу отличает особый тип сюжета, основанный на взаимоотношениях повествователя и читателя. Сухих считает, что особенность именно чеховской ранней прозы в этом смысле заключается в отношении повествователя к читателю. Исследователь видит в интенции повествователя «доверие к читателю, расчет на его активность и нравственную чуткость, на его своеобразное “сотворчество”, о чем впоследствии неоднократно будет говорить Чехов» [1:68]. На наш взгляд, читатель все-таки не является настолько активной фигурой – он, скорее, объект воздействия, активный именно в ожидании этого воздействия. Эта позиция является уязвимой: читатель пребывает в иллюзии собственного превосходства над текстом, ведь ему известно, чего следует ожидать, и таким образом он легко подчиняется логике повествования. Как только автор переходит границы формульности и несколько усложняет структуру текста, реципиент оказывается застигнут врасплох.

Сухих, как и Чудаков, обращает внимание на то, что ранние чеховские вещи можно разделить на сюжетные и не имеющие сюжета (или скорее фабулы): есть «вторичные» жанры, составленные, как из кирпичиков, из простейших элементов: календари, объявления, мысли, задачи <...> Но знаменитая «Жалобная книга» (1884) и менее известная «Жизнь в вопросах и восклицаниях» (1882) построены уже по-другому. Отдельные остроты и фразы здесь не просто соположены друг другу тематически, но вступают во внутреннюю взаимосвязь, образуя фабульное движение (правда, довольно свободное). За коротенькими записями возникают лица персонажей, «мелочишка» перерастает в сценку [1:71].

Возможно, именно описанная нами выше пассивная позиция читателя позволяет исследователям разделить тексты Чехова по принципу нарративности/ненарративности. Приведем в пример одно из произведений, которые Чудаков отказывается рассматривать в рамках своего исследования, – «мелочишку» «Перепутанные объявления» (1884). Миниатюра написана по распространенному шаблону, суть которого раскрывается в экспозиции:

«С предлагаемыми объявлениями случился на праздниках маленький скандал, не имеющий, впрочем, особенной важности и не предусмотренный законодателем: набрав их и собирая в гранки, наборщик уронил весь шрифт на пол. Гранки смешались, и вышла пута-

ница, не имеющая, впрочем, уголовного характера. Вот что получилось по тиснению» [3, II:183].

Далее читателю предлагается список из абсурдных объявлений, получившихся по недосмотру наборщика. На первый взгляд, пример совсем прост. Однако наше внимание привлек тот факт, что на самом деле текст вовсе не представляет собой разделенных и соединенных заново вырезок из объявлений: попробуйте разделить их на части и собрать исходные предложения – вы не найдете ни одного совпадения.

Не затрагивая в данном случае вопроса о соблюдении формулы как таковой, остановимся на том, что само по себе построение такого рода текста гиперконвенционально: оно представляет собой в чистом виде эстетическую функцию, игру, сконцентрированную на читателе. Однако вряд ли предполагается, что читатель должен отдавать себе отчет в таком построении текста – он, как мы уже сказали, объект воздействия. Интересен факт, что в трех из десяти «объявлений» возникает околολитературная тема:

«"Цветы и змеи" Л. И. Пальмина с прискорбием извещают родных и знакомых о кончине супруга и отца своего камер-юнкера А. К. Пусто-квасова.

Редакция журнала «Нива» имеет для рожениц отдельные комнаты. Секрет и удобства. Дети и нижние чины платят половину. Просят не трогать руками.

С 1-го февраля будет выходить без предварительной цензуры акушерка Дылдина. Всякая подделка строго преследуется законом» [3, II:183].

Это словно бы намекает на книжность данного текста и в то же время выделяет инстанцию, порождающую текст (в противовес фигуре читателя, которая, как мы пытались показать, является центральной для данного текста, ибо только для его развлечения он был составлен). Как мы отмечали, за неимением (или ослаблением) реальной сюжетно-фабульной составляющей тексты массовой литературы представляют собой диалог-игру между повествователем и реципиентом. Причем стоит обратить внимание на то, что повествователь этот стремится слиться с «реальным» автором – это маска человека, связанного с журнальной деятельностью.

Такой повествователь неоднократно появляется и в других несюжетных текстах раннего Чехова. В пример можно привести список,

озаглавленный «300 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка» [3, II:182]. Последним пунктом в нем значится: «*Человек без селезенки*. Псевдоним, под которым, быть может, скрывается король Сандвичевых островов или испанский гранд. Но кто бы он ни был, он почтительнейше ставит точку» [3, II:182]. Текст снова представляет собой явный случай конвенции с читателем: вместо трехсот слов мы получаем всего четырнадцать, причем четырнадцатый пример – автограф автора, раскланивающегося перед публикой после удачной шутки.

Другие примеры: «Контракт 1884 года с человечеством» [3, II:306], написанный в форме документа, причем нотариусом опять же является Человек без селезенки.

«Список экспонентов, удостоенных чугунных медалей по русскому отделу на выставке в Амстердаме» – произведение, юмор которого в значительной степени опирается на контекст, но последним пунктом (призером) значится: «Я – за то, что я *Человек без селезенки*» [3, II:254]. Здесь еще откровеннее, чем в предыдущих примерах, в пределах художественного текста начинает (хоть и минимально) объединяться фиктивный мир и реальность читателя.

На наш взгляд, структурным сюжетом для таких элементарных образований массовой литературы является неизменное постулирование двух субъектов – повествователя и читателя – и установление между ними игровых отношений. Игра эта заключается в постоянном расшатывании границ фиктивного и реального: то ли реальный автор принадлежит художественному миру, то ли совершенно абсурдный текст изображает эмпирический мир. В мелких юморесках этот прием подконтролен как повествователю, так и читателю, который при желании может оценить его вместе с другими остротами, содержащимися в конкретной «мелочишке».

Даже когда сюжет оказывается полностью стилизован под персонажное повествование, фигура наблюдающего нарратора, своим существованием подтверждающая игровой характер текста, не исчезает. Это можно проиллюстрировать на примере такой чеховской миниатюры, как «Каникулярные работы институтки Наденьки N» (1880). Текст данной «мелочишки» представляет собой своего рода отрывок из тетради Наденьки – упражнения по русскому языку и арифметике, сочинение «Как я провела каникулы?», естественно, изрядно сдоб-

ренные абсурдными ошибками. Читатель вроде бы имеет дело только с персонажем: формулировка мыслей принадлежит Наденьке, общего сюжета в произведении нет (даже сочинение героини вряд ли потянет на полноценную историю, хотя подтекст позволяет читателю домысливать ситуации). Однако подпись автора/повествователя снова включается в текст: «Подлинность удостоверяет – Чехонте», словно бы образуя вместе с заглавием минимальную рамку и снова иллюстрируя игровые отношения. Интересно отметить, что и в таком тексте не обошлось без литературных аллюзий: в сочинение Наденьки включен список книг, прочитанных за лето, а также встречается предложение, которое было «похищено из “Затишья” Тургенева» [3, 1:25]. Это, естественно, не может прочитываться как намеренное выстраивание автором литературоцентричного сюжета, но изящно оттеняет литературную шутку, которой, по сути, является чеховская миниатюра.

Подобная активность повествователя, затягивающего читателя в фиктивный мир и одновременно обнажающего литературные приемы, сохраняется и в сюжетных текстах. Так, например, рассказ 1880 г. «За яблочки», повествующий о барине-самодуре, ради забавы поиздевавшемся над крестьянами, начинается длинным пассажем нарратора, вводящего читателя в курс дела. Повествование не только насквозь субъективно (выполняются все условия субъективного повествования по Чудакову: прямые оценки повествователя и обращения к читателю), но в нем так же, как и в прочих примерах, используется прием нарушения границы художественного мира, встречаются апелляции к литературному и окололитературному контексту:

«Если бы сей свет не был сим светом, а называл бы вещи настоящим их именем, то Трифона Семеновича звали бы не Трифоном Семеновичем, а иначе; звали бы его так, как зовут вообще лошадей да коров. Говоря откровенно, Трифон Семенович – порядочная таки скотина. Приглашаю его самого согласиться с этим. Если до него дойдет это приглашение (он иногда почитывает “Стрекозу”), то он, наверно, не рассердится, ибо он, будучи человеком понимающим, согласится со мною вполне, да, пожалуй, еще пришлет мне осенью от щедрот своих десятков антоновских яблочков за то, что я его длинной фамилии по миру не пустил, а ограничился на этот раз одними только именем и отчеством. Описывать все добродетели Трифона Семеновича я не стану: материя длинная. Чтобы вместить всего Трифона Семено-

вича с руками и ногами, нужно просидеть над писанием по крайней мере столько, сколько просидел Евгений Сю над своим толстым и длинным “Вечным жидом”» [3, I:39–40].

После длинного вступления повествователя следует собственно сюжетная часть рассказа, а завершается произведение словами повествователя, которые по большому счету выглядят достаточно морализаторскими:

«Вот как забавляет себя на старости лет Трифон Семенович. И семейка его тоже недалеко ушла от него. Его дочки имеют обыкновение гостям “низкого звания” пришивать к шапкам луковицы, а пьяным гостям того же звания – писать на спинах мелом крупными буквами: “асел” и “дурак”. Сыночек же его, отставной подпоручик, Митя, как-то зимою превзошел и самого папашу: он вкупе с Карпушкой вымазал дегтем ворота одного отставного солдата за то, что этот солдатик не захотел Мите подарить волчонка, и за то, что этот солдатик вооружает якобы своих дочек против пряников и конфет господина отставного подпоручика. . .

Называй после этого Трифона Семеновича – Трифоном Семеновичем!» [3, I:44–45]

Однако чистого морализаторства не получается: удивительно, но уже в столь раннем чеховском рассказе проявляется принципиальная неоднозначность – мы сталкиваемся не только с неоднозначными оценками героев, которые им дает повествователь, но и с тем, насколько неоднозначно текст воздействует на реципиента. Ведь мы помним, что изначально текст настраивал нас на то, что нам покажут глупого самодура, читателю была обещана шутка, а может быть, и сатира на глупого барина. Далее текст повествует о том, как Трифон Семенович, обнаружив в своем саду молодую пару крестьян, ворующих его яблоки, заставил влюбленных побить друг друга в качестве наказания. Однако повествователь беспощадно комментирует не только действия жестокого барина, но и поведение самих крестьян:

«Парень плюнул, крякнул, взял в кулак косу своей невесты и начал карать зло. Карая зло, он, незаметно для самого себя, пришел в экстаз, увлекся и забыл, что он бьет не Трифона Семеновича, а свою невесту. Девка заголосила. Долго он ее бил. Не знаю, чем бы кончилась вся эта история, если бы из-за кустов не выскочила хорошенькая дочка Трифона Семеновича, Сашенька» [3, I:44].

После чего следует уже процитированный морализаторский итог.

Читатель мог бы, пожалуй, расценить подобный текст как своего рода кукольное представление, в котором смеяться можно над всеми героями – однако рассказ построен таким образом, что подобная позиция для читателя оказывается невозможной. Первая часть, сконструированная по шаблонам формульных произведений, выстраивает ситуацию диалога повествователя и читателя как главных фигур диалога. Повествователь последовательно рисует образ жестокого барина, все больше сгущая краски, поэтому в ситуации с наказанием молодых крестьян барин действительно выглядит как злодей. Однако позитивного, контрастного полюса не получается: повествователь показывает, что и униженные герои не столь положительны. Уже такая ситуация является усложненным вариантом формулы: массовая литература любит контрасты, а не серый цвет. Отчасти мелодраматическая направленность (злодей обижает и разлучает влюбленную пару) и внезапно следующая за ней неопределенность погружают читателя в сюжет и замыкают в нем: проникнувшись сочувствием к крестьянам, реципиент сталкивается с тем, что и они могут быть жестоки. Морализаторский итог возвращает нас к началу и к обличению Трифона Семеновича. Повествователь не дает читателю полной свободы, чтобы тот сделал собственные выводы из прочитанного: нарратор на самом деле довольно категоричен в своих оценках. Он ловко обводит читателя вокруг пальца: остроумный газетный рассказик в финале превращается в неоднозначный текст, и читатель уже не может судить о нем так, как это было в начале – наравне с автором/повествователем.

Таким образом, с помощью всех приведенных примеров мы пытались показать, что в случае с чеховскими ранними текстами, функционировавшими в среде массовой литературы, следует несколько переосмыслить понятия нарративности, сюжетности, событийности. Так как сюжеты юмористических миниатюр, небольших новелл и других подобных жанров строятся на удовлетворении читательского ожидания, можно сделать предположение, что главными фигурами в тексте являются повествователь и читатель, а главным сюжетом – не перипетии персонажей, но игра между повествователем и читателем. Это подтверждается тем фактом, что даже при отсутствии собственно истории, фабулы в тексте игровые отношения сохраняются и даже

выходят на первый план. В тексте постоянно происходят колебания между фиктивным миром и реальностью читателя, и читатель вынужден следовать за каждым таким колебанием: ведь чтобы анекдот был смешным, нужно хотя бы на мгновение предположить, что такое случилось в привычном нам рациональном мире, он нужен как контрастный элемент.

Данное предположение пока существует в виде гипотезы: необходимо более детальное исследование, чтобы говорить об универсальности наших построений для чеховского раннего творчества или рассматривать эти особенности текстов как характерные для формульной литературы как феномена. Однако что касается именно произведений Чехова, мы считаем данную точку зрения перспективной в виду того, что она помогает представить творчество писателя как единую систему – без исключения из нее «неперспективных», отвергнутых автором жанров. Кроме того, проявляющаяся уже в самых первых рассказах интенция повествователя оставить читателя в неопределенности, отказ от чистой оценочности хотя и в игровой форме позволяет наметить еще одну нить, которая могла бы связать два полюса вечного противопоставления: Антошу Чехонте и Антона Чехова.

1. Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007.

2. Тимофеев В. Г. К определению понятия «массовая литература» // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 1. С. 15–20.

3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М. : Наука, 1974–1983.

4. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971.

РЕЦЕНЗИИ

Город Сыктывкар. Энциклопедия. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. – 408 с.

На фоне бурного развития энциклопедического дела в Советском Союзе в 1920–30-е гг. в некоторых регионах появляются планы издания местных энциклопедий. Подобная идея возникла и в кругах интеллектуальной общественности Коми автономной области. Были даже сделаны первые шаги по претворению мысли об издании Коми Советской энциклопедии в жизнь. Книга мыслилась как научный справочник по всем отраслям знаний и общественной жизни автономии. Был сформирован Редакционный Совет Коми энциклопедии. В 1935 г. стараниями Коми НИИ был подготовлен и издан «Словник-проспект» Коми Советской энциклопедии. Он включал в себя около 2,5 тыс. слов-терминов. В его составлении активное участие принял зам. Главного редактора Коми Советской энциклопедии Д. И. Шулепов. В «Словнике-проспекте» отмечалось, что будущая Коми энциклопедия должна обобщить «достижения в области культурного строительства, а также историю, быт, искусство, язык и литературу коми трудящихся»¹.

Но в середине 1930-х гг. этим замыслам не дано было осуществиться. Идея создания Коми энциклопедии была возрождена лишь в середине 1980-х гг. Однако дожидаться издания энциклопедии «Республика Коми» пришлось еще почти полтора десятка лет: три тома энциклопедии вышли в 1997–2000 гг.²

Почти сразу же после завершения этого проекта возникла мысль о подготовке энциклопедии «Город Сыктывкар». Тем более что определенная база для работы над подобным томом уже имелась: появился целый ряд новых книг, освещающих различные стороны жизни столицы Республики Коми.³

¹ Коми советская энциклопедия. Словник-проспект / под ред. Д. И. Шулепова. Сыктывкар : Издание Коми областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1935. 66 с.

² Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1997. Т. 1. 472 с.; 1999. Т. 2. 576 с.; 2000. Т. 3. 400 с.

³ См.: История Сыктывкара / гл. ред. И. Б. Берхин. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1980. 288 с.; Рогачев М. Б., Цой А. И. Усть-Сысольск: страницы истории.

В 2010 г. и это начинание получило материальное воплощение: в свет вышла энциклопедии «Город Сыктывкар».

Сразу бросается в глаза прекрасное полиграфическое исполнение книги большой формат, хорошая бумага, отчетливая печать, значительное количество (более 500) иллюстраций, карт (в том числе и цветных) и т. д. Все это, когда берешь в руки книгу, создает хороший настрой. А это уже немаловажный фактор.

Однако трудности, переживаемые страной и Республикой Коми, не могли не сказаться на реализации этого проекта. Так, хочется посетовать на мизерный, всего 1 тыс. экземпляров, тираж издания.

Но главное в энциклопедии – это ее содержание. Давайте обратимся к статьям, помещенным в данной книге. Их всего более 1,3 тысячи. Редакция энциклопедии привлекла к работе над ними самых авторитетных в республике специалистов. Значительное количество статей написано, конечно, учеными Коми научного центра Уральского отделения РАН. Но в работе приняли участие ученые и других учреждений республики: Сыктывкарского университета, Коми пединститута, Сыктывкарского лесного института, краеведы и т. д. Надо отметить, что большинство разделов написано понятным, доступным языком, что немаловажно для энциклопедического издания. Тематические и биографические статьи, расположенные по алфавиту, т. е., по энциклопедическому принципу, раскрывают многие стороны истории, культуры и современного состояния города. Том снабжен и необходимыми приложениями (хронология, именной указатель, список сокращений, список цветных иллюстраций).

Особенно интересны и, на наш взгляд, весьма содержательны, материалы об архитектуре города («Торговый дом Кузьбожева», «Торговый дом Дербеневых» и т. д.), которые очень информативны и любопытны. Привлекают внимание и статьи, посвященные и описанию улиц Сыктывкара. Важно, что приведенные в них сведения подкреплены и иллюстративным материалом (фотографиями, картинками и т. д.), по которым мы можем судить об облике города в различные периоды его истории. Хотя, по каким-то причинам, материалы о не-

Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1989. 160 с.; Рощевский М. П., Рощевская Л. П. Градоначальники Сыктывкара в портретах. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2003. 144 с.; Рогачев М. Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2006. 248 с и др.

которых улицах городах, весьма значительных (Школьная, Колхозная и др.), отсутствуют.

Важны и биографические материалы. Из них мы можем узнать о людях, внесших значительный вклад в развитие столицы Коми республики: деятелях, в различные годы возглавлявших городскую администрацию, писателях, художниках и иных работников культуры, проживавших и творивших в Сыктывкаре. Однако здесь сразу возникает вопрос, на который непросто найти ответ: а по какому принципу шел отбор тех, кто удостоился чести войти на страницы энциклопедии «Город Сыктывкар». На наш взгляд, излишне подробно представлены на страницах энциклопедии современные политики Республики Коми. Зато не совсем полны сведения о личностях дореволюционного и советского периода. Многих достойных людей, что сыграли немалую роль в истории города, тех, которые по своему положению и статусу должны быть в данной книге, мы здесь не найдем: это первый руководитель Усть-Сысольской организации РКП (б): И. П. Андрианов, организатор Советской власти в Усть-Сысольске С. Н. Ларионов и др. Возможно, сыграла свою роль политическая конъюнктура... А что касается деятелей науки, то здесь явный перебор ученых из Коми научного центра, нередко в ущерб представителям вузовской науки. Например, отсутствуют в энциклопедии сведения о ряде крупных научных и педагогических деятелях Сыктывкара: о директорах Коми пединститута В. А. Айбабине, Д. Т. Степуло, директоре Сыктывкарского лесного института Ф. Ф. Лихачеве и многих других.

Конечно, мы понимаем, что в таком большом деле нельзя обойтись без определенных недостатков. И в энциклопедических изданиях много вопросов возникает, прежде всего, к основе любой энциклопедии – словнику. Не избежит их и энциклопедия «Город Сыктывкар». Например, можно было исключить объяснение таких терминов, которые лишь косвенно относятся к Сыктывкару и не несут какой-либо дополнительной информации (по сравнению с другими справочными изданиями): «грибы агариковые» и т. п. В энциклопедии помещен и целый ряд статей об общественно-политических организациях («женская палата», «молодежный парламент» и т. п.), который носят сиюминутный, проходящий характер. Возможно, уже через несколько лет об этих структурах мало кто будет помнить. Наиболее яркий пример такого рода – материал о партии «Наш дом –

Россия», помещенная в данном издании. Ведь если следовать логике составителей словника, поместивших данную статью, то следовало поместить и материал и о таких, в общем-то (как и «Наш дом – Россия») подзабытых партиях, как «Конгресс русских общин», «Женщины России» (а ведь последняя даже имела представителя от Республике в Государственной Думе) и т. п. К тому же многие статьи об общественно-политических и общественных организациях грешат, на наш взгляд, еще одним существенным недостатком – они дают сведения в основном о работе данных структур в республиканском масштабе, а вот о деятельности именно городских отделений почти ничего не сказано. (См., например, статьи: «движение солдатских матерей», «союз композиторов», «союз писателей», «войтыр» и др.).

Подобный упрек можно сделать и в отношении целого ряда других разделов, что были уместны в энциклопедии «Республика Коми», но появление которых в книге о столице республики не выглядит оправданным (например, «памятники древнекоми письменности» «вхождение коми края в состав древнерусского государства», «участие жителей Усть-Сысольска в заселении Сибири» и т. д.) авторы которых вынуждены постоянно сбиваться на республиканскую тематику. Многие статьи практически повторяют опубликованный в энциклопедии «Республика Коми» материал («Сысола» и др.).

А вот некоторые стороны истории и современного положения города, возможно, не нашли на страницах энциклопедии должного отражения. Например, когда мы попытаемся получить сведения о религиозных верованиях, распространенных среди жителей города, то мы обнаружим только работу о православной церкви. Статей о мусульманстве (исламе), евангельских христианах-баптистах (храм Христа данной церкви является одной из достопримечательностей города), других религиях в книге нет.

Впрочем, деятельность и история целого ряда организаций не представлена на страницах издания порой по их собственной вине. Ведь, несмотря на настойчивые просьбы редакции, многие учреждения так и не дали в энциклопедию необходимые материалы.

Возможно, именно по этой причине, некоторые статьи энциклопедии страдают неполнотой освещения. Показателен в этом плане материал «Коммунистическая партия РФ». В ней отсутствуют сведения (как это совершенно оправданно сделано в работах о других полити-

ческих партиях) о депутатском корпусе КПРФ. А ведь на момент выхода в свет энциклопедического тома эта политическая структура имела шесть депутатов в Совете города и два депутатских места в Госсовете. И эти данные следовало отразить в энциклопедии. Здесь видна явная недоработка редакции, которой следовало бы установить единые требования к содержанию статей.

Отсутствие единообразия заметно и в оформлении других статей. Так, в некоторых статьях имеется список литературы, из которой можно почерпнуть дополнительные сведения по тематике статьи, в иных она отсутствует. Конечно, хорошо, что имеется список литературы в конце тома (к которому можно предъявить целый ряд претензий, многие работы здесь не представлены), но лучше, а, главное, удобнее для читателя, если бы литература указывалась к каждой статье.

Особенно показателен этот просчет в биографических статьях энциклопедии, где определенный разноречивый в оформлении весьма заметен. Так, в ряде материалов об научных работниках имеются дополнения, из которых читатель узнает об основных трудах исследователей (и это правильно – такова обычная практика). А в других статьях данные сведения отсутствуют. Конечно, желательно, чтобы все биографические материалы такие дополнительные разделы все же имели.

Можно предъявить претензии и к содержанию некоторых статей. Порой они не содержат сведений, которые явно должны в них присутствовать. Так, весьма желательно, чтобы в материалах об организациях, учебных заведениях давался перечень руководителей (надо отметить, что авторы ряда подобных статей давали такие сведения, но они были по каким-то причинам редакционной коллегией отвергнуты). Такие данные были бы весьма полезны и любопытны.

В связи с последним замечанием хотелось бы сказать о том, что, возможно, следовало бы несколько расширить и справочный аппарат энциклопедии. Например, можно было в конце статьи отмечать, в каких еще разделах энциклопедии можно почерпнуть сведения по этому вопросу и т. п.

Если еще раз затронуть оформление тома, то, как уже отмечалось, оно выполнено на высоком уровне. Единственное, в чем можно упрекнуть редакцию: мало в издании карт. А ведь они помогли бы

дать более выпуклое представление как об истории, так и о географии города.

И все же небольшой коллектив энциклопедии сделал большое дело. Выход этого издания – событие неординарное, даже эпохальное. В том числе и в области исторической науки. И власти города и республики должны позаботиться, чтобы энциклопедия «Город Сыктывкар» – поступила бы в самую отдаленную библиотеку региона: сельскую, школьную. И была бы доступна всем: от руководителя до школьника.

*О. В. Золотарев (заведующий кафедрой
истории и экономической теории
Коми педагогического института,
доктор исторических наук, профессор)*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобохидзе Нона Гурамовна – доктор филологических наук, профессор Кутаисского государственного университета (Кутаиси)

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин филиала ФГБОУ «Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет» (Тверь)

Васильев Павел Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по экономическим связям КГПИ (Сыктывкар)

Коренева Анастасия Вячеславовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры связей с общественностью и лингвистики Мурманского государственного технического университета (Мурманск)

Мартысюк Павел Григорьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского государственного социального университета (Минск)

Миронова Наталья Петровна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар)

Митина Светлана Ивановна – доктор философских наук, доцент, декан факультета иностранных языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева (Саранск)

Оксузьян Денис Владимирович – историк (Сыктывкар)

Оробий Сергей Павлович – преподаватель кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск)

Павильч Александр Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и международного туризма Минского государственного педагогического университета (Минск)

Панкратов Владислав Владимирович – магистрант Научно-исследовательского университета «Высшая Школа экономики» (Санкт-Петербург)

Пискунова Лариса Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Рогачев Михаил Борисович – председатель правления Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние» (Сыктывкар)

Рябинкин Георгий Сергеевич – аспирант ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар)

Сурво Арно – доктор философии, Университет Хельсинки (Хельсинки)

Сурво Вера – докторант, Университет Хельсинки (Хельсинки)

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор кафедры политологии Научно-исследовательского университета «Высшая Школа экономики», заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург)

Фомина Тамара Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань)

Шабает Юрий Петрович – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН (Сыктывкар)

Яаника Яанитс – магистрант Тартуского университета (Тарту)

Периодическое издание

**ЧЕЛОВЕК
КУЛЬТУРА
ОБРАЗОВАНИЕ**

*Научно-образовательный
и методический журнал*

№ 2(4) / 2012

Редактор *И. В. Шевелева*. Корректор *Л. Н. Руденко*
Компьютерный макет *А. Е. Ергакова*

Подписано в печать 15.05.12. Формат 60x84 ¹/16. Тираж 300 экз.
Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 12,4. Уч. изд. л. 11,1. Заказ № 38.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 11.РЦ.09.953.П.001215.12.09 от 01.12.2009 г.

Редакционно-издательский отдел
Коми государственного педагогического института
167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 25